

Three Plays

Yevgeniy Shvarts

With an introduction and notes by
AVRIL PYMAN, Ph.D. (CANTAB.)

Illustrated by
KIRILL SOKOLOV

PERGAMON PRESS
OXFORD · NEW YORK · TORONTO
SYDNEY · BRAUNSCHWEIG

Pergamon Press Ltd., Headington Hill Hall, Oxford
Pergamon Press Inc., Maxwell House, Fairview Park, Elmsford,
New York 10523
Pergamon of Canada Ltd., 207 Queen's Quay West, Toronto 1
Pergamon Press (Aust.) Pty. Ltd., 19a Boundary Street,
Rushcutters Bay, N.S.W. 2011, Australia
Vieweg & Sohn GmbH, Burgplatz 1, Braunschweig

Copyright © 1972 Avril Pyman

All Rights Reserved. No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted, in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording or otherwise, without the prior permission of Pergamon Press Ltd.

First edition 1972

Library of Congress Catalog Card No. 77-160250

Printed in Great Britain by A. Wheaton & Co; Exeter.

This book is sold subject to the condition that it shall not, by way of trade, be lent, resold, hired out, or otherwise disposed of without the publisher's consent, in any form of binding or cover other than that in which it is published.

08 016294 0 (flexicover)

Introduction

Yevgeniy Shvarts

THE Soviet Union tends to remember Yevgeniy L'vovich Shvarts as a kind of universal uncle. He was, in his latter years at least, stout, wise and witty—and a wonderful story-teller. He was a success at children's functions and everybody's favourite after-dinner speaker. His poker-faced humour was subtle enough for the most sophisticated or broad enough for the most juvenile, according to mood. He could reduce serious men of literature to tears of laughter by his rendering of a "Dog's Trial" in which Counsels for the Prosecution and the Defence, Accused and Judge, spoke only in growls and barks. Gregarious in the extreme, it was often said that he was an even better raconteur than a writer, and there is a story that his producer was once actually reduced to locking him into a hotel bedroom to make him finish a script: he enjoyed "telling" the actors what was going to happen next in a series of breathtaking improvisations, but writing, for him, was sweated labour, a constant striving for perfection. He would never re-work a manuscript which he, as an artist, considered satisfactorily completed, preferring to put it away quietly at the back of a

drawer and start the next. In spite of this unostentatious intractability, he was beloved by all: by children and grown-ups, by rival writers, by actors at rehearsals (where the author is usually the most unpopular figure present), by producers, by good party members such as Vera Kettlinskaya, courageous secretary to the Writers' Union during the Leningrad blockade, and even by bad literary officials who never quite perceived in this fat and jovial fellow that which so disquieted Caesar in the lean, hungry and unsmiling Cassius: "a great observer" who looked "quite through the deeds of men".

Shvarts's drama is associated with the excellent Leningrad Children's Theatre, Teatr Yunogo Zritelya, for which he wrote many plays, and with the late Nikolay Akimov's Comedy Theatre: that is to say with gay grotesque, sparkling fantasy and deliberate theatricality. He is remembered also for his connection with the brilliant children's magazines of the twenties, *Novyy Robinson*, *Chizh* and *Yozh*. At this time, under the austere guidance of Samuil Marshak, children's literature was treated with a respect hitherto accorded only to grown-up forms. Grown-ups, however, who ventured into the Editorial Office occupied by Shvarts, the provincial Jewish intelligent, Oleynikov, his antipode by origin and in physical appearance, the snub-nosed, curly-headed, Red Cossack son of a village inn-keeper, Irakliy Andronnikov, later to become famous as story-teller, impersonator and writer of exciting pieces of literary detective work, and the pretty young secretary Henrietta Davydovna Levitana, found themselves in an upside-down world of childish practical jokes and non-stop, riotous play-acting. Я люблю Генриэтту Давыдовну, wrote Oleynikov mournfully:

А она меня, кажется, нет.
Ею Шварцу квитанция выдана,
Ну, а мне и квитанции нет.

One visitor recalls how, on his first visit to this office, he was

INTRODUCTION

met by Shvarts and Oleynikov hurtling along the passage on all fours pretending to be camels.

The work of Shvarts's maturity is monolithic. His fairy tales and plays for children can be read by grown-ups: the sophisticated politico-philosophical satires for which he has become famous beyond the borders of his own country are written in the form of fairy tales, and some of their best moments are of utterly unforced "childish" humour. In *The Dragon*, for instance, sociologically and politically Shvarts's most heavily "loaded" play, there is a slightly off-beat dialogue between a donkey and a cat.

CAT. Why aren't you laughing?

DONKEY. Someone'd clock me one. Whenever I laugh out loud, people say: that damn donkey shrieking again. And hit me.

CAT. I see! You mean, you have such a piercing laugh?

DONKEY. Uhu!

CAT. And what makes you laugh?

DONKEY. All depends. . . . I think and I think, then suddenly I remember something funny. Horses make me laugh.

CAT. Why?

DONKEY. They just do . . . idiots.

This sort of thing comes from a remarkable and spontaneous gift of empathy for the world of animals, children and magic. The author is at home in the conventions of his own world and never wearies us with allegory. His works do not illustrate a thesis; they tell a story. Make what you can of it. His plays are, in a sense, "moralities", but the moral emerges from the stability of the writer's own moral universe rather than from didactic intent. This universe is dominated by a full-blooded struggle between good and evil in the shape of "professional" heroes straight out of legend and folktale, such as Lancelot ("alias George, alias Perseus the Vagabond") who slays the Dragon, or the magnificent Vasilisa, widow and mother of heroes, who frees two of her young sons turned into maple-trees by a witch ("Never mind, what do you expect? These

things will happen on the road!")—and “professional” villains such as the Dragon himself, who only refrains from reducing his subjects to total despair because somebody has to feed him, or Baba Yaga the witch, a choice little character who drools dotingly over her own iniquity.

Yet “Uncle Zhenya” was more serious, more subtle, more tragic than his theatre, at least as it was realised during his lifetime. Where his plays make their impact is in the “human all-too-human” sphere between Good and Evil: “Riches and poverty, privilege and slavery, reason and stupidity, sanctity, crime, conscience, shamelessness—all mixed up so inextricably it’s really horrifying. It will be very difficult to disentangle you, to straighten you out and put you in order and yet not to harm any live thing. In fairy-stories everything is much simpler!”

Dark indeed are the forces of evil in the world of Yevgeniy L’vovich Shvarts, and terribly deeply entrenched in the human soul are cowardice, indifference, sloth, greed, hypocrisy and distrust. “Human souls, my good man, can stand a lot of wear and tear. You hack their bodies in half—they die. You tear their souls to pieces—they become more malleable, no more. . . . Leaky souls, venal souls, seared souls, dead souls. . . .”

Shvarts was an optimist, but an optimist who had touched bottom and kicked off and up again, from the depths. In his life he was richly acquainted with hardship, nervous strain and sorrow. Born in Kazan, 1896, the son of a provincial doctor, he had an unsettled childhood involving a nightmare journey through the heat and dust of Southern Russia and the harrowing experience of witnessing a prison interview between his hot-tempered father (who served a term of imprisonment for participation in a Student Social-Democrat study circle, after which he was forbidden domicile in the capitals) and his much-loved mother end in a fight between his father and the policeman on duty who, suspecting a message passed from lip to lip in the couple’s farewell kiss, had made a brutal attempt to force

INTRODUCTION

open his mother's mouth. This scene was evidently so distressing that it was subsequently expunged from the three-year-old Zhenya's conscious memory, but at the time he cried and shivered uncontrollably all that day. From his youth he suffered from a nervous tremor of the hands which made writing a burden to him and precluded his speaking from notes. His student days in Rostov-on-Don coincided with the chaos, hunger, and perpetual insecurity of war, Revolution and Civil War.

As an author, Shvarts was late in "finding himself". Having studied law, he turned to acting in a semi-amateur but very avant-garde company consisting largely of friends and relations, then worked in the provincial Donbass miners' newspaper *Kochegarka* and the periodical *Zaboy*, then on the editorial board of children's magazines in Leningrad, writing "features" and editing other people's work. Yet, while still an actor, when he followed his company from Rostov to the hungry, desolate Leningrad of 1921, the author in him was sufficiently alive to make him *persona grata* amongst the "Serapion Brothers". If Shvarts wrote at all at that time, he showed nothing to his new writing friends, yet they considered "that he would inevitably become an author. If not today—then tomorrow, if not tomorrow—then the day after."* Olga Forsch, in her reminiscences of the Writers' Community Dwelling which she aptly named "The Crazy Ark" ("Sumashedshiy Korabl'", 1931) gives a vivid picture of "Genya Chorn", one of the most amusing and observant habitués of this weird intellectuals' refuge, whom she remembers principally for his remarkable ability to organise both the writers and their normally undisciplined children in improvised skits and amateur theatricals. *Kochegarka* and *Zaboy* were more than provincial newspapers. What happened here was a spontaneous explosion of new talent in a new field: a provincial newspaper and journal for the working man in the first Workers' State,

* Mikhail Slonimsky, *My Znali Yevgeniya Shvartsa*, Leningrad, Moscow, 1966, p. 7.

run by youthful enthusiasts who had, perhaps, little idea of what they were trying to do, but were at least determined that it should be done surpassingly well. In the offices of *Yozh* and *Chizh* Shvarts, while still writing very little himself, was associated with another literary group, the self-styled "Oberiuty",* comprising the poets Nikolay Zabolotsky, Daniil Ivanovich Yubachev (Kharms), Aleksandr Vvedensky, Leonid Savel'ev, Yu. Vladimirov, D. Levin, K. Vaginov, I. Bakhteryov and Shvarts's Cossack friend of *Kochegarka* days, Oleynikov. To some extent, the *Oberiu* group took their inspiration from the early Futurists, particularly Khlebnikov, whose experiments with word and sound they applied most successfully to children's verse. It is symptomatic of their self-consciously twentieth-century attitude that the group included a cinema section. The *Oberiuty*, with the odd individual exception (notably, of course, Zabolotsky) did not establish themselves as grown-up poets, and it is, perhaps deservedly, largely their brilliant children's verses that have survived them. However, they were not all writers for children, and those who were did not limit themselves to this genre. Sparked off by Shvarts's eccentric, off-beat and inconsequential jingles—which for him were a purely extra-literary amusement—these associates of his soon became real adepts of the genre, counting among their prosodic antecedents two distinguished, albeit non-existent, luminaries of Russian comic verse: Koz'ma Prutkov and Dostoyevsky's remarkable Captain Lebyadkin, and a whole tradition of poetry-between-friends, not intended for publication, originating from the eighteenth-century Count Khvostov. Finally they raised the technique to a serious surrealism which became less humorous and more satiric—sometimes even desperate and tragic—as talent and eccentricity became

* Oberiu—Ob'edineniye real'nogo iskusstva. There is an interesting account of Shvarts's connection with the group in I. Rakhtangov's *Rasskazy po pamyati*, Moscow, 1966, pp. 137–182. See also R. R. Milner-Gulland, *Oxford Slavonic Papers*, 1970.

INTRODUCTION

increasingly suspect, first in literature and then in life.*

Shvarts was not a member of this curious and extremely talented society any more than he was a true Serapion. His gift is at once more individual and more classic. He eschews the sunless seas and formless oceans of the subconscious, although, as with all sensitive and nervous artists, the pull of their tides can sometimes be felt far, far beneath the surface of his work. At such a moment the dastardly Shadow, villain of the play *Ten'*, wins the Princess by telling her her own dreams "even the ones which can only be whispered in your ear" and weaves a dark enchantment about her feeble, frightened, capricious soul with the words: "People know nothing of the shadow-side of things, yet it is in the shadows, the half-dark, the depths, that lurks that which gives spice to our feelings. In the depths of your soul you will find—me."

Shvarts, however, was a devotee of "White Magic", a Servant of Light and Life who generally refrained from dabbling in the "Black." Perhaps he was afraid. His jokes covered much suffering and many doubts—of himself, of his talent, of the efficacy of his work. He was a gallant fighter, but not a serene man. Towards the end of his life he feared old age, illness and death and wrote in his notebooks of the "eternal awareness of my own monstrous inadequacy".† Such men have need of objective, clearly-defined, extrovert forms.

What Shvarts did have in common with the Oberiuty was a delight in the sound of words, an acute sense of the absurd, and unbounded imagination. In 1928, when his friendship with

* Kharms was arrested in connection with an elaborate practical joke involving plans of the City of Leningrad and posthumously rehabilitated. Oleynikov is said to have been shot resisting arrest. The group as a whole was completely broken up over the years 1937-9. Zabolotsky spent many years in prison camp and exile, during which time Shvarts, unlike the personage in *The Dragon* who failed to recognise his friend the Archivarius from the moment the police surrounded his home, kept a benevolent eye on the poet's wife and children.

† Quoted by Shvarts's biographer, S. Tsimbal, in *My Znali Shvartsa*, p. 156.

the group was at its height and he was just beginning to emerge as an author in his own right (*Rasskaz Staroy Balalayki* 1925, *Dva Druga: Khomut u Podpruga* 1926, the story in verse *Styopka Rastryopka I Pogremushka* and the children's play *Underwood* on which he was then working), Shvarts noted down the following "rule".*

"Everything in the world is wonderfully and magnificently *mixed up*. It is exactly like a woven tapestry. A tapestry to bring tears to your eyes. But the bookworm and dreamer takes umbrage at the world, pokes around for contradictions, grows bemused by its complexity and falls asleep. He loses all interest in the tapestry. It is not what he expected. He does not believe any longer that there is anything in this world worthy of attention, i.e. clearly expressed.

"But there are such things, oh dreamer! True, the ends and the beginnings of the wonderful things are often hidden in the middles and the continuations of other wonderful things.

"True, it is very easy to get into a muddle, but there is one magic formula for keeping out of muddles. I'll sell you that formula, oh dreamer. There, take it. Here it is: look.

"Look. Look.

"That's all there is to it. Look—and that's all. Look, even when you want to screw up your eyes. Look, even when you don't like what you see. Look, even when it's not what you expected. Remember—the world is never wrong. What is—is. Even if you hate something in the world and want to destroy it—look. Otherwise you will destroy the wrong thing. Get me? . . .

"So, remaining yourself, open your eyes wide and stare at the world as though you were seeing it for the first time. . . . Write what you see. And believe no one! There is the world,

* Shvarts's "rule" is from his *Tetrad' No. 1* published by Yevgeniy Binevich in the Almanack *Prometey*, Vol. 5, Moscow, 1968, pp. 380–386. These passages are from the first part entitled "Po doroge v Pskov (filosofskiy kashel')" written, as Binevich deduces in his introduction, on the 29th of July 1928.

INTRODUCTION

yourself, paper, pen. These are the only data given to help you solve the theorem. Remember, you know nothing. But forget, for God's sake, that you are engaged on the awe-inspiring labour of understanding the world. If you start *thinking* about this all the time you will overreach yourself, dry up, lose all the lightness and gaiety without which the world is finally incomprehensible. But to *feel* all the time that you are busy with problems of world importance is essential. . . ."

It is seldom given to a writer to express the essence of his approach so clearly on the very threshold of his creative life. But then Shvarts was already 32 years old and an experienced man of literature. As his friend Nikolay Chukovsky, the son of the famous children's poet Korney Chukovsky, said: "As a writer, Shvarts matured slowly. As a man he matured much sooner, but years went by before he found the figurative means to express himself."* To the end of his life Shvarts was shy of using the word "writer"—"pisatel'"—about himself. "You know," he said, "I don't mind calling myself a playwright. That is a profession. But to say: 'I'm a writer'—just as embarrassing as telling everyone how handsome you are."†

In 1928, he still had a long way to go before he achieved his "means of expression". His first play, *Underwood* (staged by the Leningrad Children's Theatre TYuZ in 1929), has been aptly described by his biographer as "something between a fairy tale and a modern detective story".‡ Shvarts himself declared that while writing *Underwood*, which recounts how a plan to steal a student's borrowed typewriter is foiled by a brave little orphan girl, he was "profoundly convinced" that he was "writing a purely realistic work". Indeed, realism in those days was *de rigueur*. The late twenties were remarkable for the emergence of a deplorable trend in pedagogic thought humorously described by Shvarts in his memoirs:

* Nikolay Chukovsky, *My Znali Shvartsa*, p. 33.

† N. Chukovsky, *op. cit.*

‡ S. Tsimbal, *Dobraya i besposhchadnaya fantaziya skazochnika*, in the book *Yevgeniy Shvarts P'esy*, Leningrad, 1960, p. 11.

“The opponents of anthropomorphism, of the fairy tale, insisted that the world was difficult enough for a child to understand without fairy tales. They succeeded in occupying key positions in pedagogic circles. All children’s literature came under suspicion. The only activity which they considered should be permitted to children’s authors was to dish up a few optional appendages to school textbooks. In the sphere of theory they were terrifying enough, but in practice they were still more drastic. For instance—they forbade the use of stools in kindergartens, because stools accustom children to individualism, and replaced them by benches. The theoreticians had no doubt that the benches would develop social habits in the kindergartens and create a harmonious collective. They confiscated the kindergarten’s dolls. There was no object in overdeveloping the little girls’ maternal instinct. The only dolls allowed were those intended to serve as butts, as, for instance monstrously fat priests. It was considered quite beyond dispute that the priests would develop anti-religious sentiments among the children. Life showed that the little girls could think of nothing better than to adopt these terrible clerics. The pedologues had to watch how their obdurate pupils, having swaddled the priests in blankets, carried them round in their arms, kissed them and laid them down to sleep—after all, mothers love even the most hideous children.”*

The pedologues succeeded in ousting Shvarts, Oleynikov and the others from their place in children’s publishing in the early thirties. Nevertheless, Shvarts’s next play, *Pokhozhdeniya Gogenshtaufena* (*The Adventures of Gogenshtaufen*, not accepted for the theatre but eventually published in the Leningrad journal *Zvezda*, 1934) made open use of fairy-tale material in a modern setting. It is a parody on Soviet bureaucracy in which the forces of Good and Evil are represented by the good fairy charwoman Kofeykina and the vampire *Upravdelami* Upyreva. The merger between the two worlds, however, is not complete,

* Quoted from Shvarts’s unpublished memoirs by A. Tsimbal, *idem*, p. 7.

INTRODUCTION

as it is in Shvarts's later works where everyone lives, moves and has his being in the special dimension of the fairy tale. In *Gogenshtaufen*, as in *Povest o molodykh Suprugakh* (*The Tale of the Young Marrieds*, 1949–56), the magic element is introduced rather as a device to force the spectator to see contemporary problems (bureaucracy, family life) from a new angle, to give a deeper perspective to what the author has to say. This almost Brechtian technique does not suit Shvarts. Perhaps his contemporary characters—always excepting children—tend to look a little flat beside the gloriously three-dimensional creatures which populate fairy tales.

Shvarts's next play for children, *Klad* (*The Treasure*, staged by TYuZ, 1933) is an exciting story about children on a geological expedition. Here, through the old game-warden who goes by the improbable name of Ivan Grozny, Shvarts puts in his first plea for a more reverent approach to the task of remaking the world which his society had set itself and in which it was his whole-hearted desire to participate. The Chair-woman of the Caucasian mountain collective farm—Doroshenko—and a young shepherd Alibek tell the geologists of their barbarous suspicion that Grozny is in league with the wild beasts and feeds the Collective's sheep to them. . . .

DOROSHENKO. . . . I remember very well: the wind was howling, a real hurricane, knocking people off their feet all over the farm, the trees were creaking, the leaves flying, the dogs had hidden themselves and the cows were mooing—restless, they were. But in the club it was clean and light and the grand piano was playing. The performance went like this: one dancer danced the New Road, the electric railway which is planned to reach us in a year's time, and another danced Wild Nature—now attacking the road, now hiding away from it. And the Class Enemy attacked from the other side. And oh how badly I wanted to see that railway come soon. To chase away the Wild. The hurricane whistled. . . .

ALIBEK. Tearing up the earth . . . very bad. . . .

DOROSHENKO. And then I noticed him—our Ivan Ivanovich

Grozny sitting with a frown on his face and not laughing when Wild Nature ran to hide.

ALIBEK. He was sorry for her. . . .

DOROSHENKO. Grozny laughed at the Class Enemy, but not at Nature.

ALIBEK. He's on her side, on the side of the Wild.

DOROSHENKO. I asked him straight out: what's the matter, are you sorry for her? And he: I'm sorry for the wild beasts. There's no educating them, he said, you can't teach them to read and write. The end is coming for them and they'll perish. . . . Let the cat right out of the bag, he did.

Grozny is cleared of the superstitious suspicions of the locals and proves himself no spirit of the wild but entirely on the side of humanity. Yet the plea "not to harm any living thing" in the process of weeding out that which hampers the growth of society is one to which Shvarts returned again and again. As the Gardener says at the end of *The Dragon*: "Be patient, Mr. Lancelot. I implore you: be patient. Graft. Make bonfires—warmth is essential to growth. Do your weeding carefully so as not to harm the healthy root. After all, when you come to think of it, it may well be that people, for all their failings, deserve to be cultivated with real care."

Other "realistic" plays by Shvarts featuring heroic and thoroughly convincing children (he was particularly good at gallant and capable little girls from his first Marusya, the heroine of *Underwood*, to the delightful Cinderella of his highly original film scenario) were *Brat i Sestra* (*Brother and Sister* staged in 1936 by TYuZ) in which a whole city goes into action to save a small girl being borne down-river on a melting ice-floe, and *Nashe Gostepriimstvo* (*Our Hospitality*, 1939–40) a thriller about a plane-load of foreign spies landing on Soviet territory, which was forbidden the stage for the curiously humourless reason that Soviet borders were at that time (shortly before the outbreak of war with Germany) supposed to be impregnable.*

* N. A. Akimov, *My Znali Shvartsa*, pp. 178–9.

INTRODUCTION

In 1934 Shvarts wrote his first overtly political fairy tale *Goly Korol (The Naked King)*, the first play in this book. Here it was that he first resorted to the subjects of Hans Andersen, mixing three different stories: *The Pig Boy*, *The Emperor's New Clothes* and *The Princess on the Pea*. The result, as in all Shvarts's mature works, was not an adaptation, not a skit, not an allegory, but a highly original, organically integrated artistic whole. Shvarts had found his genre:

"In the fairy tale," he explained in the prologue to one of his last plays, "the everyday and the extraordinary mix very conveniently and are easy to understand so long as you look on the story as a story. As in childhood, you should not look for hidden meanings. The fairy tale is told not to disguise but to disclose, to speak your mind at full strength, at the top of your voice."

The fairy tale has things to say about people and society which are valid for all times, but each time says them in its own way; and the modern political fairy tale is a cap that fits many heads. When *The Naked King* was finally staged in Moscow by the Sovremennik Theatre in 1960, it was widely regarded as a wildly successful slapstick parody of the last years of Stalinism, when admiration of things foreign was utterly taboo and "anti-cosmopolitanism" (often a euphemism for anti-semitism) was the official watchword. In fact, however, as the date of the play and a number of transparent references clearly show, the immediate object of its ridicule is the first years of Hitlerism; it is bursting with red revolutionary pathos and in the last scene there is an honest-to-goodness revolution with a jibe at the Provisional Government thrown in; only the court poet is patently a lampoon on the Soviet literary time-server. 1934 was only the second year of Herr Schickelgruber's ascendancy and Shvarts does not take him altogether seriously and obviously cannot conceive how anybody could. The forces of evil in this play are comic in themselves. The king descending from his great pile of mattresses by parachute-umbrella, his militarised ladies-in-waiting and his highly trained soldiers

who can do everything in complete unison except fight, the monstrous German governess and huntin' Kammerherr: all these are no match whatsoever for the resourceful swineherd Henrich and his friend Christian the Weaver, the innocent Princess Henrietta and the percipient crowd who lose all respect for their tyrannical ruler as soon as he appears before them in his birthday suit. Such horrors as sterilisation, book-burning and anti-semitism seem so absurd that they will be scattered to the four winds by a hearty guffaw:

KAMMERDIENER (*quietly*). Weavers, Sirs! You are venerable folk, elderly. With all respect for your grey hairs, I warn you: not a word against our ancient national traditions, hallowed by the Creator Himself. Our state is superior to all others on this Earth! If you have any doubts on that score, then notwithstanding your age . . . (*He whispers something in Christian's ear.*)

CHRISTIAN. Impossible.

KAMMERDIENER. Fact. So that you should not father children with a tendency to criticise. Are you Aryans?

HENRICH. And have been for quite a while.

KAMMERDIENER. I am very glad to hear it. Sit down . . .
Or:

CHEF. My book "Here's how to cook, Gentlemen" was destroyed.

HENRICH. How? When?

CHEF (*in a whisper*). When it became fashionable to burn books in the public squares. In the first three days they burnt all the really dangerous books, but the fashion did not go out. Then they took to burning all the other books, regardless. Now there are no books left. They burn straw.

Only the court is corrupt: the Prime Minister with his gruff and shameless flattery and his shrewd political brain, only momentarily eclipsed by his personal fear of losing power and privilege; the Minister of Tender Feelings, an incompetent self-infatuated ass who betrays his own party at the first whiff of

INTRODUCTION

danger; the Princess's father, fonder of his throne than of his daughter; the Court Poet who agrees to be first to inspect the wondrous silks invisible to fools with the comforting thought that "... If the worst comes to the worst, I'll tell a lie! Not as if it were for the first time!" All these are easily put to rout by the cry of one small boy who has mastered his eight-times-table: "Papa, but he's got nothing on?" A catchy tune runs through the whole play and buoyantly expresses its general mood:

Завоею счастье с бою
И пойдем домой,
Ты да я да мы с тобою
Друг мой дорогой.

Why this play was not staged immediately it was written is one of the more impenetrable mysteries of the "Repertkom" who decided such matters at the time. Possibly Shvarts's reputation as an author for grown-ups was simply insufficiently established and the combination of fairy-tale form, political content and genuine side-splitting, often slightly vulgar pantomime humour was too new, too genuinely light-hearted not to arouse the suspicions of the anti-artistic type of functionary who flourish in such institutions. Possibly the "fault" was not so much in Shvarts as in the originality of Akimov's Experimental Studio, an offshoot of the Leningrad Music Hall and an attempt at "synthetic" theatre (that is at a "synthesis" of drama, ballet, music and the circus), for which the play was originally commissioned. Possibly though less likely considering the date, the "unspecified" reasons which lead to the halting of rehearsals were of a diplomatic nature.*

Be that as it may, for the next few years Shvarts stuck to the children's theatre but continued to perfect the technique of the stage fairy tale. A new branch of the Children's Theatre, known as *Novy TYuZ*, staged his *Little Red Riding Hood* in

* For the story of the first attempt to stage *The Naked King* see N. A. Akimov, *My Znali Shvartsa*, p. 177.

1937 and in 1939, another adaptation from Andersen, *The Snow Queen*.

The Snow Queen shows Shvarts as a mature master of his genre. The elements of the "Kapustnik" or impromptu, parochial revue which, while they lend an element of carefree charm to Shvarts's early work are inclined to pall after the first reading or viewing, are here disciplined and integrated with the poetry and the heroic pathos of high legend. Here, for the first time, we feel that Shvarts is taking his characters absolutely seriously; here, for the first time, he achieves the child's-eye-view of the fairy tale which the actor Erast Garin, one of his most successful interpreters, saw as the key to his own interpretations of Shvarts's characters: "that categorical naïveté which is natural in children and unflinchingly convincing to grown-ups."*

Though he sticks closely enough to Andersen's story, Shvarts succeeds in making the characters very much his own.

The chieftainess of the outlaws, for instance, is "an elderly woman in glasses" who spoils her tough little daughter on principle: "I never refuse my daughter anything. Children should be spoiled—then they grow up to be proper brigands." Her daughter, a deliciously possessive little urchin who wields gun and dagger like a veteran, explains her imperative need of a playmate: "I'm sick to death of brigands. All night they are out robbing, and in the day-time they're sleepy as autumn flies. . . ." The three little girls are skilfully differentiated: the Princess, saved from becoming a hot-house plant trained only to utter gracious phrases on ceremonial occasions by her love for the fearless commoner Klaus (a variant of the Russian folk-hero Ivan the Fool, the third son who is always the one to accomplish the heroic deeds and marry the Princess); Gerda, steadfast, heroic, true, completely selfless in her love for Kay and dedicated to her quest; the passionate and unpredictable little brigand-girl. Excellently done is the scene in which Gerda

* Erast Garin, *My Znali Shvartsa*, p. 220.

INTRODUCTION

calls Kay back to life by appealing—in the simplest, most concrete terms—to the man in the boy, to his sense of chivalry and competition, to his need to grow, to take his place in life and to assert himself in defence of the right.

Shvarts also adds two new characters of his own: a benevolent young story-teller and an Arch-Bureaucrat, the Councillor of Commerce, business associate and Pandar of the wicked Snow Queen.

The story-teller is to some extent the author's own spokesman. He begins the play with a typically Shvartsian admixture of sense and nonsense.

“Snip-snap-snurre, purre—bazelyurre! There are all kinds of different people in the world: blacksmiths, cooks, doctors, schoolchildren, chemists, teachers, actors, nightwatchmen. Take me, for instance—I'm a story-teller. And all of us—actors, teachers, doctors, cooks and story-tellers, we all work and we are all necessary people, essential people, very good people. . . .”

The grandmother, another completely fresh re-creation of an Andersen character, “washes the linen, helps with the housework, bakes wonderful gingerbread, embroiders, can put the most disobedient children to bed and cares for the sick.” There are people, she informs the wicked Councillor, who say she has golden hands, and she refuses to sell him her winter-flowering roses because there are things more important than money.

“But,” exclaims the Councillor, who trades in ice in summer and has decided to extend his activities to roses in winter, “that is rebellion! You mean to say that, in your opinion, money is worthless? Today, you say money is worthless, tomorrow you will say that rich and respectable people are worthless. . . .”

Shvarts was not one of those revolutionaries who put the cart before the horse, basing hatred of the wealthy on love of material security. Like his own Lancelot, he was a “light” man who carried little baggage through life. Money, in his view of things, was to be earned, spent and lent. A man's

capital was his ability to work. Like the Grandmother in the Snow Queen, Shvarts would take on any odd job, but he knew there were things that were not for sale, just as certainly as the Cold Councillor knew that every man has his price. "I write everything bar denunciations", he is reported to have said.

Although *The Snow Queen* is a play for children, it is in this play that certain points of Shvarts's philosophy begin to emerge very clearly and naturally from the symbolism of the story itself. Virtue is identified, vigorously and unequivocally, with Life, Love, creative work (whether manual or mental), truth, loyalty, courage and the warm heart which is the prerequisite of all these good things; Evil is embodied by the cold vices to which little Kay falls prone when the ice-splinter enters his heart with the Snow Queen's kiss: belief in the all-powerfulness of money, calculation, soulless bureaucracy, deceit, treachery, cowardice, selfishness, despair and Death. It is Shvarts's great virtue that he makes goodness glowingly attractive and exposes Evil for what it is: a shadow and a deceit.

For his next play, *The Shadow (Ten)*, 1940), Shvarts took not only the subject but the epigraph from Andersen: "Some one else's story has become so much a part of my own flesh and blood that I remade it and only then released it to go its own way in the world."

The Shadow is, in much greater measure than *The Snow Queen*, "remade". Here, the author has taken only the "eternal theme" of a man and his shadow and, following Andersen, has made the man a scholar.

As in Andersen, the Shadow steals the scholar's dream-bride, the mysterious lady on the balcony whom Shvarts identifies with the Princess. As in Andersen and Chamiso, the Shadow seeks to turn the tables on his substance in revenge for long years of empty dependence. However, in Shvarts's story the society surrounding the two central characters is entirely his own creation, the scholar has a real lover in the steadfast inn-keeper's daughter Annunziata, and, in the end, he overcomes. Yet, like Lancelot of *The Dragon*, and unlike

INTRODUCTION

Henrich and Gerda, this hero overcomes only at the cost of the supreme sacrifice. When he is beheaded, his Shadow dies too and the Living Water, of which there is a secret supply kept under lock and key by the bureaucrats of the realm, will only revive Good People. To revive the Shadow, the Substance must be restored to life; confronted by *force majeure* the Princess and all her court recognize the superiority of the resurrected Scholar to his abject Shadow but, in a stern and bitter finale, the Scholar rejects their worthless homage, takes his Annunziata by the hand and leaves to continue his work in the greater world outside the palace.

The Shadow, unlike *The Snow Queen* but like *The Naked King*, is a play about society, a political play. However, unlike *The Naked King* and like *The Snow Queen*, it is not so much a political parody as a poetic and philosophical work of art. It is a play about Man in Society, but also about Good and Evil, Love and Death. Like all Shvarts's plays it is funny, but it is also eerie. Shvarts was an extremely sensitive political barometer and, in 1940, the atmosphere in Russia was one of gathering storm. This is the atmosphere of *The Shadow* from the first menacing appearance of the Princess, her Privy Councillor and the Shadow himself in the Scholar's hotel bedroom to the two-fold horror of the Scholar and his Shadow as the midnight trumpeters call upon Life to enter the lists against all-powerful Death—or to submit, finally and forever. As the words of the brave song about happiness ring through *The Naked King*, so the theme of *The Shadow* is the oft-repeated caution:

«Не радуйтесь прежде времени», “Do not be glad before the time comes!”

“Everything,” whispers the Privy Councillor, “may yet end quite satisfactorily—if you are reasonable.

“Grown-ups,” Annunziata warns the Scholar, “are cautious people. They know very well that many fairy tales have sad endings. That is what I wanted to talk to you about. Be careful.”

“But how?” answers the Scholar. “If you don’t want to catch a cold you must wrap up. If you don’t want to stumble, you must look where you are going. But how can you escape from a story with a sad ending?”

It is only as the darkness deepens about the Scholar that we begin to feel there is light ahead. The hero feels it:

THE SCHOLAR. I cannot believe it. On the one hand, live life, and on the other, a shadow. All my learning teaches me that the shadow can only triumph for a while. After all, it is we, the people who work, who make the world go round.

And his enemies know it:

PRIME MINISTER. In all my long years of service I have discovered one rather unpleasant law. It is just when our triumph is most complete that Life raises its head. . . .

MINISTER OF FINANCE. What can he do, the Scholar?

PRIME MINISTER. Nothing. He is alone and weak. But these honest, naïve people sometimes act so unexpectedly.

By refusing to submit, even after his temporary triumph over the Shadow has awakened no response or sympathy from anyone but the faithful Annunziata, and by going quietly but defiantly to his death—the most unreasonable and indeed somehow shameful thing he could possibly have done from the point of view of a success-worshipping society—the Scholar achieves total victory.

Obviously, the question arises, what is this all about? Is it another anti-fascist play? Or is it a criticism of Soviet society? Why is it so tragic a play? Why do even the good impulses of the (comparatively) good characters come to nothing? Why does the Princess, at first attracted by the Scholar, fall such an easy victim to his double? Why does Julia Djuly, the singer, who is genuinely drawn to the Scholar’s transparent goodness, first decoy him to his ruin at the instigation of his enemies, then betray him when he appeals to her to witness that the Shadow is his Shadow indeed and has falsely usurped his place and, finally, sing her ridiculous little song “It does not do to lose your head” to distract the minds of the Shadow King and his

INTRODUCTION

court while the Scholar is having his chopped off in the pink drawing-room? Why has the good doctor given up the fight? Why does the crowd, so easily roused in *The Naked King*, take only a bystander's interest in the fate of the Scholar and, indeed, fall over itself to say the right things in front of the chief of police?

The play provides the answer:

SCHOLAR. I am studying the history of your country.

JULIA. But our country is so small.

SCHOLAR. Yes, but its history resembles that of all the others. And that delights me.

JULIA. Why?

SCHOLAR. It means that there are laws in the world which are valid for all. . . .

The Shadow is a play about any country under the yoke of a powerful dictatorship which works its will through a dehumanised bureaucracy:

"Nothing matters to them," the Doctor tells the scholar. "Neither life nor death nor great discoveries. And that is why they got the better of me. And I gave up the struggle. And suddenly I found it quite easy to go on living. I advise you to give up and go on living, like me. . . . You want to live to make people happy? The bureaucrats will soon knock that nonsense out of you! And people themselves simply hate it, you know. Let them be. Look through your fingers at this mad, unhappy world."

The people in power are predatory monsters, afraid of everything, including one another. The circle of "people that matter" to which Julia Djuly the singer and Cesare Borgia the journalist belong, are hopelessly corrupt, some, like the journalist who has had the skin from his behind grafted onto his face, shamelessly so ("I was eaves-dropping. Do you find my frankness attractive?"); others, like Julia, in spite of their better feelings ("I organised my life so lightly, so elegantly, and now, all of a sudden—I am almost suffering. Suffering—why it's not *done*, you know!") or, like the doctor, cowed and cynical. The rich

are sick: "Acute satiety," explains the Doctor, "can attack even the most worthy people quite unexpectedly. A man has honestly earned a lot of money. And suddenly he develops an ominous symptom: the restless, hungry look peculiar to people of independent means. That's the end of him. From henceforth he is barren, blind and cruel." "Is it dangerous?" asks the Scholar. "Yes," replies the Doctor, "but not for the patient." The court abounds in wolves in sheep's clothing such as the archly-sentimental bird-loving executioner. Even when the Princess begs the courtiers to retain her resurrected lover, they can only talk in social clichés.

"But where are you going?"

"Do stay . . ."

"But sit with us a little longer, please do . . ."

"Why such haste? The night is young."

As Shvarts says of a character in a later play, they have nothing left "with which to look reality in the face".

The hoi-polloi are demoralized, spreading and believing defamatory rumours about the man whom all the eleven friends of Annunziata's cook (i.e. real democratic opinion) know for certain to be a good man, selling information to one another, toadying to the chief of police. The corporal makes two arrests among the crowd: one for lese-majesty, the other because he happened to share flats with the prisoner and "has had it in for him for some time". The only virtue left to the people as such is a kind of natural resistance to any other Order than the natural Order of Life.

P'ETRO [Chief of Police under the Shadow, A.P.] (*in a whisper*). I'll tell you something: the people just go on living their own lives!

CORPORAL. You don't say so!

P'ETRO. I'm telling you. Here's the king celebrating his coronation, the matrimony of two most August Persons is about to be solemnized, and what do you think the people gets up to? There are lads and lasses kissing each other in dark corners right under the Palace walls. In house number 8 the

INTRODUCTION

taylor's wife has chosen this moment of all others to be brought to bed. An event like this going on in the kingdom and there she is groaning and moaning as though it were all in the order of things. The old blacksmith in house number 3 has gone and died. There's a celebration in the Palace and there he is laid out in his coffin and doesn't so much as move a muscle. Downright insubordinate!

What would happen, he wonders, if suddenly "quietly, stubbornly, all together . . .".

However, there is no sign of anything of the sort happening in this play. And how could there be, when Stalin's Russia was in alliance with Hitler's Germany? Almost as incomprehensible as the fact that *The Naked King* was forbidden is the fact that *The Shadow* was permitted, and brilliantly staged as a satire against decadent capitalism by Akimov's Comedy Theatre in the year 1940. "If Karl Moor were to see a performance of Schiller's *Robbers* at the Theatre," Shvarts is reported to have once said, "I have no doubt that he would identify with Franz Moor."* Revived in 1960, since when it has been constantly in the Comedy Theatre's repertoire, *The Shadow* has become for the Leningrad Teatr Komedii a kind of programmatic production, as Chekhov's *The Seagull* was for Stanislavsky's Moscow Art's Theatre. This is not to say, however, that the play is not open to other, more lyrical, more sinister, less broadly grotesque interpretations. Germany's Gustav Gruenders, for instance, when he staged the play in Berlin shortly after the war, put more emphasis than does Akimov on the love story between Annunziata and the Scholar,† seeking, as

* It must be admitted, however, that at the 1947 Berlin first night of this play His Majesty's Officers are reported to have identified solidly with the Shadow and left the theatre in a body when his crowned head flew off his shoulders!

† G. A. Dymshits, *My Znali Shvartsa*, p. 166 for an account of this production and its reception in the Germany of 1947.

he wrote to a Soviet dramatic critic at the time, to bring out their voices, the voices of life and hope, and to make sure they were heard "above the dazzling kaliedoscope of emptiness and death.

In June 1941 the storm broke. Without declaration of war, Hitler invaded Russia. At first bemused by the shock, the Russian people found themselves face to face with Death itself—Hitler's economy had actually planned for the death by starvation of the majority of the Russian populace and the enslavement of the rest—and the Life-force reasserted itself. "Quietly, stubbornly, all together" the people embarked upon a resistance which was to become one of the greatest epics of world history.

Vera Ketlinskaya tells us how Shvarts reacted to his country's need:

"... Yevgeniy Shvarts came into the room [the Leningrad Writers' Union where members were registering for the Opolchenye, the Soviet Home Guard. A.P.], his hands clasped behind his back and said briefly:

"List me. Shvarts, Yevgeniy L'vovich.'

"Nobody wanted to list him. Everybody knew that he was far from well and that he had not full control of his fingers. People began to persuade him that he would not be able to hold a rifle, never mind fire it.

"There are other jobs in the Army besides firing rifles. I may be of some use. I cannot do otherwise. You have no right to refuse me.'

"They dared not refuse him. He signed in, keeping his fingers from trembling by a supreme effort of will and, having written his signature, looked round triumphantly, said 'Thank you' and hastily left the room. He was, nevertheless, turned down by the Home Guard at the medical examination. Then he came to me.

"Well, Vera Kazimirovna, give me all the work you've got.'

"He spoke at recruiting stations, wrote a play in collabora-

INTRODUCTION

tion with Mikhail Mikhailovich Zoshchenko, wrote a great deal for the radio. Apart from this he continued work with the Comedy Theatre where he had long been a great favourite. He came to the Union every day, willingly helping in every possible way, and help was badly needed for, at that grim time, without previous experience of leadership in a writers' organization, I found myself in sole charge. . . .

“Soon Yevgeniy L'vovich was faced with a civic decision. The Comedy Theatre was due to be evacuated to the East and Shvarts had every right to go with them. He and his wife Yekaterina Ivanovna did duty as wardens in the Civil Defence group of our block of flats on the Griboyedov Canal, No. 9. Yevgeniy L'vovich had commitments with the radio, but no one would have reproached him for leaving together with the theatre for which he worked. And the Germans were already almost in the outskirts of the city. Luga had fallen, and Siverskaya and Pushkin. The line of defence ran round the outskirts of Kolpina, the railway line to Moscow was cut, the fascist armies were advancing from two directions to the station of Mga, where they would cut the last line of rail from Leningrad to the rest of the country. . . .

“Naturally, Yevgeniy L'vovich hesitated—who of us did not, in the depths of our hearts, wish ourselves well away from this imminent and mortal threat! And he was not alone, Katya was with him, the being whom he loved above all others. He sought advice of his friends, of me, decided now this way, now that. . . . Then one morning he came into me with his radiant, slightly ironic smile.

“‘You know, Vera Kazimirovna, I have discovered it is an extraordinarily pleasant thing to feel oneself a decent kind of person. Yesterday Katya and I finally made up our minds to stay and I've been walking around for two days now nursing this pleasant feeling.’”

A few days later Mga was taken and the blockade of Leningrad had begun. The only way out was by air. The Writers'

Union disposed of six seats per month to evacuate writers who had remained in the threatened city.

“. . . it so happened that people who desperately wished to leave were put off and the ones who had been listed for evacuation at the first possible opportunity were unwilling to go.

“So it was with Anna Andreyevna Akhmatova. She wrote slogans in verse which were printed in the newspaper *Lenin-gradskaya Pravda*, spoke on the radio, sewed sandbags, had grown stern from sorrow, strangely beautiful in her unbending pride and resolution. She refused point blank to abandon her native city and it cost me much effort, basing my arguments on a direct command from the War Council, to send her off late in the autumn of 1941.

“So it was with Mikhail Zoshchenko . . .

“. . . with Mikhail Leonidovich Lozinsky, wonderful poet and translator and most charming human being, who continued under the intolerable conditions of the blockade, through bombing and shelling, hunger and cold, to work systematically at his translation of Dante’s *Inferno*. . . .

“Shvarts was also on the priority list for evacuation and was equally resolute in his refusal.

“‘I can keep going for a while yet.’

“All during the period of savage round-the-clock bombing he and Katya stuck to their posts on the roof of our house. Yevgeniy L’vovich was a fire-fighter. Katya was a first-aid orderly. They went down to their flat after the all-clear and came up again at the first alert, always together.

“‘If there’s a bomb—then both at once!’”

Shvarts kept his ability not only to appreciate but to crack jokes. In answer to a nervous voice in the shelter saying the Germans were getting very near, Shvarts answered:

“Not what I call near. They’ve still got to force the Fontanka”—much as if a Londoner had remarked “they haven’t crossed the Serpentine yet.”

“Starvation set in. Shvarts grew terribly thin and his face

INTRODUCTION

was dark and swollen, his step unsteady, but even then he had his little joke.

“‘Who’d have thought how easy it is to lose weight! And what I didn’t try in peacetime!’”

In October the Writers’ Union had the idea of making up a collection of documentary pieces about life in the besieged city to be called *One Day*. Shvarts elected to write about Civil Defence and was most enthusiastic for the project. Unfortunately, it was strangled by red tape and never came to anything, except that it may well have served as the inspiration for his play *One Night*, which showed a night in the life of one Leningrad block of flats during the bombing. This one-act play has yet to stand trial on the stage, and obviously requires extraordinarily tactful handling. Shvarts’s biographer Tsimbal considers it a failure because the language remains to some extent the language of fairy tale, the technique stylized:* the Committee which decided the fate of plays in wartime Moscow returned the manuscript to Shvarts on the grounds that, for a piece dealing with the blockade of Leningrad (which Shvarts had experienced at first hand and the official who had the nerve to lecture him on the subject had not) it was insufficiently monumental and heroic.† The play’s would-be producer L. Malyugin writes of it:

“For reasons beyond my understanding the play *One Night* continues to be neglected. Probably it is not without defects, it is difficult for me to analyse it, I look on it as pages from Shvarts’s autobiography—no other work of his reflects his own experience with such transparent immediacy.

“The play ends on the words of the electrician Lagutin: ‘There will be a day of celebration, there will! We will live to see joy. And if we do not live to see it, if we die, don’t forget us, forgive us our want of skill, our clumsiness, our fussy little

* S. Tsimbal, *Yevgeniy Shvarts. Kritiko-biograficheskiy Ocherk*, Sovetskiy Pisatel, Leningrad, 1961, pp. 207–8.

† L. Malyugin, *My Znali Shvartsa*, p. 111.

ways. Give us a gentle pat on the back, a word of praise—for bearing up, for sticking to our guns, for keeping faith!

“These words sound like Shvarts’s testament to contemporaries and to later generations,” adds Malyugin. “They should be pronounced from the stage.”*

Whatever the literary merits of the play *One Night*, it is certain that the collapse of the project for the collection “One Day” left Shvarts without any real *raison d’être* in dying Leningrad. Vera Ketlinskaya continues her story.

“In these autumn and winter months of 1941, seeing how his life was gradually ebbing away, I more than once spoke to Yevgeniy L’vovich of the possibility of evacuation. And every time he refused. . . .

“But there came a day when I saw him so swollen and weak that not all his little jokes could help to disguise the truth. I asked him straight out:

“‘Zhenechka, it’s time, isn’t it?’

“‘Seems so.’ He tried to smile but it did not come off. . . .

“I was very glad that it had been possible to save Yevgeniy L’vovich—if he had stayed he would not have lasted long. But his departure left a perpetual gap. . . .”†

From Leningrad Shvarts was evacuated to Kirov. On arrival in this comparatively well-stocked city he promptly sold his entire wardrobe and brought in a supply of food which was stolen that very night. Shvarts, nothing daunted, “comforted his wife . . . and sat down to write a play”.‡

The play was about Leningrad, *One Night*. Then, continuing to live heart and soul for his beloved, beleaguered city, he wrote a play for the children of Leningrad, separated from their homes and parents by the evacuation: *The Distant Land* (*Dalyokiy Kray*, 1942).

After this Shvarts should have returned to work on his next

* L. Malyugin, op. cit., p. 116.

† Vera Ketlinskaya, *My Znali Shvarsta*, pp. 93–101.

‡ L. Malyugin, op. cit., p. 106.

INTRODUCTION

great political fairy tale, *The Dragon*, but reaction set in and he found he could not.

“I have made a discovery here,” he wrote to Malyugin from Kirov. “Petty troubles on the periphery are worse than artillery shells. They never miss the mark. If you don’t believe me, come and live here for one or two winters. I cannot write here any more. I want to write under battle conditions.”

Shvarts dreamt of returning to Leningrad, no longer under siege but still perilously close to the front line, with the help of Malyugin and the Bolshoy Dramaticheskii Teatr, who were preparing to stage *One Night*. But after an unsuccessful meeting in Moscow when author and producer attempted in vain to obtain permission for the production of this play, Malyugin returned to Leningrad, leaving Shvarts to establish himself in Moscow. Soon, however, Malyugin received a letter from Tadjikistan.

“To stay in Moscow the very least that was required was to put one’s pride in one’s pocket, forget all about work and adopt the pose of a supplicant,” wrote Shvarts. “I am a quiet man, but I have my pride. And on occasion, I am even hard-working. And I am easily offended. . . . To put up with the bad manners of ill-tempered and scornful young ladies is worse for me than any climate. So we left for Stalinabad.”

Back with his beloved Comedy Theatre in the Asiatic capital of Dushambe (or Stalinabad, as it was then called) Shvarts, in a burst of creative energy, finished perhaps his greatest, and certainly his most controversial, play *The Dragon* (*Drakon*, 1943).

The Dragon is imbued with the spirit of battle. The atmosphere is not oppressive, as in *The Shadow*, but exhilarating.

The satire is stripped of lyricism, cold and bright as Lancelot’s sword. The hero is no longer a contemplative poet-philosopher (“What a sad story, Annunziata!”) who lays his head with gentle dignity on a forget-me-not-strewn block, but a man of action who dies alone in the public square, having vanquished a terrible enemy, who orders Death to stand back while he

cries a last message of love and hope to the scared townsfolk who have shut themselves away from the terrible spectacle of the battle. This hero is alone from the beginning: even the maiden he undertakes to rescue is reconciled to her fate. He does, however, strike sparks of decency from apparently dead material as he goes along. The Archivarius suddenly recalls the dignity of his profession and reminds the Dragon, who has every intention of destroying Lancelot without battle, that he is bound by his own laws to meet any challenger publicly and in fair fight. The cat, formerly so warm and comfortable by the fire that it had no wish even to speak of unpleasant possibilities in the future, makes it impossible for the tyrant to go back on this by leaping out of the window to spread the news of the challenge all over the town. True, the Mayor and Corporation, who have risen to power under the Dragon's protection, refuse Lancelot their help, and the leading citizens send a delegation imploring him to go away. However, among the artisans of the surrounding countryside, men are found who have been long preparing and who supply the knight with all the accoutrements he requires: later we learn that these skilled and thoughtful people represent a great multitude. Then Elza, the girl for whom Lancelot is to fight, suddenly regains faith in herself as she realizes that Lancelot is risking death for her, because she is what she is and he loves her, not just from an abstract habit "of interfering in other people's business". "Fear, weariness, distrust will burn away in you," he tells her, "and will disappear for ever, that is how I shall love you. And you will smile as you fall asleep and smile as you wake up and call my name—that is how you will love me. And you will learn to love yourself, too. You will walk the earth calm and proud. . . ." And Elza finds the strength publicly to cast away the dagger passed to her on the Dragon's orders by her despicable ex-fiancé, the mayor's son and personal secretary to the Dragon, Henrich.

Elza is under house arrest during the battle and the Mayor and Corporation immediately cast the friendly artisans into prison. Only the cat and the donkey, as we later learn, are left

INTRODUCTION

to bear the mortally wounded champion away to a place of safety in the mountains. Only the donkey is stubborn enough to continue on with his heavy burden after all hope is at an end. Meanwhile, the Mayor takes credit for slaying the Dragon and seizes power and, when the next act opens, the city is about to celebrate his own marriage with Elza. Henrich, at his father's orders, skilfully provokes Elza to confide in him the story of Lancelot's disappearance (which, of course, she has from the cat who came back to his old home believing Lancelot to be dead). The Mayor, unable to contain his joy on hearing of the hero's death, leaps out of hiding and Elza turns on Henrich.

He was listening?

HENRICH. Of course.

ELZA. And you knew?

HENRICH. Ach, Elza, don't play the naïve little miss. Grow up, it's your wedding day!

Father and son buffoon the Dragon's methods but, having no principles and knowing what they want, they are quite strong enough to control the cowed and cautious double-thinkers who have never known anything else than coercion, provocation and spying. "I thought you were all just obedient to the Dragon," cries Elza, "as the knife is obedient to the cut-throat. But, my friends, it seems that you yourselves are cut-throats. I do not blame you, you don't realize it yourselves, but I implore you—wake up! Surely it cannot be that the Dragon is not dead but has simply taken on the form of a man as he so often used to do? Only this time he has changed into a whole lot of people and see—they are killing me! Don't kill me! Wake up! My God, it's like a bad dream. . . . Tear the spider's web which has enmeshed you all. Will no one take my part?"

SMALL BOY. I would, but Mama's holding my hands.

MAYOR. Well, that's all. The bride has finished her speech. Life goes on as before, as though nothing had happened.

But just as the registrars are about to record the marriage a loud knocking interrupts the ceremonies. Amidst scenes of confusion and terror, Lancelot returns. He knows all, for, as

he was nursed back to health by the woodcutter's wife in the Black Mountains, he has been reading in the Book of Most Pitiful Complaints which is almost full written: "All the crimes of the criminals, all the sorrows of those who have suffered undeservedly." This time, Lancelot comes not as deliverer, but as judge—a loving but stern and omniscient judge.

Such are the bare bones of this extraordinarily powerful parable. It has been called "an elegant political pamphlet" because it was written so aphoristically, so topically that every other phrase has become a quotation, from the first citizen's masterly understatement "that accursed, antipathetic, insensitive, repulsive son-of-a-bitch-of-a-dragon" to Lancelot's full-throated roar: "We were all schooled. But why did you have to come out top of the class, you swine?" From the first citizen's shamefaced reply as to why, knowing that it was not the Mayor but Lancelot who had killed the Dragon, he had nevertheless shed public tears of gratitude to the former: "At home I knew . . . but at the parade . . ." (spreads out his hands in a hopeless gesture): to the Archivarius's defence of the Dragon "but how could it be otherwise? As long as we have him no *other* dragon will dare to touch us."

Akimov maintains that the Dragon is fascism and the Mayor the Allies whom Shvarts foresaw would claim the victory at the expense of the exhausted Soviet Army. His words cannot be ignored as Shvarts was actually working with the Comedy Theatre, also evacuated to Dushambe, when writing *The Dragon* and Akimov staged the play twice, once in collaboration with the author in 1944 when it was stopped after the first performance and again after Shvarts's death in 1962, when it once more enjoyed a singularly short run.* It hardly seems, however, that the mid-war atmosphere of 1943, which was on the whole very friendly to Russia's allies, and was certainly one of solidarity in the face of the common foe, would permit of such an interpretation, and one cannot help feeling that Akimov's desire to re-establish the play on the stage may have led to an

* N. Akimov, *My Znali Shvartsa*, p. 183.

INTRODUCTION

oversimplified interpretation. Veniamin Kaverin, in an open letter to Yevgeniy Shvarts on the occasion of the first, posthumous publication of his plays, which includes *The Dragon*, obviously considers the drama as a play about dictatorship in general, thanks Shvarts for the warning about the Dead Souls which dictatorships inevitably leave behind and bitterly regrets the loss of a most powerful ally in the struggle against them.* I have heard the play interpreted as an allegory on Feudalism, the bourgeois revolution and the last glorious and victorious proletarian revolution, and as a remarkable, perhaps only half-realized, rediscovery of eternal religious truth: redemption through sacrifice, the difficult commandment of charity, judgement.

The very diversity of interpretations, all of which can be quite convincingly argued, discourages the interpretation of this play as an anti-fascist (or anti-Stalinist) "pamphlet". It is a parable of high seriousness, courageous spirit and great freshness of vision, written by a man who, together with his whole nation, had just escaped destruction by a hairs breadth. The fact that the play is always witty and frequently simply and riotously funny does not make it a "light" play in any other sense than in that in which its author, like its hero, was a

* "My dear," Kaverin wrote in 1965, seven years after Shvarts's death, "how we miss you! Your kindness and patience, your courage and irony! Your benevolence! Your conviction that in everyone there is 'a spark of life' and that all that is necessary is 'to touch off the spark'. Your modesty—you would have had a long, quiet laugh if it had entered anyone's head that you were a great writer. And now they are saying that your 'Dragon' is a work of genius. Your expressions have passed into our language and, repeating after Lancelot, 'Do you think it is so easy to love people?', we are sometimes forced to agree that it is difficult indeed.

"Much has changed for the better, very much—otherwise without doubt, your books would not be lying here on the table before me. . . . It was no time for you to die when there was so much left to do, and if, most unjustly, this 'greatest of madnesses' has nevertheless come to pass, it means that you knew or guessed that your fairy-tales would help us 'to live, to live on, untiring in the struggle, until the Golden Age'." (V. Kaverin, *Yevgeniyu Shvartsu. Sobraniye Sochineniy*, Vol. 6 Izd. Khud. Lit., Moscow, 1966, pp. 604-6.)

YEVGENIY SHVARTS

“light” man, yet a man whose “whole life had been spent in heavy battles” and who, while retaining “all the lightness and gaiety without which the world is finally incomprehensible” always continued to “feel” that he “was busy with problems of world importance”.

In 1944, Shvarts returned to Moscow with the Comedy Theatre and then to Leningrad. *The Dragon* was forbidden, neither was Akimov permitted to produce a new play about the troubles of a newly-married couple, *One Year*, which eventually reached the stage of the Comedy Theatre in 1957 under the title *Povest' o molodykh Suprugakh*. The theatre had become difficult for an author of Shvarts's quality. During the forties and early fifties he wrote much for the puppet-theatre and the cinema even for the music-hall (Raykin) and the circus. His scenario for *Cinderella*, written in 1946 for Lenfilm, reads on a level with his best plays. Indeed, it is highly theatrical, beginning with the titles written across a plain gingham curtain which gradually turns to velvet and then to a rich brocade, “all shimmering, as though from impatience, as though it wants to open—now, now!” And the titles! Who but Shvarts could have so introduced a film of

CINDERELLA
AN OLD TALE
WHICH WAS BORN
MANY CENTURIES AGO
AND WHICH HAS GONE ON LIVING AND LIVING
AND WHICH EVERYONE RETELLS IN HIS OWN WAY
WE HAVE TURNED THIS TALE INTO
A MUSICAL COMEDY
READILY UNDERSTANDABLE
EVEN TO THE MOST GROWN-UP SPECTATOR.

The film itself suffers from post-war technical and costume deficiencies but is remarkable for a superb performance by Erast Garin as the kindly, child-like king, and by the wicked step-mother who “has such connections” that even the fairy-

INTRODUCTION

godmother cannot finally put her in her place. There is a love-lorn little page ("I'm not a magician yet. I'm only learning") who accompanies the fairy godmother and helps Cinderella, and Cinderella herself is such a genuine child, such a happy child that the whole story seems to be filled like the magic pumpkin with a rich, bubbling, joyous singing voice. In the dismal days of post-war hunger, shortages, anti-climax and disappointment, Shvarts's voice sounded at full pitch in affirmation of victory, gaiety, rewards and fairies.

"It is very bad for you not to go to balls when you have deserved them," the fairy godmother informs the doubtful Cinderella.

Shvarts's next great success was also for children, but this time he used a number of Russian tales for the basis of his story. *The Two Maples* (*Dva Klyona* staged TYuZ, 1954) is the story of how Vasilisa Rabotnitsa (lit. The workwoman, but perhaps she would be better translated as Vasilisa of the Golden Hands) rescues her two enchanted sons from the wiles of Baba Yaga. Like all Shvarts's heroes and heroines, Vasilisa is delightful and individual. She has the monumental stature of Nekrasov's Russian woman:

Коня на бегу остановит
В горящую избу войдет

She can do anything from shoeing a horse to bringing up three sons with ambitions to become professional heroes. She carries a sword but speaks gently, with the quiet dignity of the country-woman, with peasant intonations. She is polite to the hens who propel Baba Yaga's *izba*, sympathetic to the foolish bear who has been tricked into entering the witches' service, kind to the dog and properly respectful to the cat, Kotofey Ivanovich who refuses to answer to "Puss-Puss!" All of them are glad to serve Vasilisa and to help her to accomplish the impossible tasks which Baba Yaga sets her in return for a half-promsie to free her sons. Baba Yaga, although convinced of her own superiority, is from the beginning hopelessly petty, weak and

fussy before the huge dignity of Vasilisa's motherhood: "You obscure people love one another, but I, Beauty that I am, I love only myself. You have a thousand cares—for your friends and your relatives, whereas the only person I worry about is little me, oozums-doozums. And that's how I always came out on top." Soon, however, Baba Yaga is weary.

BABA YAGA. Oof, I'm tired!

BEAR. Why should you be tired! You make other people do all the work for you.

BABA YAGA. Och, what's that he says? You think it's easy to make other people do all the work? You think it's all toffee-apples, doing nothing? Even when I was a little girl Yaga and ran to school every day I never knew a moment's peace. Your good worker would have all his lessons by heart and enjoy a quiet night's sleep whereas I, poor little titsy-witsy Yaga, would be turning and tossing, wondering how I, sweet little thing, was going to get away with knowing nothing next morning. And that's the way it's been all my life. You simple work-people sing songs as you work, while there is poor, precious little me, fairly killing myself to keep myself like a queen without doing a hand's turn, and having to gallop out over the marshes and wave a sword about to make people work for me."

Locked in her own house by the resourceful Vasilisa, Baba Yaga storms:

"Vasilisa, can't you understand that I am bound to get the better of you? It's impossible, but quite impossible that you should overcome me, miscreant that I am! I am bound to come out on top.

VASILISA. Never! All your life you have never so much as nailed up a crate, woven a basket or grown a blade of grass, never spun a tale or sung a song but only broken things and hit people and taken things away. How can you, who can't do anything, hope to get the better of us?"

And, sure enough, the play ends in triumph when Vasilisa with her curious assembly of helpers and her three sons march off escorting Baba Yaga's chicken-legged *izba* with Baba Yaga

INTRODUCTION

locked up inside it. And, says the cat, turning back to face the audience:

Вот и сказке нашей конец, а кто нас понял, тот молодец!

The following year, 1954, Shvarts wrote his last original fairy tale for grown-ups *The Ordinary Miracle* (*Obyknovennoye Chudo*, staged by the Leningrad Comedy Theatre, 1956 and later filmed). *Toutes proportions gardées*, this play is in some ways comparable to *The Tempest*. We feel that the great storms are over, the atmosphere is relaxed and contemplative. The hero is a retired magician whose puckish sense of humour and habit of letting off his high spirits through a little harmless magic creates unexpected romantic complications for the young lovers. Like Prospero, though in a very different manner, the magician realizes that there is an order higher and deeper than his magic, which, he declares, is subject to the same laws as any other natural phenomena. The realization, however, does not so much depress as delight him.

This is the play of an ageing man who is no longer deeply involved in the hurly-burly of society, but of an ageing man who still looks upon the world with untrammelled childish clarity. "You developed slowly," Kaverin wrote, "uncertainly, trusting not so much to the art of the written word as to the accuracy and honesty of the child's vision."* At the end of the war, Shvarts brought this penetrating vision to bear on human rather than social problems: on art, love and death. In the prologue, from which we have already quoted, he explains his use of the convention of the fairy story—"not to disguise, but to disclose", and for the opportunity it gives to develop characters "to the limit of their natural potential". In the whole relationship between the magician and his kind-hearted, down-to-earth wife, Shvarts plays a charming tribute to his beloved

* V. Kaverin, op. cit., p. 664.

second wife Ekaterina Ivanovna, to whom this play is dedicated.* On finding her husband has given all her chickens four legs and moustaches simply to celebrate a fine morning, she gently reproaches him: "Well, you might have done something useful for the household. All that sand, for instance, that was brought to sprinkle the paths. Now why couldn't you have turned it into sugar!"—"But that's not what you'd call a joke!" exclaims the magician dolefully. "Or those stones," pursues his wife, gentle but relentless, "the ones that are piled up by the barn, you might have turned them into cheese." "Not funny!" The magician rejects such utilitarian notions, but, a moment later, is begging ". . . Now forgive me, do, I try. I've become a real stay-at-home. But . . . But I can't get along without something a bit . . . a bit magical. Don't take it to heart." To which his indulgent consort replies: "I knew who I was marrying."

A moment later, however, she is indignant again. Her husband, it appears, had met a rather taking bear on another fine morning a few years before and had turned him into a young man: he was only to become a bear again when kissed by a princess.

"I can't bear to see people tormenting dumb animals for their own amusement," exclaims the wife. "Is it hard for you, my boy?"

THE BEAR. Yes, hostess! To be a real man is very hard.

THE MAGICIAN'S WIFE. Poor boy! (*To her husband*) What are you laughing at, you heartless creature?

THE MAGICIAN. For joy. I'm admiring my handiwork. A man makes a statue out of dead stone and is happy if the work comes out well. But you just try making something that's alive more alive still. That's real work!

* Shvarts's first marriage to an actress of the Rostov troupe broke up, shortly after the birth of his daughter, as a direct result of his passion for Ekaterina Ivanovna, and his happiness was won at the cost of much soul-searching and pain. His wife survived him only by a few years.

INTRODUCTION

Of course, the spell goes wrong because the Princess and the Bear really do fall in love. The court approaches as the Princess, incognito, is talking with the enamoured Bear, and she, equally smitten, exclaims "What yesterday faces, what homely faces! Let's go and hide from them!" As the couple—still unsuspecting of the cruel fate in store for them—run happily away, the magician's wife enters smiling through her tears and exclaims:

"Ah, dearie, dearie me! I heard everything they said, every word, as I stood here by the window. And I daren't come in and separate them. Why? Why am I crying and happy as a silly sandboy at the same time? It's not as if I didn't understand that no good can come of it, yet my heart is glad. Well, here's the hurricane, love has come. Poor children, lucky children!"

When they discover the terrible fate which hangs over them the young couple spend the rest of the play first flying one another (pursued by the Princess's tyrannical but occasionally winning father and his comic court), then, realizing they cannot live without one another, seeking reunion.

At one point the Princess despairs and takes leave of her friends. Here Shvarts allows us a brief glimpse into some unpleasant discoveries of his own.

PRINCESS. Yes, yes, it is much more frightening than I thought. Death, it seems, is rough. And dirty into the bargain. She comes with a whole bag of revolting instruments like a doctor's. She has unwrought stone hammers for strokes there, and rusty hooks to tear the heart, and still more hideous contrivances that I would rather not talk about.

EMILIYA. How do you know that, Princess?

PRINCESS. Death is so near me now that I can see everything. But that's enough of that. My friends, be even kinder to me than usual. Do not think of your own sorrow, and try to lighten my last minutes.

EMILIYA. You have only to command Princess!

PRINCESS. Talk to me as though everything were just as usual. Joke. Smile. Tell me anything you like. Only so that I shouldn't think of what is soon going to happen to me. . . .

Of course, all ends happily. The Bear finds the Princess and kisses her, and the miracle comes to pass: the laws of magic fail to work. So great is the Bear's love that he can no longer be turned back into an animal. The play ends in laughter and a carnival of magic: garlands of living flowers, garlands of living kittens, and all the bad characters conveniently liquidated by the ebullient magician.

The spectator, however, is left with a strong feeling of mortality, perhaps from the magician's monologue as he rocks his wife to sleep that she may not see the tragic finale he fully expects:

"I, to my grief, am immortal. I shall outlive you and mourn for ever. But in the meantime—you are with me, and I am with you. It's enough to send you mad with joy. You are with me. I am with you. Glory to the brave who dare to love, knowing that it all comes to an end. Glory to the lunatics who behave as though they were immortal. Death sometimes retreats before them. . . ."

Here, Shvarts gives the quintessential difference between the good who live as though life were glorious and eternal albeit in the teeth of the evidence, and the bad, who see nothing but evil throughout the natural order—sceptics like the Administrator who maintain that "The whole world is arranged quite shamelessly. Today, for instance, I saw a butterfly flying. A tiny head, brainless. Wings flip-flap, flip-flap. Silly as they come! The sight affected me so I stole two hundred gold pieces from the king. Why should I curb myself when the whole world was created not to my taste. . . . Even babes at the breast think of nothing but eating and sleeping. . . . All people are swine, only some admit it and others pretend. It's not I who am to be despised, not I who am the villain, but all those noble sufferers, itinerant preachers, wandering singers, penniless musicians, street-corner speakers. . . ."

"Wandering singers, penniless musicians. . . ."—so Shvarts, who never considered his poetry worth publishing, thought of himself:

INTRODUCTION

Меня господь благословил идти
Брести велел, не думая о цели.
Он петь меня благословил в пути,
Чтоб путники мои повеселели.
Иду, бреду, и не гляжу вокруг,
Чтоб не нарушить божье повеленье,
Чтоб не завять повольчи, вместо пенья,
Чтоб сердца стук не замер в страже вдруг.
Я человек. А даже соловей
Зажмурившись, поёт в глуши своей.

In his last years Shvarts, like his good magician, lived in retirement in a small country house near the writer's hostel at Komarovo. Ekaterina Ivanovna watched jealously over his peace and his health, allowing him less visitors and less town life than his gregarious nature demanded. However, this may well have been what he needed. Over the last years of his life he worked at the immensely successful and unashamedly idealistic and romantic film scenario for *Don Quixote* (filmed by Kozintsev for Lenfilm in 1957), and, with equal enthusiasm, at refurbishing the much-less successful *Tale of the Young Marrieds* for Akimov's Comedy Theatre. His main task, however, was to write in sober, observant prose of the people he had known and the impressions of a varied life (he disliked the connotations of age and retirement suggested by the word "Memoirs"). These prose pieces are still largely unpublished* and are said to rank amongst the most masterly written and perceptive reminiscences of our time. Shvarts's favourite author was Anton Chekhov, and his prose has something of Chekhov's classic quality. N. Chukovsky, L. Panteleyev and L. Rakhmanov have left vivid and impressively serious accounts of their friendship with Shvarts during this last period in the book *We knew Yevgeniy Shvarts*. So warmly, so affectionately do all the eighteen contributors to this volume write of Yevgeniy L'vovich

* They are being prepared for publication in TSGALI, Moscow, under the auspices of K. N. Kirilenko and S. Tsimbal.

that one cannot help feeling with Rakhmanov that the book might well have been better entitled *We loved Yevgeniy Shvarts*. One of them, the producer S. Malyugin, wrote after Shvarts's funeral:

"I drove along in the hearse with the dead Shvarts and thought that his life had been hard, but happy. He had never wasted time on worldly business, all his works, thoughts and interests were devoted to one thing—to literature. He had written works of great power, average works, works that were plain weak, but not one had been written with an eye to advancing his own interests, to meet the demands of the moment. You could say many different things about him, but no one could reproach him with insincerity. Never in his whole life had he lied in art, never prettied things up, never compromised, never been less than honest."

Not, perhaps, the epitaph to convey Shvarts's brilliance or his charm, but, in the circumstances, a gallant epitaph.

Typically, Shvarts himself, the man whom Marshak had once described as bubbling like a glass of champagne, was less indulgent:

Я прожил жизнь свою неправо,
Уклончиво, едва дыша.
И вот — позорно моложава
Лукавая моя душа.
Ровесники отяжелели.
Окаменеешь тут, когда
Живого теста нет на теле,
От бед, грехов, страстей, труда.
А я всё боли убегая,
Да лгу себе, что я в раю.
Я всё на дудочке играю,
Да близким песенки пою.
Упрёкам внемлю и не внемлю.
Всё так. Но верю, верю я:
Недаром послана на землю
Ты, лёгкая душа моя.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Генрих.

Христиан.

Король.

Принцесса.

Король-отец.

Министры. Придворные дамы.

Жандармы. Фрейлины.

Солдаты. Публика.

Лужайка, поросшая цветами. На заднем плане — королевский замок. Свиньи бродят по лужайке. Свинопас Генрих рассказывает. Друг его, ткач Христиан, лежит задумчиво на траве.

Генрих. Несу я через королевский двор поросенка. Ему клеймо ставили королевское. Пятачок, а наверху корона. Поросяенок орет — слушать страшно. И вдруг сверху голос: перестаньте мучать животное, такой-сякой! Только что я хотел выругаться — мне, понимаешь, и самому неприятно, что поросенок орет, — глянул наверх, ах! а там принцесса. Такая хорошенькая, такая миленькая, что у меня сердце перевернулось. И решил я на ней жениться.

Христиан. Ты мне это за последний месяц рассказываешь в сто первый раз.

Генрих. Такая, понимаешь, беленькая! Я и говорю: принцесса, приходи на лужок поглядеть, как пасутся свиньи. А она: я боюсь свиней. А я ей говорю: свиньи смирные. А она: нет, они хрюкают. А я ей: это человеку не вредит. Да ты спишь?

Христиан (сонно). Спу.

Генрих (поворачивается к свиньям). И вот, дорогие вы мои свинки, стал я ходить каждый вечер этой самой дорогой. Принцесса красуется в окне, как цветочек, а я стою внизу во дворе как столб, прижав руки к сердцу. И все ей повторяю: приходи на лужок. А она: а чего я там не видела? А я ей: цветы там очень красивые. А она: они и у нас есть. А я ей: там разноцветные

камушки, а она мне: подумаешь, как интересно. Так и уговариваю, пока нас не разгонят. И ничем ее не убедишь! Наконец я придумал. Есть, говорю, у меня котелок с колокольчиками, который прекрасным голосом поет, играет на скрипке, на валторне, на флейте и, кроме того, рассказывает, что у кого готовится на обед. Принеси, говорит она, сюда этот котелок. Нет, говорю, его у меня отберет король. Ну ладно, говорит, приду к тебе на лужайку в будущую среду, ровно в двенадцать. Побежал я к Христиану. У него руки золотые, и сделали мне котелок с колокольчиками... Эх, свинки, свинки, и вы заснули! Конечно, вам надоело... Я только об этом целыми днями и говорю... Ничего не поделаешь—влюблен. Ах, идет! *(Толкает свиней.)* Вставай, Герцогиня, вставай, Графиня, вставай, Баронесса. Христиан! Христиан! Проснись!

Христиан. А? Что?

Генрих. Идет! Вон она! Беленькая, на дорожке. *(Генрих тычет пальцем вправо.)*

Христиан. Чего ты? Чего там? Ах, верно — идет! И не одна, со свитой... Да перестань ты дрожать... Как ты женишься на ней, если ты ее так боишься?

Генрих. Я дрожу не от страха, а от любви.

Христиан. Генрих, опомнись! Разве от любви полагается дрожать и чуть ли не падать на землю! Ты не девушка!

Генрих. Принцесса идет.

Христиан. Раз идет, значит, ты ей нравишься. Вспомни, сколько девушек ты любил — и всегда благополучно. А ведь она хоть и принцесса, а тоже девушка.

Генрих. Главное, беленькая очень. Дай глотну из фляжки. И хорошенькая. И миленькая. Идешь по двору, а она красуется в окне, как цветочек... А я как столб, во дворе, прижавши руки к сердцу...

Христиан. Замолчи! Главное, будь тверд. Раз уж решил жениться — не отступай. Ох, не надеюсь я на тебя. Был ты юноша хитрый, храбрый, а теперь...

Генрих. Не ругай меня, она подходит...

Христиан. И со свитой!

Генрих. Я никого не вижу, кроме нее! Ах ты моя миленькая!

Входят принцесса и придворные дамы. Принцесса подходит к свинопасу. Дамы стоят в стороне.

Принцесса. Здравствуй, свинопас.

Генрих. Здравствуй, принцесса.

Принцесса. А мне сверху, из окна, казалось, что ты меньше ростом.

Генрих. А я больше ростом.

Принцесса. И голос у тебя нежней. Ты со двора всегда очень громко мне кричал.

Генрих. А здесь я не кричу.

Принцесса. Весь дворец знает, что я пошла сюда слушать твой котелок, — так ты кричал! Здравствуй, свинопас! *(Протягивает ему руку.)*

Генрих. Здравствуй, принцесса. *(Берет принцессу за руку.)*

Христиан *(шепчет)*. Смелей, смелей, Генрих!

Генрих. Принцесса! Ты такая славненькая, что прямо страшно делается.

Принцесса. Почему?

Генрих. Беленькая такая, добренькая такая, нежная такая.

Принцесса вскрикивает.

Что с тобой?

Принцесса. Вон та свинья злобно смотрит на нас.

Генрих. Которая? А! Та! Пошла отсюда прочь, Баронесса, или я завтра же тебя зарежу.

Третья придворная дама. Ах! *(Падает в обморок.)*

Все придворные дамы ее окружают.

Возмущенные возгласы. Грубиян!

— Нельзя резать баронессу!

— Невежа!

— Это некрасиво — резать баронессу!

— Нахальство!

— Это неприлично — резать баронессу!

Первая придворная дама (*торжественно подходит к принцессе*). Ваше высочество! Запретите этому... этому поросенку оскорблять придворных дам.

Принцесса. Во-первых, он не поросенок, а свинопас, а во-вторых, зачем ты обижаешь мою свиту?

Генрих. Называй меня, пожалуйста, Генрих.

Принцесса. Генрих? Как интересно. А меня зовут Генриетта.

Генрих. Генриетта? Неужели? А меня Генрих.

Принцесса. Видишь, как хорошо. Генрих!

Генрих. Вот ведь! Бывает же... Генриетта.

Первая придворная дама. Осмелюсь напомнить вашему высочеству, что этот... этот ваш собеседник собирается завтра зарезать баронессу.

Принцесса. Ах, да... Скажи, пожалуйста, Генрих, зачем ты собираешься завтра зарезать баронессу?

Генрих. А она уже достаточно разъелась. Она ужасно толстая.

Третья придворная дама. Ах! (*Снова падает в обморок.*)

Генрих. Почему эта дама все время кувыркается?

Первая придворная дама. Эта дама и есть та баронесса, которую вы назвали свиньей и хотите зарезать.

Генрих. Ничего подобного, вот свинья, которую я назвал Баронессой и хочу зарезать.

Первая придворная дама. Вы эту свинью назвали Баронессой?

Генрих. А эту Графиней.

Вторая придворная дама. Ничего подобного! Графиня — это я!

Генрих. А эта свинья — Герцогиня.

Первая придворная дама. Какая дерзость! Герцогиня — это я! Называть свиней высокими титулами! Ваше высочество, обратите внимание на неприличный поступок этого свинопаса.

Принцесса. Во-первых, он не свинопас, а Генрих. А во-вторых, свиньи — его подданные, и он вправе их жаловать любыми титулами.

Первая придворная дама. И вообще он ведет себя неприлично. Он держит вас за руку!

Принцесса. Что же тут неприличного! Если бы он держал меня за ногу...

Первая придворная дама. Умоляю вас, молчите. Вы так невинны, что можете сказать совершенно страшные вещи.

Принцесса. А вы не приставайте. А скажи, Генрих, почему у тебя такие твердые руки?

Генрих. Тебе не нравится?

Принцесса. Какие глупости! Как это мне может не нравиться! У тебя руки очень милые.

Генрих. Принцесса, я тебе сейчас что-то скажу...

Первая придворная дама (*решительно*). Ваше высочество! Мы пришли сюда слушать котелок. Если мы не будем слушать котелок, а будем с крайне неприличным вниманием слушать чужого мужчину, я сейчас же...

Принцесса. Ну и не слушайте чужого мужчину и отойдите.

Первая придворная дама. Но он и вам чужой!

Принцесса. Какие глупости. Я с чужими никогда не разговариваю.

Первая придворная дама. Я даю вам слово, принцесса, что сейчас же позову короля.

Принцесса. Отстаньте!

Первая придворная дама (*кричит, повернувшись к замку*). Коро-оль! Идите сюда скорей. Принцесса ужасно себя ведет!

Принцесса. Ах, как они мне надоели. Ну покажи им котелок, Генрих, если им так хочется.

Генрих. Христиан! Иди сюда. Давай котелок.

Христиан (*достает из мешка котелок. Тихо*). Молодец, Генрих. Так ее. Не выпускай ее. Она в тебя по уши влюблена.

Генрих. Ты думаешь?

Христиан. Да тут и думать нечего. Теперь, главное, поцелуй ее. Найди случай! Целуй ее, чтобы ей было что вспомнить, когда домой придет. Вот, ваше высочество и вы, благородные дамы, замечательный котелок с колокольчиками. Кто его сделал? Мы. Для чего? Для того, чтобы позабавить высокорожденную принцессу и

благородных дам. На вид котелок прост — медный, гладкий, затянут сверху ослиной кожей, украшен по краям бубенцами. Но это обманчивая простота. За этими медными боками скрыта самая музыкальная душа в мире. Сыграть сто сорок танцев и спеть одну песенку может этот медный музыкант, позванивая своими серебряными колокольчиками. Вы спросите: почему так много танцев? Потому что он весел, как мы. Вы спросите: почему всего одну песенку? Потому что он верен, как мы. Но это еще не все: эта чудодейственная, веселая и верная машина под ослиной кожей скрывает нос!

Придворные дамы (*хором*). Что?

Христиан. Нос. И какой нос, о прекрасная принцесса и благородные дамы! Под грубой ослиной кожей таится, как нежный цветок, самый тонкий, самый чуткий нос в мире. Достаточно направить его с любого расстояния на любую кухню любого дома — и наш великий нос сразу почувствует, что за обед там готовится. И сразу же совершенно ясно, правда несколько в нос, опишет нам нос этот самый обед. О благородные слушатели! С чего мы начнем? С песенки, с танцев или с обедов?

Первая придворная дама. Принцесса, с чего вы прикажете начать? Ах! Я заслушалась и не заметила! Принцесса! Принцесса! Принцесса! Я вам говорю.

Принцесса (*томно*). Мне? Ах, да, да. Говорите что хотите.

Первая придворная дама. Что вы делаете, принцесса? Вы позволяете обнимать себя за талию. Это неприлично!

Принцесса. Что же тут неприличного? Если бы он обнимал меня за...

Первая придворная дама. Умоляю вас, молчите. Вы так наивны, что можете сказать совершенно страшные вещи!

Принцесса. А вы не приставайте. Идите слушайте котелок!

Первая придворная дама. Но мы не знаем, с чего начать: с песенки, с танцев или с обедов?

Принцесса. Как ты думаешь, Генрих?

Генрих. Ах ты моя миленькая...

Принцесса. Он говорит, что ему все равно.

Первая придворная дама. Но я спрашиваю вас, принцесса.

Принцесса. Я же вам ответила, что нам все равно. Ну начинайте с обедов.

Придворные дамы (хлопая в ладоши). С обедов, с обедов, с обедов!

Христиан. Слушаю-с, благородные дамы. Мы ставим котелок на левый бок и тем самым приводим в действие нос. Слышите, как он сопит?

Слышно громкое сопение.

Это он принюхивается.

Слышно оглушительное чихание.

Он чихнул,— следовательно, он сейчас заговорит. Внимание.

Нос (гнусаво). Я в кухне герцогини.

Придворные дамы (хлопая в ладоши). Ах, как интересно!

Первая придворная дама. Но...

Придворные дамы. Не мешайте!

Нос. У герцогини на плите ничего не варится, а только разогревается.

Придворные дамы. Почему?

Нос. Она вчера за королевским ужином напихала себе в рукава девять бутербродов с икрой, двенадцать с колбасой, пять отбивных котлет, одного кролика, шашлык по-царски, курицу под белым соусом, пирожков разных восемнадцать штук, соус тартар с каперсами и оливками, беф-филе годар, соус из фюмэ, натуральный пломбир с цукатами, парфе кофейное и корочку хлеба.

Первая придворная дама. Ты врешь, нахальный нос!

Нос. Не для чего мне врать. Я точный прибор.

Придворные дамы. Bravo, bravo, как интересно, еще, еще!

Нос. Я в кухне у графини.

Вторая придворная дама. Но...

Придворные дамы. Не мешайте.

Нос. Плита у графини такая холодная, чхи, что я боюсь схватить насморк! Чхи!

Придворные дамы. Но почему?

Нос. Плита у графини целый месяц не топилась.

Придворные дамы. Но почему?

Нос. Она целый месяц обедает в гостях. Она экономная.

Вторая придворная дама. Врешь, бесстыдный нос!

Нос. Чего мне врать? Машина не врет. Я у баронессы. Здесь тепло. Печь горит вовсю. У баронессы прекрасный повар. Он готовит обед для гостей. Он делает из конины куриные котлеты. Сейчас я иду к маркизе, потом к генеральше, потом к президентше...

Придворные дамы (*кричат хором*). Довольно, довольно, ты устал.

Нос. Я не устал.

Придворные дамы. Нет, устал, устал, довольно, довольно!

Христиан (*поворачивает котелок*). Я надеюсь, что вы в восторге, благородные дамы?

Придворные дамы молчат.

Если нет — пушу нос опять в путешествие.

Придворные дамы. Мы довольны, довольны, спасибо, bravo, не надо!

Христиан. Я вижу, вы действительно довольны и веселы. А раз вы довольны и веселы, то вам только и остается что танцевать. Сейчас вы услышите один из ста сорока танцев, запрятанных в этом котелке.

Первая придворная дама. Я надеюсь — это танец без... без... слов?

Христиан. О да, герцогиня, это совершенно безобидный танец. Итак, я кладу котелок на правый бок и — вы слышите?

Позванивая бубенчиками, котелок начинает играть. Генрих танцует с принцессой. Христиан с герцогиней, графиня с баронессой. Прочие придворные дамы водят вокруг хоровод. Танец кончается.

Придворные дамы. Еще, еще, какой хороший танец!

Христиан. Ну, Генрих, действуй! Вот тебе предлог.

Принцесса. Да, пожалуйста, Генрих, заведи еще раз котелок! Я сама не знала, что так люблю танцевать.

Христиан. Ваше высочество, у этого котелка есть одно ужасное свойство.

Принцесса. Какое?

Христиан. Несмотря на свою музыкальную душу, он ничего не делает даром. Первый раз он играл в благодарность за то, что вы пришли из королевского дворца на нашу скромную лужайку. Если вы хотите, чтобы он играл еще...

Принцесса. Я должна еще раз прийти. Но как это сделать? Ведь для этого надо уйти, а мне так не хочется!

Генрих. Нет, нет, не уходи, куда там, еще рано, ты только что пришла!

Принцесса. Но он иначе не заиграет, а мне так хочется еще потанцевать с тобой. Что нужно сделать? Скажи! Я согласна.

Генрих. Нужно... чтобы ты... *(скороговоркой)* десять раз меня поцеловала.

Придворные дамы. Ах!

Принцесса. Десять?

Генрих. Потому что я очень влюблен в тебя. Зачем ты так странно смотришь? Ну не десять, ну пять.

Принцесса. Пять? Нет!

Генрих. Если бы ты знала, как я обрадуюсь, ты бы не спорила... Ну поцелуй меня хоть три раза...

Принцесса. Три? Нет! Я не согласна.

Первая придворная дама. Вы поступаете совершенно справедливо, ваше высочество.

Принцесса. Десять, пять, три. Кому ты это предлагаешь? Ты забываешь, что я — королевская дочь! Восемьдесят, вот что!

Придворные дамы. Ах!

Генрих. Что восемьдесят?

Принцесса. Поцелуй меня восемьдесят раз!
Я принцесса!

Придворные дамы. Ах!

Первая придворная дама. Ваше высочество, что вы делаете! Он вас собирается целовать в губы! Это неприлично!

Принцесса. Что же тут неприличного? Ведь в губы, а не...

Первая придворная дама. Умоляю вас, молчите! Вы так невинны, что можете сказать совершенно страшные вещи.

Принцесса. А вы не приставайте!

Генрих. Скорей! Скорей!

Принцесса. Пожалуйста, Генрих, я готова.

Первая придворная дама. Умоляю вас, принцесса, не делать этого. Уж если вам так хочется потанцевать, пусть он меня поцелует хоть сто раз...

Принцесса. Вас? Вот это будет действительно неприлично! Вас он не просил. Вы сами предлагаете мужчине, чтобы он вас целовал.

Первая придворная дама. Но ведь вы тоже...

Принцесса. Ничего подобного, меня он принудил! Я вас понимаю — сто раз. Конечно, он такой милый, кудрявый, у него такой приятный ротик... Она отчасти права, Генрих, ты меня поцелуешь сто раз. И пожалуйста, не спорьте, герцогиня, иначе я прикажу вас заточить в подземелье.

Первая придворная дама. Но король может увидеть вас из окон дворца!

Принцесса. Станьте вокруг! Слышите! Станьте вокруг! Заслоняйте нас своими платьями. Скорей! Как это можно — мешать людям, которые собрались целоваться! Иди сюда, Генрих!

Первая придворная дама. Но кто будет считать, ваше высочество?

Принцесса. Это неважно! Если мы собьемся — то начнем сначала.

Первая придворная дама. Считайте, медам.

Генрих и принцесса целуются.

Придворные дамы. Раз.

Поцелуй продолжается.

Первая придворная дама. Но, ваше высочество, для первого раза, пожалуй, уже достаточно!

Поцелуй продолжается.

Но ведь так мы не успеем кончить и до завтрашнего дня.

Поцелуй продолжается.

Христиан. Не тревожьте его, мадам, он все равно ничего не слышит, я его знаю.

Первая придворная дама. Но ведь это ужасно!

Из кустов выскакивает король. Он в короне и в горностаевой мантии.

Король!

Король. У кого есть спички, дайте мне спички!

Общее смятение, Генрих и принцесса стоят потупившись.

Придворные дамы. Ваше величество!

Король. Молчать! У кого есть спички?

Христиан. Ваше величество...

Король. Молчать! У вас есть спички?

Христиан. Да, ваше ве...

Король. Молчать! Давайте их сюда.

Христиан. Но зачем, ваше величество?

Король. Молчать!

Христиан. Не скажете — не дам спичек, ваше...

Король. Молчать! Спички мне нужны, чтобы зажечь костер, на котором я сожгу придворных дам. Я уже собрал в кустах хворосту.

Христиан. Пожалуйста, ваше величество, вот спички.

Придворные дамы падают в обморок.

Король. Какой ужас! Моя дочь целуется со свинопасом! Зачем ты это сделала?

Принцесса. Так мне захотелось.

Король. Захотелось целоваться?

Принцесса. Да.

Король. Пожалуйста! Завтра же я отдам тебя замуж за соседнего короля.

Принцесса. Ни за что!

Король. А кто тебя спрашивает!

Принцесса. Я ему выщипаю всю бороду!

Король. Он бритый.

Принцесса. Я ему выдеру все волосы!

Король. Он лысый.

Принцесса. Тогда я ему выбью зубы!

Король. У него нет зубов. У него искусственные зубы.

Принцесса. И вот за эту беззубую развалину ты отдаешь меня замуж!

Король. Не с зубами жить, а с человеком. Эх вы, дамы! *(Оглушительно.)* Встать!

Дамы встают.

Хорошо! Очень хорошо! Только потому что я задержался, не мог сразу найти английских булавок, чтобы подколоть мантию, вы тут устроили оргию! Нет, вас мало только сжечь на костре! Я вас сначала сожгу и потом отрублю вам головы, а потом повешу вас всех на большой дороге.

Дамы плачут.

Не реветь! Нет, этого мало! Я придумал: я вас не сожгу и не повешу. Я вас оставляю в живых и буду вас всю жизнь ругать, ругать, пилить, пилить. Ага! Съели!

Дамы плачут.

А кроме того, я лишу вас жалованья!

Дамы падают в обморок.

Встать! А тебя, свинопас, и твоего друга я вышлю из пределов страны. Ты не слишком виноват. Принцесса действительно такая чудненькая, что не влюбиться трудно. Где котелок? Котелок я заберу себе. *(Хватает котелок.)*

Котелок *(начинает петь)*.

Я хожу-брожу по свету,
Полон я огня.
Я влюбился в Генриетту,
А она в меня.
Шире степи. выше леса
Я тебя люблю,

Никому тебя, принцесса,
Я не уступлю.
Завоеюем счастье с бою
И пойдем домой.
Ты да я, да мы с тобою,
Друг мой дорогой.
Весел я брожу по свету,
Полон я огня,
Я влюбился в Генриетту,
А она в меня.

Король. Это котелок поет?

Генрих. Да, ваше величество.

Король. Поет он хорошо, но слова возмутительные. Он утверждает, что ты все равно женишься на принцессе?

Генрих. Да, я все равно женюсь на принцессе, ваше величество.

Принцесса. Правильно, правильно!

Король (*придворным дамам*). Уведите ее.

Принцесса. До свиданья, Генрих. Я тебя люблю.

Генрих. Не беспокойся, принцесса, я на тебе женюсь.

Принцесса. Да, пожалуйста, Генрих, будь так добр. До свиданья, до свиданья!

Ее уводят.

Генрих. До свиданья, до свиданья!

Король. Генрих!

Генрих. До свиданья, до свиданья!

Король. Эй, ты, слушай!

Генрих. До свиданья, до свиданья!

Король. Я тебе говорю. (*Поворачивает его лицом к себе.*) Твой котелок поет только одну песню?

Генрих. Да, только одну.

Король. А такой песни у него нету? (*Поет дребезжащим голосом.*) Ничего у тебя не выйдет, пошел вон.

Генрих. Такой песни у него нет и не может быть.

Король. Ты меня не серди,— ты видел, как я бываю грозен?

Генрих. Видел

Король. Дрожал?

Генрих. Нет.

Король. Ну то-то!

Генрих. Прощай, король.

Король. Куда ты?

Генрих. Пойду к соседнему королю. Он дурак, и я его так обойду, что лучше и не надо. Смелей меня нет человека. Я поцеловал твою дочь и теперь ничего не боюсь! Прощай!

Король. Погоди. Надо же мне пересчитать свиней. Раз, два, три, пятнадцать, двадцать... Так. Все. Ступай!

Генрих. Прощай, король. Идем, Христиан.

Уходят с пением:

Шире степи, выше леса

Я тебя люблю.

Никому тебя, принцесса,

Я не уступаю.

Король. Чувствую я — заварится каша. Ну да я тоже не дурак. Я выпишу дочке иностранную гувернантку, злобную, как собака. С ней она и поедет. И камергера с ней пошлю. А придворных дам не пошлю. Оставляю себе. Ишь ты, шагают, поют! Шагайте, шагайте, ничего у вас не выйдет!

Занавес

Перед занавесом появляется министр нежных чувств.

Министр нежных чувств. Я министр нежных чувств его величества короля. У меня теперь ужасно много работы — мой король женится на соседней принцессе. Я выехал сюда, чтобы, во-первых, устроить встречу принцессы с необходимой торжественностью. А во-вторых и в-третьих, чтобы решить две деликатные задачи. Дело в том, что моему всемиловитейшему повелителю пришла в голову ужасная мысль. Жандармы!

Входят два бородатых жандарма.

Жандармы (хором). Что угодно вашему превосходительству?

Министр. Следите, чтобы меня не подслушали. Я сейчас буду говорить о секретных делах государственной важности.

Жандармы (*хором*). Слушаю-с, ваше превосходительство!

Расходятся в разные стороны. Становятся у порталов.

Министр (*понижив голос*). Итак, моему повелителю в прошлый вторник за завтраком пришла в голову ужасная мысль. Он как раз ел колбасу — и вдруг замер с куском пищи в зубах. Мы кинулись к нему, восклицая: «Ваше величество! Чего это вы!» Но он только стонал глухо, не разнимая зубов: «Какая ужасная мысль! Ужас! Ужас!» Придворный врач привел короля в чувство, и мы узнали, что именно их величество имело честь взволновать. Мысль действительно ужасная. Жандармы!

Жандармы (*хором*). Что угодно вашему превосходительству?

Министр. Заткните уши.

Жандармы (*хором*). Слушаю-с, ваше превосходительство! (*Затыкают уши.*)

Министр. Король подумал: а вдруг мамаша их высочества, мамаша нареченной невесты короля, была в свое время (*шепотом*) шалунья! Вдруг принцесса не дочь короля, а девица неизвестного происхождения? Вот первая задача, которую я должен разрешить. Вторая такова. Его величество купался, был весел, изволил хихикать и говорил игривые слова. И вдруг король, восклицая: «Вторая ужасная мысль!», на мелком месте пошел ко дну. Оказывается, король подумал: а вдруг принцесса до сговора (*шепотом*) тоже была шалунья, имела свои похождения, и... ну словом, вы понимаете! Мы спасли короля, и он тут же в море отдал мне необходимые распоряжения. Я приехал сюда узнать всю правду о происхождении и поведении принцессы и — клянусь своей рыцарской честью — я узнаю о ее высочестве всю подноготную. Жандармы! Жандармы! Да что вы, оглохли? Жандармы! Ах да! Ведь я приказал им заткнуть уши. Какова дисциплина! Король разослал по всем деревням на пути принцессы лучших жандармов королевства. Они учат население восторженным

встречам. Отборные молодцы. (Подходит к жандармам, опускает им руки.) Жандармы!

Жандармы. Что угодно вашему превосходительству?

Министр. Подите взгляните, не едет ли принцесса.

Жандармы. Слушаю-с, ваше превосходительство! (Уходят.)

Министр. Трудные у меня задачи. Не правда ли? Но я знаю совершенно точно, как их решить. Мне помогут одна маленькая горошина и двенадцать бутылок отборного вина. Я очень ловкий человек.

Входят жандармы.

Ну?

Жандармы. Ваше превосходительство. Далеко-далеко, там, где небо как бы сливается с землей, вьется над холмом высокий столб пыли. В нем то алебарда сверкнет, то покажется конская голова, то мелькнет золотой герб. Это принцесса едет к нам, ваше превосходительство.

Министр. Пойдем посмотрим, все ли готово к встрече.

Уходят.

Пологие холмы покрыты виноградниками. На переднем плане — гостиница. Двухэтажный домик. Столы стоят во дворе гостиницы. Мэр деревушки мечется по двору вместе с девушками и парнями. Крики: «Едет! едет!» Входит министр нежных чувств.

Министр. Мэр! Перестаньте суетиться. Подите сюда.

Мэр. Я? Да. Вот он. Что? Нет!

Министр. Приготовьте двенадцать бутылок самого крепкого вина.

Мэр. Что? Бутылок? Зачем?

Министр. Нужно.

Мэр. Ага... Понял... Для встречи принцессы?

Министр. Да.

Мэр. Она пьяница?

Министр. Вы с ума сошли! Бутылки нужны для ужина, который вы подадите спутникам принцессы.

Мэр. Ах, спутникам. Это приятнее... Да-да... Нет-нет.

Министр (хохочет. В сторону). Как глуп! Я очень люблю глупых людей, они такие потешные. (Мэру.) Приготовьте бутылки, приготовьте поросят, приготовьте медвежьи окорока.

Мэр. Ах так. Нет... То есть да. Эй вы, возьмите ключи от погреба! Дайте сюда ключи от чердака! (Бежит.)

Министр. Музыканты!

Дирижер. Здесь, ваше превосходительство!

Министр. У вас все в порядке?

Дирижер. Первая скрипка, ваше превосходительство, наелась винограду и легла на солнышке. Виноградный сок, ваше превосходительство, стал бродить в животике первой скрипки и превратился в вино. Мы их будим, будим, а они брыкаются и спят.

Министр. Безобразно! Что же делать?

Дирижер. Все устроено, ваше превосходительство. На первой скрипке будет играть вторая, а на второй контрабас. Мы привязали скрипку к жерди, контрабас поставит ее как контрабас, и все будет более чем прекрасно.

Министр. А кто будет играть на контрабасе?

Дирижер. Ах, какой ужас! Об этом я и не подумал!

Министр. Поставьте контрабас в середину. Пусть его хватают и пият на нем все, у кого окажутся свободными руки.

Дирижер. Слушаю, ваше превосходительство. (Убегает.)

Министр. Ах какой я умный, какой ловкий, какой находчивый человек!

Входят два жандарма.

Жандармы. Ваше превосходительство, карета принцессы въехала в деревню

Министр. Внимание! Оркестр! Мэр! Девушки! Народ! Жандармы! Следите, чтобы парни бросали шапки повыше!

За забором показывается верхушка кареты с чемоданами. Министр бросается в ворота к карете. Оркестр играет. Жандармы кричат «ура». Шапки летят вверх. Входят принцесса, камергер, гувернантка.

Ваше высочество. . . Волнение, которое вызвал ваш приезд в этой скромной деревушке, ничтожно по сравнению с тем, что делается в сердце моего влюбленного повелителя. Но тем не менее. . .

Принцесса. Довольно. . . Камергер! Где мои новые платки?

Камергер. Эх! Ух! Охо-хо! Сейчас, ваше высочество, я возьму себя в руки и спрошу у гувернантки. М-м-ы. *(Рычит. Успокаивается.)* Госпожа гувернантка, где платки нашей принцессы лежать себя имеют быть?

Гувернантка. Платки имеют быть лежать себя в чемодане, готентотенпотентатертантеатентер.

Камергер. Одер. *(Рычит.)* Платки в чемодане, принцесса.

Принцесса. Достаньте. Вы видите, что мне хочется плакать. Достаньте платки. И принесите.

Несут чемоданы.

И прикажите приготовить мне постель. Скоро стемнеет. *(В сторону.)* А я ужасно устала. Пыль, жара, ухабы! Скорее, скорее спать! Я во сне увижу моего дорогого Генриха. Мне так надоели эти совершенно чужие обезьяны. *(Уходит в гостиницу.)*

Камергер роется в чемодане.

Министр. Неужели принцесса не будет ужинать?

Камергер *(рычит)*. Эх, ух, охо-хо! Нет! Она вот уже три недели ничего не ест. Она так взволнована предстоящим браком.

Гувернантка *(набрасывается на министра нежных чувств)*. Выньте свои руки карманов из! Это неприлично есть иметь суть! Ентведер!

Министр. Чего хочет от меня эта госпожа?

Камергер (рычит). О-о-о-у! (Успокаивается. Гувернантке.) Возьмите себя в свои руки, анкор. Это не есть ваш воспитанник не. (Министру.) Простите, вы не говорите на иностранных языках?

Министр. Нет. С тех пор как его величество объявил, что наша нация есть высшая в мире, нам приказано начисто забыть иностранные языки.

Камергер. Эта госпожа — иностранная гувернантка, самая злая в мире. Ей всю жизнь приходилось воспитывать плохих детей, и она очень от этого ожесточилась. Она набрасывается теперь на всех встречных и воспитывает их.

Гувернантка (набрасывается на камергера). Не чешите себя. Не!

Камергер. Видите? Уоу! Она запрещает мне чесаться, хотя я вовсе не чешусь, а только поправляю манжеты. (Рычит.)

Министр. Что с вами, господин камергер, вы протужены?

Камергер. Нет. Просто я уже неделю не был на охоте. Я переполнен кровожадными мыслями. У-лю-лю! Король знает, что я без охоты делаюсь зверем, и вот он послал меня сопровождать принцессу. Простите, господин министр, я должен взглянуть, что делает принцесса. (Ревет.) Ату его! (Успокаивается.) Госпожа гувернантка, направьте свои ноги на. Принцесса давно надзора без находит себя.

Гувернантка. Хотим мы идти. (Идет. На ходу министру.) Дышать надо нос через! Плохой мальчишка ты есть, ани, бани, три конторы!

Уходит с камергером.

Министр. Чрезвычайно подозрительно! Зачем король-отец послал таких свирепых людей сопровождать принцессу? Это неспроста. Но я все узнаю! Все! Двенадцать бутылок крепкого вина заставят эту свирепую стражу разболтать все. Все! Ах, как я умен, ловок, находчив, сообразителен! Не пройдет и двух часов, как прошлое принцессы будет у меня вот тут, на ладони. Идут двенадцать девушек с перинами. У каждой девушки по две перины.

Ага! Сейчас мы займемся горошиной. (*Первой девушке.*) Дорогая красавица, на два слова.

Девушка его толкает в бок. Министр отскакивает. Подходит ко второй.

Дорогая красотка, на два слова.

С этой девушкой происходит то же самое. Все двенадцать девушек отталкивают министра и скрываются в гостиницу.

(*Потирая бока.*) Какие грубые, какие неделикатные девушки. Как же быть с горошиной, черт побери! Жандармы!

Жандармы подходят к министру.

Жандармы. Что угодно вашему превосходительству?

Министр. Мэра.

Жандармы. Слушаю-с, ваше превосходительство!

Министр. Придется посвятить в дело этого дурака. Больше некого.

Жандармы приводят мэра.

Жандармы, станьте около и следите, чтобы нас не подслушали. Я буду говорить с мэром о секретных делах государственной важности.

Жандармы. Слушаю-с, ваше превосходительство! (*Становятся возле мэра и министра.*)

Министр. Мэр. Ваши девушки...

Мэр. Ага, понимаю. Да. И вас тоже?

Министр. Что?

Мэр. Девушки наши... Вы бок потираете. Ага. Да.

Министр. Что вы болтаете?

Мэр. Вы приставали к девушкам, они вас толкали. Да. Знаю по себе. Сам холостой.

Министр. Постойте!

Мэр. Нет. Любят они, да-да. Только молодых. Смешные девушки. Я их люблю... Ну-ну... А они нет. Меня нет... Вас тоже. Не могу помочь.

Министр. Довольно! Я не за этим вас звал. Ваши девушки не поняли меня. Я им хотел поручить секрет-

ное дело государственной важности. Придется это дело выполнить вам.

Мэ р. Ага. Ну-ну, Да-да.

Минист р. Вам придется забраться в спальню принцессы.

Мэ р (хохочет). Ах ты... Вот ведь... Приятно... Но нет... Я честный.

Минист р. Вы меня не поняли. Вам придется войти туда на секунду, после того как девушки постелят перины для ее высочества. И под все двадцать четыре перины на доски кровати положить эту маленькую горошину. Вот и все.

Мэ р. Зачем?

Минист р. Не ваше дело! Берите горошину и ступайте!

Мэ р. Не пойду. Да... Ни за что.

Минист р. Почему?

Мэ р. Это дело неладное. Я честный. Да-да. Нет-нет. Вот возьму сейчас заболую — и вы меня не заставите! Нет-нет! Да-да!

Минист р. Ах, черт, какой дурак! Ну хорошо, я вам все скажу. Но помните, что это секретное дело государственной важности. Король приказал узнать мне, действительно ли принцесса благородного происхождения. Вдруг она не дочь короля!

Мэ р. Дочь. Она очень похожа на отца. Да-да.

Минист р. Это ничего не значит. Вы не можете себе представить, как хитры женщины. Точный ответ нам может дать только эта горошина. Люди действительно королевского происхождения отличаются необычайно чувствительной и нежной кожей. Принцесса, если она настоящая принцесса, почувствует эту горошину через все двадцать четыре перины. Она не будет спать всю ночь и завтра пожалуется мне на это. А будет спать, значит, дело плохо. Поняли? Ступайте!

Мэ р. Ага... (Берет горошину.) Ну-ну... Мне самому интересно... Так похожа на отца — и вдруг... Правда, у отца борода... Но ротик... Носик...

Минист р. Ступайте!

Мэ р. Глазки.

Минист р. Идите, вам говорят!

Мэр. Лобик.

Министр. Да не теряйте времени, вы, болван!

Мэр. Иду, иду! И фигура у нее, в общем, очень похожа на отца. Ай, ай, ай! (Уходит.)

Министр. Слава богу!

Мэр (возвращается). И щечки.

Министр. Я вас зарежу!

Мэр. Иду, иду. (Уходит.)

Министр. Ну-с, вопрос о происхождении я выясню! Теперь остается только позвать камергера и гувернантку, подпойть их и выведать всю подноготную о поведении принцессы.

С визгом пробегают девушки, которые относили перины.
За ними, потирая бок, выходит камергер.

Господин камергер, я вижу по движениям ваших рук, что вы пробовали беседовать с этими девушками.

Камергер. Поохотился немного... (Рычит.) Брыкаются и бодаются, как дикие козы. Дуры!

Министр. Господин камергер, когда вас огорчает женщина, то утешает вино.

Камергер. Ничего подобного. Я, как выпью, сейчас же начинаю тосковать по женщинам.

Министр. Э, все равно! Выпьем, камергер! Скоро свадьба! Здесь прекрасное вино, веселящее вино. Посидим ночку! А?

Камергер (рычит). Ох как хочется посидеть! У-лю-лю! Но нет, не могу! Я дал клятву королю: как только принцесса ляжет спать — сейчас же ложиться у ее двери и сторожить ее не смыкая глаз. Я у дверей, гувернантка у кровати, — так и сторожим целую ночь. Отсыпаемся в карете. Ату его!

Министр (в сторону). Очень подозрительно! Надо его во что бы то ни стало подпойть. Господин камергер...

Визг и крик наверху, грохот на лестнице. Врывается мэр, за ним разъяренная гувернантка.

Мэр. Ой, спасите, съест! Ой, спасите, убьет!

Камергер. Что случилось ентведер-одер, абер?

Гувернантка. Этот старый хурда-мурда в спальню принцессы войти имел суть! А я ему имею откусить башку, готентотенпотентатертантеанантетер!

Камергер. Этот наглец залез в спальню принцессы. Ату его!

Министр. Стойте. Сейчас я все вам объясню. Пойдите сюда, мэр! *(Тихо.)* Положили горошину?

Мэр. Ох, положил... Да... Она щиплется.

Министр. Кто?

Мэр. Гувернантка. Я горошину положил... Вот... Смотрю на принцессу... Удивляюсь, как похожа на отца... Носик, ротик... Вдруг... как прыгнет... Она... Гувернантка.

Министр. Ступайте. *(Камергеру.)* Я все выяснил. Мэр хотел только узнать, не может ли он еще чем-нибудь помочь принцессе. Мэр предлагает загладить свой поступок двенадцатью бутылками крепкого вина.

Камергер. У-лю-лю!

Министр. Слушайте, камергер! Бросьте, ей-богу, а? Чего там! Границу вы уже переехали! Король-отец ничего не узнает. Давайте покутим! И гувернантку позовем. Вот здесь на столике, честное слово, ей-богу, клянусь честью! А наверх я пошлю двух этих молодых жандармов. Самые верные, самые отборные во всем королевстве собаки. Никого они не пропустят ни к принцессе, ни обратно. А, камергер? У-лю-лю?

Камергер *(гувернантке)*. Предлагают на столиках шнапс тринкен. Наверх двух жандармов они послать имеют. Жандармы вроде собак гумти-думти доberman-боberman. Злее нас. Уна дуна рес?

Гувернантка. Лестница тут один?

Камергер. Один.

Гувернантка. Квинтер, баба, жес.

Камергер *(министру)*. Ну ладно, выпьем! Посылайте жандармов.

Министр. Жандармы! Отправляйтесь наверх, станьте у двери принцессы и сторожите. Рысью!

Жандармы. Слушаю-с, ваше превосходительство! *(Убегают наверх.)*

Министр. Мэр! Неси вино, медвежьи окорока, колбасы. *(Хочет. В сторону.)* Сейчас! Сейчас выведе-

даю всю подноготную! Какой я умный! Какой я ловкий!
Какой я молодец!

Свет внизу гаснет. Открывается второй этаж. Комната принцессы. Принцесса в ночном чепчике лежит высоко на двадцати четырех перинах.

Принцесса (*напевает*).

Шире степи, выше леса
Я тебя люблю.
Никому тебя, принцесса,
Я не уступлю.

Ну что это такое? Каждый вечер я так хорошо засыпала под эту песенку. Спою — и сразу мне делается споконно. Сразу я верю, что Генрих действительно не уступит меня этому старому и толстому королю. И приходит сон. И во сне Генрих. А сегодня ничего не получается. Что-то так и впивается в тело через все двадцать четыре перины и не дает спать. Или в пух попало перо, или в досках кровати есть сучок. Наверное, я вся в синяках. Ах, какая я несчастная принцесса! Смотрела я в окно, там девушки гуляют со своими знакомыми, а я лежу и пропадаю напрасно! Я сегодня написала на записочке, что спросить у Генриха, когда я его увижу во сне. А то я все время забываю. Вот записочка... Во-первых, любил ли он других девушек, пока не встретился со мной? Во-вторых, когда он заметил, что в меня влюбился? В-третьих, когда он заметил, что я в него влюбилась? Я всю дорогу об этом думала. Ведь мы только один раз успели поцеловаться — и нас разлучили! И поговорить не пришлось. Приходится во сне разговаривать. А сон не идет. Что-то так и перекатывается под перинами. Ужасно я несчастная! Попробую еще раз спеть. (*Поет.*)

Весел я брожу по свету,
Полон я огня.

Два мужских голоса подхватывают:

Я влюбился в Генриетту,
А она в меня.

Принцесса. Что это? Может быть, я уже вижу сон?

Дует

Шире степи, выше леса
Я тебя люблю.
Никому тебя, принцесса,
Я не уступлю.

Принцесса. Ах, как интересно! И непонятно, и страшно, и приятно.

Дует

Завоею счастье с бою
И пойдем домой,
Ты да я да мы с тобою,
Друг мой дорогой.

Принцесса. Я сейчас слезу и выгляну. Завернусь в одеяло и взгляну. *(Слезает с перина.)*

Дует

Весел я брожу по свету,
Полон я огня,
Я влюбился в Генриетту,
А она в меня.

Принцесса. Где мои туфли? Вот они! Неужели за дверью...

Распахивает дверь. Там два жандарма.

Кто вы?

Жандармы. Мы жандармы его величества короля.

Принцесса. Что вы здесь делаете?

Жандармы. Мы сторожим ваше высочество.

Принцесса. А кто это пел?

Жандармы. Это пел человек, который поклялся во что бы то ни стало жениться на вашей милости. Он полюбил вас навеки за то, что вы такая миленькая, такая добрая, такая нежная. Он не хнычет, не плачет, не тратит времени по-пустому. Он вьется вокруг, чтобы спасти вас от проклятого жениха. Он пел, чтобы напомнить вам о себе, а друг его подпевал ему.

Принцесса. Но где же он?

Жандармы молча, большими шагами входят в комнату принцессы.

Почему вы не отвечаете? Где Генрих? Что вы так печально смотрите? Может быть, вы пришли меня зарезать?

Жандармы. Дерните нас за бороды.

Принцесса. За бороды?

Жандармы. Да.

Принцесса. Зачем?

Жандармы. Не бойтесь, дергайте!

Принцесса. Но я с вами незнакома!

Жандармы. Генрих просит дернуть нас за бороды.

Принцесса. Ну хорошо! *(Дергает.)*

Жандармы. Сильней!

Принцесса дергает изо всей силы. Бороды и усы жандармов остаются у нее в руках. Перед нею Генрих и Христиан.

Принцесса. Генрих. *(Бросается к нему, останавливается.)* Но я не одета...

Христиан. Ничего, принцесса, ведь скоро вы будете его женой.

Принцесса. Я не потому, что это неприлично, а я не знаю, хорошенькая я или нет!

Генрих. Генриетта! Я скорее умру, чем тебя оставлю, такая ты славная. Ты не бойся — мы все время едем за тобой следом. Вчера напоили жандармов, связали, спрятали, приехали. Запомни: только об одном мы и думаем, только одна у нас цель и есть — освободить тебя и увезти с собой. Один раз не удастся — мы второй раз попробуем. Второй не удастся — мы третий. Сразу ничего не дается. Чтобы удалось, надо пробовать и сегодня, и завтра, и послезавтра. Ты готова?

Принцесса. Да. А скажи, пожалуйста, Генрих, ты любил других девушек до меня?

Генрих. Я их всех ненавижу!

Христиан. Бедная принцесса — как она похудела!

Принцесса. А скажи, пожалуйста, Генрих...

Христиан. Потом, бедная принцесса, вы поговорите потом. А сейчас слушайте нас.

Генрих. Мы попробуем бежать с тобой сегодня.

Принцесса. Спасибо, Генрих.

Генрих. Но это может нам не удастся.

Принцесса. Сразу ничего не дается, милый Генрих.

Генрих. Возьми эту бумагу.

Принцесса (берет). Это ты писал? (Целует бумагу. Читает.) Иди ты к чертовой бабушке. (Целует бумагу.) Заткнись, дырявый мешок. (Целует.) Что это, Генрих?

Генрих. Это, если бегство не удастся, ты должна выучить и говорить своему жениху-королю. Сама ты плохо умеешь ругаться. Выучи и ругай его как следует.

Принцесса. С удовольствием, Генрих. (Читает.) Вались ты к черту на рога. Очень хорошо! (Целует бумагу.)

Генрих. Под твоими перинами лежит горошина. Это она не давала тебе спать. Скажи завтра, что ты прекрасно спала эту ночь. Тогда король откажется от тебя. Понимаешь?

Принцесса. Ничего не понимаю, но скажу. Какой ты умный, Генрих!

Генрих. Если он не откажется от тебя, все равно не падай духом. Мы будем около.

Принцесса. Хорошо, Генрих. Я буду спать хорошо и на горошине, если это нужно. Сколько у тебя дома перин?

Генрих. Одна.

Принцесса. Я приучусь спать на одной перине. А где же ты будешь спать, бедненький? Впрочем, мы...

Христиан. Умоляю вас, молчите, принцесса! Вы так невинны, что можете сказать совершенно страшные вещи!

Генрих. Одевайся, принцесса, и идем. Они там внизу — совсем пьяны. Мы убежим.

Христиан. А не убежит — горошина поможет.

Генрих. А не поможет — мы будем около и все равно, хоть из-под венца, а вытащим тебя. Идем, моя бедная!

Принцесса. Вот что, миленькие мои друзья. Вы не рассердитесь, если я вас попрошу что-то?

Генрих. Конечно, проси! Я все сделаю для тебя.
Принцесса. Ну тогда, хоть это и очень задержит нас, но будь так добр — поцелуй меня.

Генрих целует принцессу.

Свет наверху гаснет. Освещается двор гостиницы. За столом министр нежных чувств, гувернантка, камергер.
Все пьяны, но министр больше всех.

Министр. Я ловкий, слышишь, камергер? Я до того умный! Король велел: узнай потихоньку, не было ли у принцессы похождения... Понимаете? Тру-ля-ля! Деликатно, говорит, выведай! Другой бы что? Сбил бы другой! А я придумал! Я тебя напою, а ты пролоб... пробар... пробартаешься! Да? Умный я?

Камергер. У-лю-лю!

Министр. Ну да! Ну говори! От меня все равно не скрыться. Нет! Пролаб... пробар... прор... пробартавайся. Что ты можешь сказать о принцессе?

Камергер. Мы ее гончими травили! (*Падает под стол. Вылезает.*)

Министр. За что?

Камергер. У нее хвост красивый. У-лю-лю!

Министр (*падает под стол. Вылезает*). Хвост? У нее хвост есть?

Камергер. Ну да. Ату ее!

Министр. Почему хвост?

Камергер. Порода такая. У-лю-лю!

Министр. Вся порода? И у отца... хвост?

Камергер. А как же. И у отца.

Министр. Значит, у вас король хвостатый?

Камергер. Э, нет! Король у нас бесхвостый.
А у отца ее хвост есть.

Министр. Значит, король ей не отец?

Камергер. Ну конечно!

Министр. Ура! (*Падает под стол. Вылезает.*) Прораб... прораб... А кто ее отец?

Камергер. Лис. Ату его!

Министр. Кто?

Камергер. Лис. У лисицы отец лис.

Министр. У какой лисицы?

Камергер. Про которую мы говорили... (Толкает
губернантку локтем.)

Оба пьяно хохочут.

Губернантка. Если бы ты знать мог гоголь-мо-
голь, что она с свинопасом взаимно целовала себя! Сними
локти со стола ауф! Не моргай не!

Камергер. Ату его!

Губернантка. Ты есть болван!

Министр. Что они говорят?

Камергер. Улю-лю!

Министр. Свины! Это не по-товар... не по-това-
рищески. Я вас побью. (Падает головой на стол.) Мэр!
Мэр! Еще вина. (Засыпает.)

Губернантка. Этот глупый болван себе спит!
О, счастливый! Вот так вот лег и спит. А я сплю нет.
Я сплю нет сколько ночей. Ундер-мундер. (Засыпает.)

Камергер. Улю-лю. Олень! Олень! (Бежит, падает
и засыпает.)

Мэр (входит). Вот. Еще вина. Да-да. Министр!
Спит. Камергер! Спит. Госпожа губернантка! Спит.
Сяду. Да-да. Проснутся небось. Нет-нет. (Дремлет.)

Дверь тихонько приоткрывается. Выходит Христиан, осма-
тривается. Подает знак. Выходят принцесса и Генрих.

Крадутся к выходу Мэр их замечает, вскакивает.

Куда?.. Это. А... Жандармы... Побрились... Стран-
но... Назад!

Генрих. Я тебя убью!

Мэр. А я заору... Я смелый.

Христиан. Возьми денег и отпусти нас.

Мэр. Э, нет! Я честный. Сейчас свистну!

Принцесса. Дайте мне сказать. Мэр, пожалей,
пожалуйста, меня. Я хоть и принцесса, а та же девушка!

Мэр всхлипывает.

Если ты меня предашь, повезут меня насильно венчать
с чужим стариком.

Мэр всхлипывает.

Разве это хорошо? Король у вас капризный. А я сла-
бенькая.

Мэр плачет.

Разве я выживу в неволе? Я там сразу помру!

Мэр (*ревет во все горло*). Ой, бегите скорей! Ой,
а то вы помрете! (*Вопит.*) Бегите! Ой!

Все, кроме министра, вскакивают. Гувернантка хватается принцессу. Уносит вверх. Камергер свистит, улюлюкает. Вбегает стража. Генрих и Христиан пробивают себе дорогу к выходу.
Все бегут за ними. Слышен топот коней. Пение

Шире степи, выше леса
Я тебя люблю.
Никому тебя, принцесса,
Я не уступлю.

Камергер (*входит*). Удрали. Легче сто оленей за-
травить, чем одну королевскую дочь довести благопо-
лучно до ее жениха! (*Смотрит на министра.*) А этот
дрыхнет: спи-спи, набирайся сил. Напрыгаешься еще
с нашей тихой барышней. У-лю-лю.

Занавес

Приемная комната, отделенная от опочивальни короля аркой с бархатным занавесом. Приемная полна народу. Возле самого занавеса стоит камердинер, дергающий веревку колокола. Самый колокол висит в опочивальне. Рядом с камердинером портные спешно дошивают наряд короля. Рядом с портными — главный повар, он сбивает сливки для шоколада короля. Далее стоят чистильщики сапог, они чистят королевскую обувь. Колокол звонит. Стук в дверь.

Чистильщик сапог. Стучат в дверь королевской приемной, господин главный повар.

Повар. Стучат в дверь приемной, господа портные.

Портные. Стучат в дверь, господин камердинер.

Камердинер. Стучат? Скажите, чтобы вошли.

Стук все время усиливается.

Портные (повару). Пусть войдут.

Повар (чистильщикам). Можно.

Чистильщик. Войдите.

Входят Генрих и Христиан, переодетые ткачами. У них седые парики. Седые бороды. Генрих и Христиан оглядываются. Затем кланяются камердинеру.

Христиан и Генрих. Здравствуйте, господин звонарь.

Молчание. Генрих и Христиан переглядываются. Кланяются портным.

Здравствуйте, господа портные.

Молчание

Здравствуйте, господин повар.

Молчание.

Здравствуйте, господа чистильщики сапог.

Чистильщик. Здравствуйте, ткачи.

Христиан. Ответили. Вот чудеса! А скажите, что остальные господа — глухие или немые?

Чистильщик. Ни то и ни другое, ткачи. Но согласно придворному этикету вы должны были обратиться сначала ко мне. Я доложу о вас по восходящей линии, когда узнаю, что вам угодно. Ну-с? Что вам угодно?

Генрих. Мы самые удивительные ткачи в мире. Ваш король — величайший в мире щеголь и франт. Мы хотим услужить его величеству.

Чистильщик. Ага. Господин главный повар, удивительные ткачи желают служить нашему все милостивейшему государю.

Повар. Ага. Господа портные, там ткачи пришли.

Портные. Ага. Господин камердинер, ткачи.

Камердинер. Ага. Здравствуйте, ткачи.

Генрих и Христиан. Здравствуйте, господин камердинер.

Камердинер. Служить хотите? Ладно! Я доложу о вас прямо первому министру, а он королю. Для ткачей у нас сверхускоренный прием. Его величество женится. Ткачи ему очень нужны. Поэтому он вас примет в высшей степени скоро.

Генрих. Скоро! Мы потратили два часа, прежде чем добрались до вас. Ну и порядочки!

Камердинер и все остальные вздрагивают. Оглядываются.

Камердинер (тихо). Господа ткачи! Вы люди почтенные, старые. Уважая ваши седины, предупреждаю вас: ни слова о наших национальных, многовековых, освященных самим создателем традициях. Наше государство — высшее в этом мире! Если вы будете сомневаться в этом, вас, невзирая на ваш возраст... (Шепчет что-то Христиану на ухо.)

Христиан. Не может быть.

Камердинер. Факт. Чтобы от вас не родились дети с наклонностями к критике. Вы арийцы?

Генрих. Давно.

Камердинер. Это приятно слышать. Садитесь. Однако я уже час звоню, а король не просыпается.

Повар (дрожит). Сейчас я попробую в-в-вам п-п-по-мочь. (Убегает.)

Христиан. Скажите, господин камердинер, почему, несмотря на жару, господин главный повар дрожит как в лихорадке?

Камердинер. Господин главный повар короля почти никогда не отходит от печей и так привыкает к жару, что в прошлом году, например, он на солнце в июле отморозил себе нос.

Слышен страшный рев.

Что это такое?

Убегает главный повар, за ним поварята с корытом.
Из корыта несется рев.

Что это?

Повар (дрожа). Это белуга, господин камердинер. Мы поставим ее в-в оп-п-почивальню короля, белуга б-б-б-удет р-р-е-веть б-б-б-елугой и р-р-разбудит г-г-госу-даря.

Камердинер. Нельзя.

Повар. Но почему?

Камердинер. Нельзя. Белуга все-таки, извините... вроде... красная рыба. А вы знаете, как относится король к этому... Уберите ее!

Поварята с белугой убегают.

Так-то лучше, господин главный повар. Эй! Вызвать взвод солдат, пусть они стреляют под окнами опочивальни залпами. Авось поможет.

Христиан. Неужели его величество всегда так крепко спит?

Камердинер. Лет пять назад он просыпался очень скоро. Я кашляю --- и король летит с кровати.

Генрих. Ну!

Камердинер. Честное слово! Тогда у него было много забот. Он все время нападал на соседей и воевал.

Христиан. А теперь?

Камердинер. А теперь у него никаких забот нет. Соседи у него забрали все земли, которые можно забрать. И вот король спит и во сне видит, как бы им отомстить.

Слышен гром барабанов. Входит взвод солдат. Их ведет
сержант.

Сержант (командует). Сми-и-рно!

Солдаты замирают.

(Командует.) При входе в приемную короля преданно вздо-о-охни!

Солдаты разом вздыхают со стоном.

Представив себе его могущество, от благоговения трепе-е-щи!

Солдаты трепещут, широко расставив руки.

Эй ты, шляпа, как трепещешь? Трепещи аккуратно, по переднему! Пальцы! Пальцы! Так! Не вижу трепета в животе! Хорошо. Сми-и-рно! Слушай мою команду! Подумав о счастье быть королевским солдатом, от избытка чувств пля-а-ши!

Солдаты пляшут под барабан все, как один, не выходя из строя.

Смирно! Встать на цыпочки! На цыпочках — арш! Пра-авей! Еще чуть пра-а-а-авей! Равнение на портрет де-душки его величества. На нос. На нос дедушки. Прямо!

Скрываются.

Христиан. Неужели с такими вымуштрованными солдатами король терпел поражения?

Камердинер (разводит руками). Ведь вот по-ди ж ты!

Входит первый министр. Суевликий человек с большой седой бородой.

Первый министр. Здравствуйте, низшие служащие.

Все хором. Здравствуйте, господин первый министр.

Первый министр. Ну что? Все в порядке, камердинер? А? Говори правду. Правду режь.

Камердинер. Вполне, ваше превосходительство.

Первый министр. Однако король спит! А? Отвечай грубо. Откровенно.

Камердинер. Спит, ваше превосходительство.

За сценой залп.

Первый министр. Ага! Говори прямо: стреляют. Значит, его величество скоро встанут. Портные! Как у вас? Правду валяйте! В лоб!

Первый портной. Кладем последние стежки, господин министр.

Первый министр. Покажи. (Смотрит.) Рассчитывайте. Знаете наше требование? Последний стежок кладется перед самым одеванием его величества. Король каждый день надевает платье новое с иголки. Пройдет минута после последнего стежка — и он ваше платье, грубо говоря, не наденет. Известно вам это?

Первый портной. Так точно, известно.

Первый министр. Иголки золотые?

Первый портной. Так точно, золотые.

Первый министр. Подать ему платье прямо с золотой иголки. Прямо и откровенно! Повар! Сливки, грубо говоря, сбил? А? Говори без затей и без экивоков! Сбил сливки для королевского шоколада?

Повар. Д-да, ваше превосходительство.

Первый министр. Покажи. То-то. Однако... Камердинер! Кто это? Смело. Без затей. Говори.

Камердинер. Это ткачи пришли наниматься, ваше превосходительство.

Первый министр. Ткачи? Покажи. Ага! Здравствуйте, ткачи.

Генрих и Христиан. Здравия желаю, ваше превосходительство.

Первый министр. Королю, говоря без задних мыслей, попросту, нужны ткачи. Сегодня приезжает невеста. Эй! Повар! А завтрак для ее высочества? Готов? А?

Повар. Т-т-так точно, готов!

Первый министр. А какой? А? Покажи!

Повар. Эй! Принести пирожки, приготовленные для ее высочества!

Первый министр. Несут. А я пока взгляну, не открыл ли король, говоря без всяких там глупостей, глаза. *(Уходит в опочивальню.)*

Повар. Принцесса Генриетта ничего не ела целые три недели.

Генрих. Бедняжка! *(Быстро пишет что-то на клочке бумаги.)*

Повар. Но зато теперь она ест целыми днями.

Генрих. На здоровье.

Поварята вносят блюдо с пирожками.

Ах! Какие пирожки! Я бывал при многих дворах, но ни разу не видал ничего подобного! Какой аромат. Как поджарены. Какая мягкость!

Повар *(польщенный, улыбаясь)*. Да-да. Они такие мягкие, что на них остается ямка даже от пристального взгляда.

Генрих. Вы гений.

Повар. В-возьмите один.

Генрих. Не смею.

Повар. Нет, возьмите! В-вы знаток. Это такая редкость.

Генрих *(берет, делает вид, что откусывает. Быстро прячет в пирожок записку)*. Ах! Я потрясен! Мастеров, равных вам, нет в мире.

Повар. Но мастерство мое, увы, погибнет вместе со мной.

Генрих *(делая вид, что жует)*. Но почему?

Повар. Книга моя «Вот как нужно готовить, господа» погибла.

Генрих. Как! Когда?

Повар *(шепотом)*. Когда пришла мода сжигать книги на площадях. В первые три дня сожгли все действительно опасные книги. А мода не прошла. Тогда начали жечь остальные книги без разбора. Теперь книг вовсе нет. Жгут солому.

Генрих *(свистящим шепотом)*. Но ведь это ужасно! Да?

Повар (*оглядываясь, свистящим шепотом*). Только вам скажу. Да. Ужасно!

Во время этого короткого диалога Генрих успел положить пирожок с запиской обратно на самый верх.

Камердинер. Тише! Кажется, король чихнул.

Все прислушиваются.

Генрих (*Христиану, тихо*). Я положил записку в пирожок, Христиан.

Христиан. Ладно, Генрих. Не волнуйся.

Генрих. Я боюсь, что записка промаслится.

Христиан. Генрих, уймись! Напишем вторую.

Первый министр вылезает из-за занавеса.

Первый министр. Государь открыл один глаз. Готовьсь! Зови камергеров! Где фрейлины? Эй, трубачи!

Входят трубачи, камергеры, придворные. Быстро выстраиваются веером по обе стороны занавеса в опочивальню. Камердинер, не сводя глаз с первого министра, держит кисти занавеса.

Первый министр (*отчаянным шепотом*). Все готово? Правду говори.

Камердинер. Так точно!

Первый министр (*отчаянно*). Валяй, в мою голову!

Камердинер тянет за шнуры. Распахивается занавес. За ним ничего не видно, кроме целой горы скрывающихся за сводами арки перин.

Христиан. Где же король?

Повар. Он спит на ста сорока восьми перинах — до того он благороден. Его не видно. Он под самым потолком.

Первый министр (*заглядывая*). Тише. Готовьтесь! Он ворочается. Он почесал бровь. Морщится. Сел. Труби!

Трубачи трубят. Все кричат трижды: «Ура король! Ура король! Ура король!» Тишина. После паузы из-под потолка раздается капризный голос: «Ах! Ах! Ну что это? Ну зачем это? Зачем вы меня разбудили? Я выдел во сне нимфу. Свинство какое!»

Камердинер. Осмелюсь напомнить вашему величеству, что сегодня приезжает принцесса, невеста вашего величества.

Король (*сверху, капризно*). Ах, ну что это, издевательство какое-то. Где мой кинжал? Я сейчас тебя зарежу, нехороший ты человек, и все. Ну где он? Ну сколько раз я тебе говорил — клади кинжал прямо под подушку.

Камердинер. Но уже половина одиннадцатого, ваше величество.

Король. Что? И ты меня не разбудил! Вот тебе за это, осел!

Сверху летит кинжал. Вонзается у самых ног камердинера.
Пауза.

Ну! Чего же ты не орешь? Разве я тебя не ранил?

Камердинер. Никак нет, ваше величество.

Король. Но, может быть, я тебя убил?

Камердинер. Никак нет, ваше величество.

Король. И не убил? Свинство какое! Я несчастный! Я потерял всякую меткость. Ну что это, ну что такое в самом деле! Отойди! Видишь, я встаю!

Первый министр. Готовься! Государь во весь рост встал на постели! Он делает шаг вперед! Открывает зонт. Труби!

Трубят трубы. Из-под свода показывается король. Он опускается на открытом зонте, как на парашюте. Придворные кричат «ура». Король, достигнув пола, отбрасывает зонт, который сразу подхватывает камердинер. Король в роскошном халате и в короне, укрепленной на голове лентой. Лента пышным бантом завязана под подбородком. Королю лет пятьдесят. Он полный, здоровый. Он ни на кого не глядит, хотя приемная полна придворных. Он держится так, как будто он один в комнате.

Король (*камердинеру*). Ну что такое! Ну что это! Ну зачем ты молчишь? Видит, что государь не в духе, и ничего не может придумать. Подними кинжал. (*Некоторое время задумчиво разглядывает поданный камердинером кинжал, затем кладет его в карман халата.*) Лентяй! Ты не стоишь даже того, чтобы умереть от благородной руки. Я тебе дал вчера на чай золотой?

Камердинер. Так точно, ваше величество!

Король. Давай его обратно. Я тобой недоволен. *(Отбирает у камердинера деньги.)* Противно даже... *(Ходит взад и вперед, задевая застывших от благоговения придворных полами своего халата.)* Видел во сне милую, благородную нимфу, необычайно хорошей породы и чистой крови. Мы с ней сначала разбили соседей, а затем были счастливы. Просыпаюсь — передо мной этот отвратительный лакей! Как я сказал нимфе? Кудесница! Чаровница! Влюбленный в вас не может не любить вас! *(Убежденно.)* Хорошо сказал. *(Капризно.)* Ну что это такое? Ну что это? Ну? Зачем я проснулся? Эй, ты! Зачем?

Камердинер. Чтобы надеть новое с иголки платье, ваше величество.

Король. Чурбан! Не могу же я одеваться, когда я не в духе. Развесели меня сначала. Зови шута, шута скорей!

Камердинер. Шута его величества!

От неподвижно стоящих придворных отделяется шут. Это солидный человек в пенсне. Он, подпрыгивая, приближается к королю.

Король *(с официальной бодростью и лихостью. Громко)*. Здравствуй, шут!

Шут *(так же)*. Здравствуйте, ваше величество!

Король *(опускаясь в кресло)*. Развесели меня. Да поскорее. *(Капризно и жалобно.)* Мне пора одеваться, а я все гневаюсь да гневаюсь. Ну! Начинай!

Шут *(солидно)*. Вот, ваше величество, очень смешная история. Один купец...

Король *(придирчиво)*. Как фамилия?

Шут. Петерсен. Один купец, по фамилии Петерсен, вышел из лавки, да как споткнется — и ляп носом об мостовую!

Король. Ха-ха-ха!

Шут. А тут шел маляр с краской, споткнулся об купца и облил краской проходившую мимо старушку.

Король. Правда? Ха-ха-ха!

Шут. А старушка испугалась и наступила собаке на хвост.

Король. Ха-ха-ха! Фу ты, боже мой! Ах-ах-ах! *(Вытирая слезы.)* На хвост?

Шут. На хвост, ваше величество. А собака укусила толстяка.

Король. Ох-ох-ох! Ха-ха-ха! Ой, довольно!..

Шут. А толстяк...

Король. Довольно, довольно! Не могу больше, лопну. Ступай, я развеселился. Начнем одеваться. (*Развязывает бант под подбородком.*) Возьми мою ночную корону. Давай утреннюю. Так! Зови первого министра.

Камердинер. Его превосходительство господин первый министр к его величеству!

Первый министр подбегает к королю.

Король (*лихо*). Здравствуйте, первый министр!

Первый министр (*так же*). Здравствуйте, ваше величество!

Король. Что скажешь, старик?.. Ха-ха-ха! Ну и шут у меня! Старушку за хвост! Ха-ха-ха! Что мне нравится в нем — это чистый юмор. Безо всяких там намеков, шпилек... Купец толстяка укусил! Ха-ха-ха! Ну что нового, старик? А?

Первый министр. Ваше величество! Вы знаете, что я старик честный, старик прямой. Я прямо говорю правду в глаза, даже если она неприятна. Я ведь стоял тут все время, видел, как вы, откровенно говоря, просыпаетесь, слышал, как вы, грубо говоря, смеетесь, и так далее. Позвольте вам сказать прямо, ваше величество...

Король. Говори, говори. Ты знаешь, что я на тебя никогда не сержусь.

Первый министр. Позвольте мне сказать вам прямо, грубо, по-стариковски: вы великий человек, государь!

Король (*он очень доволен*). Ну-ну. Зачем, зачем.

Первый министр. Нет, ваше величество, нет. Мне себя не перебороть. Я еще раз повторю — простите мне мою разнузданность — вы великан! Светило!

Король. Ах какой ты! Ах, ах!

Первый министр. Вы, ваше величество, приказали, чтобы придворный ученый составил, извините, родословную принцессы. Чтобы он разведал о ее предках, грубо говоря, то да се. Простите меня, ваше величество, за прямоту — это была удивительная мысль

К о р о л ь. Ну вот еще! Ну чего там!

П е р в ы й м и н и с т р. Придворный ученый, говоря без разных там штучек и украшений, пришел. Звать? Ох, король! (*Грозит пальцем.*) Ох, умница!

К о р о л ь. Поди сюда, правдивый старик. (*Растроганно.*) Дай я тебя поцелую. И никогда не бойся говорить мне правду в глаза. Я не такой, как другие короли. Я люблю правду, даже когда она неприятна. Пришел придворный ученый? Ничего! Пожалуйста! Зови его сюда. Я буду одеваться и пить шоколад, а он пусть говорит. Командуй к одеванию с шоколадом, честный старик.

П е р в ы й м и н и с т р. Слушаю-с! (*Лихо.*) Лакеи!

Лакеи под звуки труб вносят ширму. Король скрывается за ней, так что видна только его голова.

П о р т н ы е!

Звуки труб еще торжественнее. П о р т н ы е, делая на ходу последние стежки, останавливаются у ширмы.

П о в а р!

П о в а р под звуки труб марширует к ширме. Передает чашку с шоколадом камердинеру. Пятится назад. Скрывается за спинами придворных.

У ч е н ы й!

Придворный ученый с огромной книгой в руках становится перед ширмой.

С м и р н о! (*Оглядывается.*)

Все замерли.

(*Командует.*) Приготовились. Начали!

Звуки труб заменяются легкой, ритмичной музыкой. Похоже, что играет музыкальный ящик. Замершие перед ширмой портные скрываются за нею. Камердинер поит с ложечки короля шоколадом.

К о р о л ь (*сделав несколько глотков, кричит лихо*).
Здравствуйте, придворный ученый!

У ч е н ы й. Здравствуйте, ваше величество.

К о р о л ь. Говорите! Впрочем, нет, постойте! Первый министр! Пусть придворные слушают тоже.

П е р в ы й м и н и с т р. Господа придворные! Его величество заметил, что вы здесь.

Придворные. Ура король! Ура король! Ура король!

Король. И девушки здесь! Фрейлины. Ку-ку! (Прячется за ширмой.)

Первая фрейлина (пожилая энергичная женщина, баском). Ку-ку, ваше величество.

Король (вылезает). Ха-ха-ха! (Лихо.) Здравствуйте, шалунья!

Первая фрейлина. Здравствуйте, ваше величество.

Король (игриво). Что вы видели во сне, резвунья?

Первая фрейлина. Вас, ваше величество.

Король. Меня? Молодец!

Первая фрейлина. Рада стараться, ваше величество.

Король. А вы, девушки, что видели во сне?

Остальные фрейлины. Вас, ваше величество.

Король. Молодцы!

Остальные фрейлины. Рады стараться, ваше величество.

Король. Прекрасно. Первая фрейлина! Милитаризация красоток вам удалась. Они очень залихватски отвечают сегодня. Изъявляю вам свое благоволение. В каком вы чине?

Первая фрейлина. Полковника, ваше величество.

Король. Произвожу вас в генералы.

Первая фрейлина. Покорно благодарю, ваше величество.

Король. Вы заслужили это. Вот уже тридцать лет, как вы у меня первая красавица. Каждую ночь вы меня, только меня видите во сне. Вы моя птичка, генерал!

Первая фрейлина. Рада стараться, ваше величество.

Король (разнеженно). Ах вы, конфетки. Не уходите далеко, мои милочки. А то профессор меня засушит. Ну, придворный ученый, валяйте!

Ученый. Ваше величество. Я с помощью адъюнкта Брокгауза и приват-доцента Ефрона составил совершенно точно родословную нашей высокородной гостьи.

Король (фрейлинам). Ку-ку! Хи-хи-хи.

Ученый. Сначала о ее гербе. Гербом, ваше величество, называется наследственно передаваемое символическое изображение, да, изображение, составленное на основании известных правил, да, правил.

Король. Я сам знаю, что такое герб, профессор.

Ученый. С незапамятных времен вошли в употребление символические знаки, да, знаки, которые вырезались на перстнях.

Король. Тю-тю!

Ученый. И рисовались на оружии, знаменах и прочем, да, и прочем.

Король. Цып-цып! Птички!

Ученый. Знаки эти явились результатом...

Король. Довольно о знаках, к делу... Ку-ку!..

Ученый. ...Да, результатом желанья выделить себя из массы, да, выделить. Придать себе резкое отличие, заметное иногда даже в разгаре битвы. Вот. Битвы.

Король выходит из-за ширмы. Одет блистательно.

Король. К делу, профессор!

Ученый. Гербы...

Король. К делу, говорят! Короче!

Ученый. Еще со времен крестовых походов...

Король (*замахивается на него кинжалом*). Убью как собаку. Говори короче!

Ученый. В таком случае, ваше величество, я начну блазонировать.

Король. А? Чего ты начнешь?

Ученый. Блазонировать!

Король. Я запрещаю! Это что еще за гадость! Что значит это слово?

Ученый. Но блазонировать, ваше величество, — это значит описывать герб!

Король. Так и говорите!

Ученый. Я блазонирую. Герб принцессы. В золотом, усеянном червлеными сердцами щите три коронованные лазоревые куропатки, обремененные леопардом.

Король. Как, как? Обремененные?

Ученый. Да, ваше величество... Вокруг кайма из цветов королевства.

Король. Ну ладно... Не нравится мне это. Ну да уж пусть! Говорите родословную, но короче.

Ученый. Слушаю, ваше величество! Когда Адам...

Король. Какой ужас! Принцесса еврейка?

Ученый. Что вы, ваше величество!

Король. Но ведь Адам был еврей?

Ученый. Это спорный вопрос, ваше величество. У меня есть сведения, что он был караим.

Король. Ну то-то! Мне главное, чтобы принцесса была чистой крови. Это сейчас очень модно, а я фронт. Я фронт, птички?

Фрейлины. Так точно, ваше величество.

Ученый. Да, ваше величество. Вы, ваше величество, всегда были на уровне самых современных идей. Да, самых.

Король. Не правда ли? Одни мои брюки чего стоят! Продолжайте, профессор.

Ученый. Адам...

Король. Оставим этот щекотливый вопрос и перейдем к более поздним воюемам.

Ученый. Фараон Исаметих...

Король. И его оставим. Очень некрасивое имя. Дальше...

Ученый. Тогда разрешите, ваше величество, перейти непосредственно к династии ее высочества! Основатель династии — Георг I, прозванный за свои подвиги Великим. Да, прозванный.

Король. Очень хорошо.

Ученый. Ему унаследовал сын Георг II, прозванный за свои подвиги Обыкновенным. Да, Обыкновенным.

Король. Я очень спешу. Вы просто перечисляйте предков. Я пойму, за что именно они получали свои прозвища. А иначе я вас зарежу.

Ученый. Слушаю. Далее идут: Вильгельм I Веселый, Генрих I Короткий, Георг III Распущенный, Георг IV Хорошенький, Генрих II Черт побори.

Король. За что его так прозвали?

Ученый. За его подвиги, ваше величество. Далее идет Филипп I Ненормальный, Георг V Потешный, Георг VI Отрицательный, Георг VII Босой, Георг VIII Малокровный, Георг IX Грубый, Георг X Тонконогий.

Георг XI Храбрый, Георг XII Антипатичный, Георг XIII Наглый, Георг XIV Интересный и наконец ныне царствующий отец принцессы Георг XV, прозванный за свои подвиги Бородатым. Да, прозванный.

Король. Очень богатая и разнообразная коллекция предков.

Ученый. Да, ваше величество. Принцесса имеет восемнадцать предков, не считая гербов материнской линии... Да, имеет.

Король. Вполне достаточно... Ступайте! (Смотрит на часы.) Ах, как поздно! Позовите скорее придворного поэта.

Первый министр. Поэт к государю. Бегом!

Придворный поэт подбегает к королю.

Король. Здравствуйте, придворный поэт.

Поэт. Здравствуйте, ваше величество.

Король. Приготовили приветственную речь?

Поэт. Да, ваше величество. Мое вдохновение...

Король. А стихи на проезд принцессы?

Поэт. Моя муза помогла мне изыскать пятьсот восемь пар великолепнейших рифм, ваше величество.

Король. Что же, вы одни рифмы будете читать? А стихи где?

Поэт. Ваше величество! Моя муза едва успела кончить стихи на вашу разлуку с правофланговой фрейлиной...

Король. Ваша муза вечно отстает от событий. Вы с ней только и умеете что просить то дачу, то домик, то корову. Черт знает что! Зачем, например, поэту корова? А как писать, так опоздал, не успел... Все вы такие!

Поэт. Зато моя преданность вашему величеству...

Король. Мне нужна не преданность, а стихи!

Поэт. Но зато речь готова, ваше величество.

Король. Речь... На это вы все мастера! Ну дайте хоть речь.

Поэт. Это даже не речь, а разговор. Ваше величество говорит, а принцесса отвечает. Копия ответов послана навстречу принцессе специальным нарочным. Разрешите огласить?

Король. Можете.

Поэт. Ваше величество говорит: «Принцесса! Я счастлив, что вы как солнце взошли на мой трон. Свет вашей красоты осветил все вокруг». На это принцесса отвечает: «Солнце — это вы, ваше величество. Блеск ваших подвигов затмил всех ваших соперников». Вы на это: «Я счастлив, что вы оценили меня по достоинству!» Принцесса на это: «Ваши достоинства — залог нашего будущего счастья!» Вы отвечаете: «Вы так хорошо меня поняли, что я могу сказать только одно: вы так же умны, как и прекрасны». Принцесса на это: «Я счастлива, что нравлюсь вашему величеству». Вы на это: «Я чувствую, что мы любим друг друга, принцесса, позвольте вас поцеловать».

Король. Очень хорошо!

Поэт. Принцесса: «Я полна смущения... но...» Тут гремят пушки, войска кричат «ура» — и вы целуете принцессу.

Король. Целую? Ха-ха! Это ничего! В губы?

Поэт. Так точно, ваше величество.

Король. Это остроумно. Ступайте. Ха-ха! Старик, это приятно! Да! Ну-ну! Эх! (*Лихо обнимает за талию старшую фрейлину.*) Кто еще ждет приема? А? Говори, откровенный старик.

Первый министр. Ваше величество, я не скрою, что приема ждут еще ткачи.

Король. А! Что же их не пускают? Скорее, гоните их бегом ко мне.

Первый министр. Ткачи, к королю — галопом! Генрих и Христиан лихо, вприпрыжку вылетают на середину сцены.

Король. Какие старые — значит, опытные. Какие бойкие — наверное, работающие. Здравствуйте, ткачи.

Генрих и Христиан. Здравия желаем, ваше величество!

Король. Что скажете? А? Ну! Чего вы молчите?

Христиан вздыхает со стоном.

Что ты говоришь?

Генрих вздыхает со стоном.

Как?

Христиан. Бедняга король! У-у!

Король. Чего вы меня пугаете, дураки? В чем дело? Почему я бедняга?

Христиан. Такой великий король — и так одет!

Король. Как я одет? А?

Генрих. Обыкновенно, ваше величество!

Христиан. Как все!

Генрих. Как соседние короли!

Христиан. Ох, ваше величество, ох!

Король. Ах, что это! Ну что они говорят? Да как же это можно! Отоприте шкаф! Дайте плащ номер четыре тысячи девятый от кружевного костюма. Смотрите, дураки. Чистый фая. По краям плетеный гипюр. Сверху шитые алансонские кружева. А понизу валансьен. Это к моему кружевному выходному костюму. А вы говорите — как все! Дайте сапоги! Смотрите, и сапоги обшиты кружевами брабантскими. Вы видели что-нибудь подобное?

Генрих. Видели!

Христиан. Сколько раз!

Король. Ну это черт знает что! Дайте тогда мой обеденный наряд. Да не тот, осел! Номер восемь тысяч четыреста девяносто восемь. Глядите, вы! Это что?

Генрих. Штаны.

Король. Из чего?

Христиан. Чего там спрашивать? Из гра-де-напья.

Король. Ах ты бессовестный! Что же, по-твоему, гра-де-напья — это пустяки? А камзол? Чистый гро-де-тур, и рукава — гро-грэн. А воротник — пу-де-суа. А плащ — тюркуаз, на нем рипсовые продольные полоски. Да ты восхищайся! Почему ты отворачиваешься?

Генрих. Видали мы это.

Король. А чулки дра-де-суа?

Христиан. И это видали.

Король. Да ты, дурак, пощупай!

Генрих. Да зачем... Я знаю.

Король. Знаешь? Давайте сюда панталоны для свадебного бала! Это что?

Христиан. Коверкот.

Король. Правильно, но какой? Где еще на свете есть подобный? А камзол шевиот с воротником бостон! А плащ? Трико. Видал, дурак?

Генрих. Это, ваше величество, действительно каждый дурак видал.

Христиан. А мы можем сделать такую ткань... Ого! Которую только умный и увидит. Мы вам сделаем небывалый свадебный наряд, ваше величество.

Король. Да! Так все говорят! А рекомендации есть?

Христиан. Мы работали год у турецкого султана, он был так доволен, что это не поддается описанию. Поэтому он нам ничего и не написал.

Король. Подумаешь, турецкий султан!

Генрих. Индийский Великий Могол лично благодарил.

Король. Подумаешь, индийский могол! Вы не знаете разве, что наша нация — высшая в мире? Все другие никуда не годятся, а мы молодцы. Не слыхали, что ли?

Христиан. Кроме того, наша ткань обладает одним небывалым чудесным свойством.

Король. Воображаю... Каким?

Христиан. А я уже говорил, ваше величество. Ее только умный и увидит. Ткань эта невидима тем людям, которые непригодны для своей должности или непроходимые дураки.

Король (*заинтересованный*). Ну-ка, ну-ка. Как это?

Христиан. Наша ткань невидима людям, которые непригодны для своей должности или глупы.

Король. Ха-ха-ха! Ох-ох-ох! Ой, уморили! Фу ты черт! Вот этот, значит, первый-то министр, если он непригоден для своей должности, так он этой ткани не увидит?

Христиан. Нет, ваше величество. Таково чудесное свойство этой ткани.

Король. Ах-ха-ха! (*Раскисает от смеха.*) Старик, слышишь? А, министр! Тебе говорю!

Первый министр. Ваше величество, я не верю в чудеса.

Король (*замахивается кинжалом*). Что? Не веришь в чудеса? Возле самого трона человек, который

не верит в чудеса? Да ты материалист! Да я тебя в подземелье! Нахал!

Первый министр. Ваше величество! Позвольте вам по-стариковски попенять. Вы меня не дослушали. Я хотел сказать: я не верю в чудеса, говорит безумец в сердце своем. Это безумец не верит, а мы только чудом и держимся!

Король. Ах, так! Ну, тогда ничего. Подождите, ткачи. Какая замечательная ткань! Значит, с нею я увижу, кто у меня не на месте?

Христиан. Так точно, ваше величество.

Король. И сразу пойму, кто глупый, а кто умный?

Христиан. В один миг, ваше величество.

Король. Шелк?

Христиан. Чистый, ваше величество.

Король. Подождите. После приема принцессы я с вами поговорю.

Трубят трубы.

Что там такое? А? Узнай, старик!

Первый министр. Это прибыл министр нежных чувств вашего величества.

Король. Ага, ага, ага! Ну-ка, ну-ка! Скорее, министр нежных чувств! Да ну же, скорее!

Входит министр нежных чувств.

Хорошие вести? По лицу вижу, что хорошие. Здравствуйте, министр нежных чувств.

Министр нежных чувств. Здравствуйте, ваше величество.

Король. Ну, ну, дорогой. Я слушаю, мой милый.

Министр. Ваше величество. Увы! В смысле нравственности принцесса совершенно безукоризненна.

Король. Хе-хе! Почему же «увы»?

Министр. Чистота крови — увы, ваше величество. Принцесса не почувствовала горошины под двадцатью четырьмя перинами. Более того, всю дорогу в дальнейшем она спала на одной перине.

Король. Чего же ты улыбаешься? Осел! Значит, свадьбе не бывать! А я так настроился! Ну что это! Ну какая гадость! Иди сюда, я тебя зарежу!

Министр. Но, ваше величество, я себя не считал вправе скрыть от вас эту неприятную правду.

Король. Сейчас я тебе покажу неприятную правду! (Гонится за ним с кинжалом.)

Министр (визжит). Ой! Ах! Я не буду больше! Пошадите! (Убегает из комнаты.)

Король. Вон! Все пошли вон! Расстроили! Обидели! Всех переколю! Заточу! Стерилизую! Вон!

Все, кроме первого министра, убегают из приемной.

(Подлетает к первому министру.) Гнать! Немедленно гнать принцессу! Может, она семитка? Может, она хамитка! Прочь! Вон!

Первый министр. Ваше величество! Выслушайте старика. Я прямо, грубо, как медведь. Погнать ее за то, что она, мол, не чистокровная,— обидится отец.

Король (топает ногой). И пусть!

Первый министр. Вспыхнет война.

Король. И чихать!

Первый министр. А лучше вы с принцессой по-видайтесь и заявите мягко, деликатно: мне, мол, фигура не нравится. Я грубо скажу, по-прямому: вы ведь, ваше величество, в этих делах знаток. Вам угодить трудно. Ну, мы принцессу потихонечку-полегонечку и спровадим. Вижу! Вижу! Ах, король, ах, умница! Он понял, что я прав! Он согласен!

Король. Я согласен, старик. Пойди приготовь все к приему, потом я ее спроважу. Принять ее во дворе!

Первый министр. Ох, король! Ох, гений! (Уходит.)

Король (капризно). Ну это, ну это ужасно! Опять расстроили. Шута! Шута скорей! Говори, шут. Весели меня. Весели!

Шут вбегает вприпрыжку.

Шут. Один купец...

Король (придирчиво). Как фамилия?

Шут. Людвигсен. Один купец шел через мостик — да ляп в воду.

Король. Ха-ха-ха!

Шут. А под мостом шла лодка. Он гребца каблучком по голове.

Король. Ха-ха-ха! По голове? Хо-хо-хо!

Шут. Гребец тоже — ляп в воду, а тут по берегу старушка шла. Он ее за платье — и туда же в воду.

Король. Ха-ха-ха! Уморил! Ох-ох-ох! Ха-ха-ха! Ха-ха-ха! *(Вытирает слезы, не сводя восторженного взгляда с шута.)* Ну?

Шут. А она...

Занавес

Королевский двор, вымощенный разноцветными плитами. У задней стены — трон. Справа — загородка для публики.

Министр нежных чувств *(входит прихрамывая. Кричит)*. Ох! Сюда, господин камергер! Ох!

Камергер. Чего вы стонете? Ранили вас? А! У-лю-лю!

Министр. А! Нет, не ранили! Убили! Сюда! Несите портшез с невестой сюда! Ох!

Камергер. Да что случилось? Уоу!

Министр. Увидите! *(Убегает.)*

Вносят портшез с принцессой. Гувернантка и камергер идут рядом с портшезом.

Камергер *(носильщикам)*. Ставьте портшез и бегите бегом. Не подходите к окошку, наглецы! Ату его!

Гувернантка *(камергеру)*. Скажит им: вынь руки фон карман. Не нос тереби. Стой прям!

Камергер. Ах, мне не до воспитатель. Того и гляди, что твоя-моя принцесса передадут записку гоголь-моголь! *(Носильщикам.)* Ну чего слушаете? Все равно ведь вы не понимаете иностранных языков. Вон!

Носильщики убегают.

(Гувернантке.) Ну прямо уна гора де плеч свалила себя айн, цвай, драй. Теперь сладим дизе принцессу королю с одной руки на другую. И — уна дуна рес.

Гувернантка (*весело*). Квинтер, баба, жес. И моя рада.

Камергер (*принцессе*). Ваше высочество. Приготовьтесь. Сейчас я пойду доложу о нашем прибытии королю. Ваше высочество! Вы спите?

Принцесса. Нет, я задумалась.

Камергер. Ох! Ну ладно! (*Гувернантке.*) Станьте себя коло той калитки, лоби-тоби. И смотрите вовсю. Я сметаю себя авек король.

Гувернантка. Унд! (*Становится у входа во двор.*)

Принцесса. Здесь все чужое, все выложено камнями, нет ни одной травки. Стены смотрят, как волки на ягненка. Я бы испугалась, но записка славного, кудрявого, доброго моего, ласкового, родного, хорошенького Генриха так меня обрадовала, что я даже улыбаюсь. (*Целует записку.*) Ах, как она славно пахнет орехами. Ах, как она красиво промаслилась. (*Читает.*) «Мы здесь. Я с белыми волосами и белой бородой. Ругай короля. Скажи ему, что он плохо одет. Генрих». Я ничего не понимаю. Ах, какой он умный! Но где он? Хотя бы на секундочку его увидеть.

Из-за стены пение. Тихо поют два мужских голоса:

Завоеем счастье с бою
И пойдем домой,
Ты да я да мы с тобою,
Друг мой дорогой.

Принцесса. Ах, это его голос! Значит, он сейчас выйдет. Так было в прошлый раз — спел и показался!

Выходит первый министр и застывает, как бы пораженный красотой принцессы.

Это он! С белыми волосами, с белой бородой.

Первый министр. Позвольте, ваше высочество, мне по-грубому, по-стариковски, по-отцовски сказать вам: я вне себя от вашей красоты.

Принцесса (*подбегает к нему*). Ну!

Первый министр (*недоумевая*). Да, ваше высочество.

Принцесса. Почему ты не говоришь: дерни меня за бороду?

Первый министр (*в ужасе*). За что, ваше высочество?

Принцесса (*хохочет*). Ах, ты! Теперь ты меня не обманешь! Я тебя сразу узнала!

Первый министр. Боже мой!

Принцесса. Теперь я научилась дергать как следует! (*Дергает его за бороду изо всей силы.*)

Первый министр (*визливо*). Ваше высочество!

Принцесса дергает его за волосы и срывает парик. Он лысый.

(*Визливо.*) Помогите!

Гувернантка бежит к нему.

Гувернантка. Что он с ней делает, чужой старик! Ля! Па-де-трау!

Первый министр. Но моя — первая министра его величества.

Гувернантка. Зачем, принцесса, вы его битте-дритте?

Принцесса. А пусть он валится ко всем чертям на рога!

Гувернантка. Выпейте капли, вас ис дас.

Принцесса. А я их к дьяволу разбила, сволочь.

Первый министр (*гладостно хохочет. В сторону*). Да она совершенно сумасшедшая! Это очень хорошо! Мы ее очень просто отправим обратно. Пойду доложу королю. А впрочем, нет, он не любит неприятных докладов. Пусть сам увидит. (*Принцессе.*) Ваше высочество, позвольте сказать вам прямо, по-стариковски: вы такая шалунья, что сердце радуется. Фрейлины в вас влюбятся, ей-богу. Можно, я их позову? Они вас обчистят с дороги, покажут то, другое, а мы тем временем приготовимся здесь к встрече. Девочки!

Строем входят фрейлины.

Позвольте, принцесса, представить вам фрейлин. Они вам очень рады.

Принцесса. И я очень рада. Мне здесь так одиноко, а почти все вы так же молоды, как я. Вы мне действительно рады?

Первая фрейлина. Примите рапорт, ваше высочество.

Принцесса. Что?

Первая фрейлина. Ваше высочество! За время моего дежурства никаких происшествий не случилось. Налицо четыре фрейлины. Одна в околотке. Одна в наряде. Две в истерике по случаю предстоящего бракосочетания. (*Козыряет.*)

Принцесса. Вы разве солдат, фрейлина?

Первая фрейлина. Никак нет, я генерал. Пройдите во дворец, принцесса. Девочки! Слушай мою команду! Ша-го-ом- арш!

Идут.

Принцесса. Это ужасно!

Скрываются в дверях.

Первый министр. Эй, вы там! Введите солдат. Я иду за толпой. (*Уходит.*)

Входят солдаты с офицером.

Офицер. Предчувствуя встречу с королем, от волнения ослабей!

Солдаты приседают.

Вприсядку — арш!

Солдаты идут вприсядку.

Ле-вей! Пра-вей! К сте-е-не! Смирно!

Входит толпа. Ее ведет за загородку первый министр.

Первый министр (*толпе*). Хоть я и знаю, что вы самые верноподданные, но напоминаю вам: во дворце его величества рот открывать можно только для того, чтобы крикнуть «ура» или исполнить гимн. Поняли?

Толпа. Поняли.

Первый министр. Плохо поняли. Вы уже в королевском дворце. Как же вы вместо «ура» говорите что-то другое? А?

Толпа (*сокрушенно*). Ура.

Первый министр. Ведь король! Поймите: король — и вдруг так близко от вас. Он мудрый, он особенный! Не такой, как другие люди. И это чудо природы — вдруг в двух шагах от вас. Удивительно! А?

Толпа (*благовейно*). Ура.

Первый министр. Стойте молча, пока король не появится. Пойте гимн и кричите «ура», пока король не скажет «вольно». После этого молчите. Только когда по знаку его превосходительства закричит королевская гвардия, кричите и вы. Поняли?

Толпа (*рассудительно*). Ура.

Приближающийся крик: «Король идет! Король идет! Король идет!» Входит король со свитой.

Офицер (*командует*). При виде короля от восторга в обморок — шлеп!

Солдаты падают.

Первый министр (*толпе*). Пой гимн!

Толпа. Вот так король, ну и король, фу-ты, ну-ты, что за король! Ура-а! Вот так король, ну и король, фу-ты, ну-ты, что за король! Ура-а!

Король. Вольно!

Толпа замолкает.

Офицер. В себя прийд-ди!

Солдаты поднимаются.

Король. Ну где же она? Ну что это! Какая тоска! Мне хочется поскорей позавтракать, а тут эта... полукровная. Где же она? Надо ее скорее спровадить.

Первый министр. Идет, ваше величество.

Выходит принцесса с фрейлинами.

Офицер (*командует*). При виде молодой красавицы принцессы жизнерадостно пры-гай!

Солдаты прыгают.

С момента появления принцессы король начинает вести себя загадочно. Его лицо выражает растерянность. Он говорит глухо, как бы загипнотизированный. Смотрит на принцессу, нагнув голову, как бык. Принцесса всходит на возвышение.

Офицер (командует). Успо-койсь!

Солдаты останавливаются.

Король (сомнамбулически. Горловым тенором).
Здравствуйте, принцесса.

Принцесса. Иди ты к чертовой бабушке.

Некоторое время король глядит на принцессу, как бы стараясь
вникнуть в смысл ее слов. Затем, странно улыбнувшись, разво-
рачивает приветствие и откашливается.

Офицер (командует). От внимания обалдей!

Король (тем же тоном). Принцесса. Я счастлив,
что вы как солнце вошли на мой трон. Свет вашей кра-
соты озарил все вокоуг.

Принцесса. Заткнись, дырявый мешок.

Король (так же). Я счастлив, принцесса, что вы
оценили меня по достоинству.

Принцесса. Осел.

Король (так же). Вы так хорошо меня поняли,
принцесса, что я могу сказать только одно: вы так умны,
как и прекрасны.

Принцесса. Дурак паршивый. Баран.

Король. Я чувствую, что мы любим друг друга,
принцесса, позвольте вас поцеловать. (*Делает шаг впе-
ред.*)

Принцесса. Пошел вон, сукин сын!

Пушечная пальба. Ликующее «ура». Принцесса сходит с возвы-
шения. Король странной походкой, не сгибая колен, идет на
авансцену. Его окружают фрейлины. Первый министр поддержи-
вает его за локоть.

Первая фрейлина. Ваше величество! Разрешите
ушипить дерзкую?

Первый министр. Ваше величество, я доктора
позову.

Король (с трудом). Нет, не доктора... Нет...
(Кричит.) Ткачей!

Первый министр. Они здесь, ваше величество.

Король (кричит). Немедленно сшить мне свадеб-
ный наряд!

Первая фрейлина. Но вы слышали, ваше величество, как она нарушала дисциплину?

Король. Нет, не слышал! Я только видел! Я влюбился! Она чудная! Женюсь! Сейчас же женюсь! Как вы смеете удивленно смотреть? Да мне плевать на ее происхождение! Я все законы переменяю — она хорошая! Нет! Запиши! Я жалую ей немедленно самое благородное происхождение, самое чистокровное! (Ревет.) Я женюсь, хотя бы весь свет был против меня!

Занавес

Коридор дворца. Дверь в комнату ткачей. Принцесса стоит, прижавшись к стене. Она очень грустна. За стеной гремит барабан.

Принцесса. Это очень тяжело — жить в чужой стране. Здесь все это... ну как его... мили... милитаризовано... Все под барабан. Деревья в саду выстроены взводными колоннами. Птицы летают побатальонно. И кроме того, эти ужасные, освященные веками традиции, от которых уже совершенно нельзя жить. За обедом подают котлеты, потом желе из апельсинов, потом суп. Так установлено с девятого века. Цветы в саду пудрят. Кошек бреют, оставляя только бакенбарды и кисточку на хвосте. И все это нельзя нарушить — иначе погибнет государство. Я была бы очень терпелива, если бы Генрих был со мной. Но Генрих пропал, пропал Генрих! Как мне его найти, когда фрейлины ходят следом за мной строем! Только и жизнь, когда их уводят на учение... Очень трудно было передеграть всех бородачей. Поймаешь бородача в коридоре, дернешь — но борода сидит, как пришитая, бородач визжит — никакой радости. Говорят, новые ткачи бородастые, а фрейлины как раз маршируют на площади, готовятся к свадебному параду. Ткачи работают здесь. Войти, дернуть? Ах, как страшно! А вдруг и здесь Генриха нет! Вдруг его поймали и по традиции восьмого века под барабан отрубили ему на площади голову! Нет, чувствую я, чувствую — придется мне этого короля зарезать, а это так противно!

Пойду к ткачам. Надену перчатки. У меня мозоли на пальцах от всех этих бород. *(Делает шаг к двери, но в коридор входят фрейлины строем.)*

Первая фрейлина. Разрешите доложить, ваше высочество?

Принцесса. Кру-у-гом!

Фрейлины поворачиваются.

Арш!

Фрейлины уходят. Скрываются. Принцесса делает шаг к двери. Фрейлины возвращаются.

Первая фрейлина. Подвенечный наряд...

Принцесса. Круго-ом — арш!

Фрейлины делают несколько шагов, возвращаются.

Первая фрейлина. Готов, ваше высочество.

Принцесса. Круго-о-ом — арш!

Фрейлины поворачиваются, идут. Им навстречу король и первый министр.

Первая фрейлина. Сми-ирно!

Король. А-а, душечки. Ах! Она. И совершенно такая же, как я ее видел во сне, только гораздо более сердитая. Принцесса! Душечка. Влюбленный в вас не может не любить вас.

Принцесса. Катитесь к дьяволу. *(Убегает, сопровождаемая фрейлинами.)*

Король *(хохочет)*. Совершенно изнервничалась. Я ее так понимаю. Я тоже совершенно изныл от нетерпения. Ничего. Завтра свадьба. Сейчас я увижу эту замечательную ткань. *(Идет к двери и останавливается.)*

Первый министр. Ваше величество, вы шли, как всегда, правильно. Сюда, сюда.

Король. Да погоди ты...

Первый министр. Ткачи-то, простите за грубость, именно здесь, и работают.

Король. Знаю, знаю. *(Выходит на авансцену.)*
Да... Ткань-то особенная... Конечно, мне нечего беспо-

коиться. Во-первых, я умен. Во-вторых, ни на какое другое место, кроме королевского, я совершенно не годен. Мне и на королевском месте вечно чего-то не хватает, я всегда сержусь, а на любом другом я был бы просто страшен. И все-таки... Лучше бы сначала к ткачам пошла кто-нибудь другой. Вот первый министр. Старик честный, умный, но все-таки глупей меня. Если он увидит ткань, то я и подавно. Министр! Подите сюда!

Первый министр. Я здесь, ваше величество.

Король. Я вспомнил, что мне еще надо сбегать в сокровищницу выбрать невесте бриллианты. Ступайте посмотрите эту ткань, а потом доложите мне.

Первый министр. Ваше величество, простите за грубость...

Король. Не прощу. Ступайте! Живо! *(Убегает.)*

Первый министр. Да-а. Все это ничего... Однако... *(Кричит.)* Министр нежных чувств!

Входит министр нежных чувств.

Министр нежных чувств. Здравствуйте.

Первый министр. Здравствуйте. Вот что — меня ждут в канцелярии. Ступайте к ткачам и доложите мне, что у них и как. *(В сторону.)* Если этот дурак увидит ткань, то я и подавно...

Министр. Но, господин первый министр, я должен пойти сейчас в казарму к фрейлинам короля и угрожать им не плакать на завтрашней свадьбе.

Первый министр. Успеете. Ступайте к ткачам. Живо! *(Убегает.)*

Министр. Да-а. Я, конечно... Однако... *(Кричит.)* Придворный поэт!

Входит придворный поэт.

Ступайте к ткачам и доложите, что у них и как. *(В сторону.)* Если этот дурак увидит ткань, то я и подавно.

Придворный поэт. Но я, ваше превосходительство, кончаю стихи на выезд принцессы из своего королевства в нашу родную страну.

Министр. Кому это теперь интересно? Принцесса уже две недели как приехала. Ступайте. Живо! *(Убегает.)*

Придворный поэт. Я, конечно, не дурак... Но... Э, была не была! В крайнем случае совру! Впервой ли мне! (*Стучит в дверь.*)

Занавес

Комната ткачей. Два больших ручных ткацких станка сдвинуты к стене. Две большие рамы стоят посреди комнаты. Рамы пустые. Большой стол. На столе — ножницы, подушечка с золотыми булавками, складной аршин.

Христиан. Генрих! Генрих, будь веселей! У нас тончайший шелк, который нам дали для тканья, вот он в мешке. Я сотку из него чудное платье для твоей невесты. А в этой сумке золото. Мы поедем домой на самых лучших конях. Веселей, Генрих!

Генрих. Я очень веселый. Я молчу потому, что думаю.

Христиан. О чем?

Генрих. Как я с Генриеттой вечером буду гулять у реки, что возле нашего дома.

Стук в дверь. Христиан хватается за ножницы, наклоняется над столом и делает вид, что режет. Генрих рисует мелком по столу.

Христиан. Войдите.

Входит придворный поэт.

Придворный поэт. Здравствуйте, придворные ткачи.

Христиан (*не оставляя работу*). Здравствуйте, придворный поэт.

Придворный поэт. Вот что, ткачи,— меня при-слали с очень важным поручением. Я должен посмотреть и описать вашу ткань.

Христиан. Пожалуйста, господин поэт. Генрих, как ты думаешь, цветы роз нам поставить кверху листьями или кверху лепестками.

Генрих (*прищуриваясь*). Да. Пожалуй, да. Пожалуй, лепестками. На лепестках шелк отликает красивее. Король дышит, а лепестки шевелятся, как живые.

Придворный поэт. Я жду, ткачи!

Христиан. Чего именно, господин поэт?

Придворный поэт. То есть как чего именно? Жду, чтобы вы мне показали ткань, сделанную вами для костюма короля.

Генрих и Христиан бросили работу. Они смотрят на придворного поэта с крайним изумлением.

(*Пугается.*) Ну нечего, нечего! Слышите вы? Зачем тарашите глаза? Если я в чем ошибся — укажите на мою ошибку, а сбивать меня с толку не к чему! У меня работа нервная! Меня надо беречь!

Христиан. Но мы крайне поражены, господин поэт!

Придворный поэт. Чем? Сейчас говорите, чем?

Христиан. Но ткани перед вами. Вот на этих двух рамах шелка натянуты для просушки. Вот они грудой лежат на столе. Какой цвет, какой рисунок!

Придворный поэт (*откашливается*). Конечно, лежат. Вон они лежат. Такая груда. (*Оправляется.*) Но я приказывал вам показать мне шелк. Показать с объяснениями: что пойдет на камзол, что на плащ, что на кафтан.

Христиан. Пожалуйста, господин поэт. На этой раме — шелк трех сортов. (*Поэт записывает в книжечку.*) Один, тот, что украшен розами, пойдет на камзол короля. Это будет очень красиво. Король дышит, а лепестки шевелятся, как живые. На этом среднем — знаки королевского герба. Это на плащ. На этом мелкие незабудки — на панталоны короля. Чисто белый шелк этой рамы пойдет на королевское белье и на чулки. Этот атлас — на обшивку королевских туфель. На столе — отрезы всех сортов.

Придворный поэт. А скажите, мне интересно, как вы на вашем простом языке называете цвет этого первого куса? С розами.

Христиан. На нашем простом языке фон этого куса называется зеленым. А на вашем?

Придворный поэт. Зеленым.

Генрих. Какой веселый цвет — правда, господин поэт?

Придворный поэт. Да. Ха-ха-ха! Очень веселый! Да. Спасибо, ткачи! Вы знаете — во всем дворце только и разговору, что о вашей изумительной ткани. Каждый так и дрожит от желания убедиться в глупости другого. Сейчас придет сюда министр нежных чувств. До свидания, ткачи.

Христиан и Генрих. До свидания, придворный поэт.

Поэт уходит.

Генрих. Ну, дело теперь идет на лад, Христиан.

Христиан. Теперь я заставлю прыгать министра нежных чувств, Генрих.

Генрих. Как прыгать, Христиан?

Христиан. Как мячик, Генрих.

Генрих. И ты думаешь, он послушается, Христиан?

Христиан. Я просто уверен в этом, Генрих.

Стук в дверь. Входит министр нежных чувств. В руках у него листки из записной книжки поэта. Самоуверенно идет к первой раме.

Министр нежных чувств. Какие дивные розы!

Христиан (*дико вскрикивает*). А!

Министр (*подпрыгнув*). В чем дело?

Христиан. Простите, господин министр, но разве вы не видите? (*Показывает ему под ноги.*)

Министр. Что я не вижу? Какого черта я тут должен увидеть?

Христиан. Вы стоите на шелке, из которого мы хотели кроить на полу камзол.

Министр. Ах, вижу, вижу! (*Шагает в сторону.*)

Генрих. Ах! Вы топчете королевский плащ!

Министр. Ах, проклятая рассеянность! (*Прыгает далеко вправо.*)

Христиан. А! Белье короля!

Министр прыгает далеко влево.

Генрих. А! Чулки короля!

Министр делает гигантский прыжок к двери.

Христиан. А! Башмаки короля!

Министр выпрыгивает в дверь. Просовывает голову в комнату.

Министр *(из двери)*. Ах, какая прекрасная работа! Мы, министры, по должности своей обязаны держать головы кверху. Поэтому то, что внизу, на полу, я с непривычки плохо вижу. Но то, что в раме, то, что на столе — розы, гербы, незабудки, — красота, красота! Продолжайте, господа ткачи, продолжайте. Сейчас к вам придет первый министр. *(Уходит, закрыв дверь.)*

Христиан. Кто был прав, Генрих?

Генрих. Ты был прав, Христиан.

Христиан. А первого министра я назову в глаза дураком, Генрих.

Генрих. Прямо в глаза, Христиан?

Христиан. Прямо в глаза, Генрих.

Первый министр открывает дверь, просовывает голову. Христиан, как бы не замечая его, идет за раму.

Первый министр. Эй, ткачи! Вы бы прибрали на полу. Такая дорогая ткань — и валяется в пыли. Ай, ай, ай! Сейчас король сюда идет!

Генрих. Слушаю, ваше превосходительство. *(Делает вид, что убирает и складывает ткань на столы.)*

Первый министр входит. Осторожно становится у дверей. Христиан, отойдя за раму, достает из кармана бутылку. Пьет.

Первый министр. Эй ты, наглец, как ты смеешь пить водку за работой?

Христиан. Что это за дурак там орет?

Первый министр. А! Да ты ослеп, что ли? Это я, первый министр!

Христиан. Простите, ваше превосходительство, я из-за тканей вас не вижу, а голоса не узнал. А как вы меня увидели — вот что непонятно!

Первый министр. А я... по запаху. Не люблю эту водку проклятую. Я ее за версту чую.

Христиан выходит из-за рамы.

Х р и с т и а н. Да разве это водка,— это вода, ваше превосходительство.

Первый министр. Что ты суешь в нос мне свою скверную фляжку! Стань на место! Сейчас король придет! (Уходит.)

Из-за кулис слышно пение: король идет и весело поет.

К о р о л ь (за кулисами). Сейчас приду и погляжу, сейчас приду и погляжу, тру-ля-ля. Тру-ля-ля!

Весело входит в комнату. За ним придворные.

Тру-ля-ля, тру-ля-ля! (Упавшим голосом.) Тру-ля-ля!

Пауза.

(С неопределенной улыбкой делает чрезвычайно широкий жест рукой.) Ну! Ну, как? А?

Придворные. Замечательно, чудно, какая ткань!

Министр. Ткань роскошна и благородна, ваше величество!

Придворные. Вот именно! Как похоже! Роскошна и благородна!

К о р о л ь (первому министру). А ты что скажешь, честный старик? А?

Король подавлен, но бодрится. Говорит с первым министром, а глядит на стол и рамы, видимо надеясь наконец увидеть чудесную ткань. На лице все та же застывшая улыбка.

Первый министр. Ваше величество, на этот раз я скажу вам такую чистую правду, какой свет не видал. Может, вы удивитесь, ваше величество, может, я поражу вас, но я скажу!

К о р о л ь. Так-так.

Первый министр. Вы простите меня, но подчас хочется быть действительно прямым. Никакой ткани, ваше величество, вы нигде не найдете, подобной этой. Это и пышно, и красочно.

Придворные. Ах как верно! Пышно и красочно. Очень точно сказано.

К о р о л ь. Да, молодцы ткачи. Я вижу, у вас того... все уже довольно готово?..

Х р и с т и а н. Да, ваше величество. Надеюсь, ваше величество не осудит нас за цвет этих роз?

Король. Нет, не осужу. Да, не осужу.

Христиан. Мы решили, что красные розы в достаточном количестве каждый видит на кустах.

Король. На кустах видит. Да. Прекрасно, прекрасно.

Христиан. Поэтому на шелку мы их сделали сире... (кашляет) сире... (кашляет.)

Придворные. Сиреневыми, как остроумно! Как оригинально — сиреневыми! Роскошно и благородно.

Христиан. Серебряными, господа придворные.

Пауза.

Министр. Bravo, bravo! (Аплодирует, придворные присоединяются.)

Король. Я только что хотел поблагодарить вас за то, что серебряными, это мой любимый цвет. Буквально только что. Выражаю вам мою королевскую благодарность.

Христиан. А как вы находите, ваше величество, фасон этого камзола — не слишком смел?

Король. Да, не слишком. Нет. Довольно разговаривать, давайте примерять. Мне еще надо сделать очень много дел.

Христиан. Я попрошу господина министра нежных чувств поддержать камзол короля.

Министр. Я не знаю, достоин ли я?

Король. Достоин. Да. Ну-с. (Бодрится.) Давайте ему этот красивый камзол... Разденьте меня, первый министр. (Раздевается.)

Христиан. Ах!

Министр (подпрыгивает, глядя под ноги). Что такое?

Христиан. Как вы держите камзол, господин министр?

Министр. Как святыню... Что?

Христиан. Но вы держите его вверх ногами.

Министр. Залюбовался на рисунок. (Вертит в руках несуществующий камзол.)

Христиан. Не будет ли так добр господин первый министр поддержать панталоны короля?

Первый министр. Я, дружок, из канцелярии, у меня руки в чернилах. *(Одному из придворных.)* Возьмите, барон!

Первый придворный. Я забыл очки, ваше превосходительство. Вот маркиз...

Второй придворный. Я слишком взволнован, у меня дрожат руки. Вот граф...

Третий придворный. У нас в семье плохая примета держать в руках королевские панталоны...

Король. В чем там дело? Одевайте меня скорее. Я спешу.

Христиан. Слушаю, ваше величество. Генрих, сюда. Ножку, ваше величество. Левой! Правей! Я боюсь, что господа придворные одели бы вас более ловко. Мы смущаемся перед таким великим королем. Вот, панталоны надеты. Господин министр нежных чувств, камзол. Простите, но вы держите его спиной. Ах! Вы его уронили! Позвольте, тогда мы сами. Генрих, плащ. Всё. Прелесть этой ткани — ее легкость. Она совершенно не чувствуется на плечах. Белье будет готово к утру.

Король. В плечах жмет. *(Поворачивается перед зеркалом.)* Плащ длинноват. Но, в общем, костюм мне идет.

Первый министр. Ваше величество, простите за грубость. Вы вообще красавец, а в этом костюме — вдвойне.

Король. Да? Ну, снимайте.

Ткачи раздевают короля и одевают в его костюм.

Спасибо, ткачи. Молодцы. *(Идет к двери.)*

Придворные. Молодцы, ткачи! Bravo! Роскошно и благородно! Пышно и красочно! *(Хлопают ткачей по плечу.)* Ну, теперь мы вас не отпустим. Вы всех нас оденете!

Король *(останавливается в дверях)*. Просите чего хотите. Я доволен.

Христиан. Разрешите нам сопровождать вас, ваше величество, в свадебном шествии. Это будет нам лучшая награда.

Король. Разрешаю. *(Уходит с придворными.)*

Генрих и Христиан (поют).

Мы сильнее всех придворных,
Мы смелей проныр проворных.
Вы боитесь за места —
Значит, совесть нечиста.
Мы не боимся ничего.

Мы недаром долго ткали,
Наши ткани крепче стали,
Крепче стали поразят
И свиней, и поросят.
Мы не боимся ничего.

Если мы врага повалим,
Мы себя потом похвалим.
Если враг не по плечу,
Попадем мы к палачу.
Мы не боимся ничего.

Занавес опускается на несколько секунд. Подымается. Та же комната утром. За окнами слышен шум толпы. Короля одевают за ширмами. Первый министр стоит на авансцене.

Первый министр. Зачем я в первые министры пошел? Зачем? Мало ли других должностей? Я чувствую — худо кончится сегодняшнее дело. Дураки увидят короля голым. Это ужасно! Это ужасно! Вся наша национальная система, все традиции держатся на непоколебимых дураках. Что будет, если они дрогнут при виде нагого государя? Поколеблются устои, затрещат стены, дым пойдет над государством! Нет, нельзя выпустить короля голым. Пышность — великая опора трона! Был у меня друг, гвардейский полковник. Вышел он в отставку, явился ко мне без мундира. И вдруг я вижу, что он не полковник, а дурак! Ужас! С блеском мундира исчез престиж, исчезло очарование. Нет! Пойду и прямо скажу государю: нельзя выходить! Нет! Нельзя!

Король. Честный старик!

Первый министр (бежит). Грубо говоря, вот я.

Король. Идет мне это белье?

Первый министр. Говоря в лоб, это красота.

Король. Спасибо. Ступай!

Первый министр (снова на авансцене). Нет! Не могу! Ничего не могу сказать, язык не поворачивается! Отвык за тридцать лет службы. Или сказать? Или не сказать? Что будет! Что будет!

Занавес

Площадь. На переднем плане — возвышение, крытое коврами. От возвышения по обе стороны — усталые коврами дороги. Левая дорога ведет к воротам королевского замка. Правая скрывается за кулисами. Загородка, украшенная роскошными тканями, отделяет от дороги и возвышения толпу. Толпа поет, шумит, свистит. Когда шум затихает, слышны отдельные разговоры.

Первая дама. Ах, меня так волнует новое платье короля! У меня от волнения вчера два раза был разрыв сердца!

Вторая дама. А я так волновалась, что мой муж упал в обморок.

Нищий. Помогите! Караул!

Голоса. Что такое? Что случилось?

Нищий. У меня украли кошелек!

Голос. Но там, наверное, были гроши?

Нищий. Гроши! Наглец! У самого искусного, старого, опытного нищего — гроши! Там было десять тысяч галеров! Ах! Вот он, кошелек, за подкладкой! Слава богу! Подайте, Христа ради.

Бритый господин. А вдруг король-отец опоздает?

Господин с бородой. Неужели вы не слышали пушек? Король-отец уже приехал. Он и принцесса-невеста придут на площадь из гавани. Король-отец ехал морем. Его в карете укачивает.

Бритый господин. А в море нет?

Господин с бородой. В море не так обидно.

Пекарь с женой. Позвольте, господа, позвольте! Вам поглазеть, а мы по делу!

Голоса. У всех одинаковые дела!

Пекарь. Нет, не у всех! Пятнадцать лет мы спорим с женой. Она говорит, что я дурак, а я говорю, что

она. Сегодня наконец наш спор разрешит королевское платье. Пропустите!

Голоса. Не пропустим! Мы все с женами, мы все спорим, мы все по делу!

Человек с ребенком на плечах. Дорогу ребенку! Дорогу ребенку! Ему шесть лет, а он умеет читать, писать и знает таблицу умножения. За это я обещал ему показать короля. Мальчик, сколько семь восемь?

Мальчик. Пятьдесят шесть.

Человек. Слышите? Дорогу ребенку, дорогу моему умному сыну! А сколько будет шестью восемь?

Мальчик. Сорок восемь.

Человек. Слышите, господа? А ему всего шесть лет. Дорогу умному мальчику, дорогу моему сыну!

Рассеянный человек. Я забыл дома очки, и теперь мне не увидеть короля. Проклятая близорукость!

Карманник. Я могу вас очень легко вылечить от близорукости.

Рассеянный. Ну! Каким образом?

Карманник. Массажем. И сейчас же, здесь.

Рассеянный. Ах, пожалуйста. Мне жена велела посмотреть и все ей подробно описать, а я вот забыл очки.

Карманник. Откройте рот, закройте глаза и громко считайте до двадцати.

Рассеянный считает вслух, не закрывая рта. Карманник крадет у него часы, кошелек, бумажник и скрывается в толпе.

Рассеянный (кончив счет). Где же он? Он убежал! А я стал видеть еще хуже. Я не вижу моих часов, моего бумажника, моего кошелька!

Человек. Дорогу моему мальчику! Дорогу моему умному сыну! Сколько будет шестью шесть?

Мальчик. Тридцать шесть.

Человек. Вы слышите? Дорогу моему сыну! Дорогу гениальному ребенку!

Слышен бой барабанов. В толпе движение. Лезут на столбы, встают на тумбы, на плечи друг другу.

Г о л о с а. Идет! Идет!

— Вон он!

— Красивый!

— И одет красиво!

— Вы раздавили мне часы!

— Вы сели мне на шею!

— Можете в собственных экипажах ездить, если вам тут тесно!

— А еще в шлеме!

— А еще в очках!

Показываются войска.

Г е н е р а л (*командует*). Толпу, ожидающую короля, от ограды оттесни!

С о л д а т ы (*хором*). Пошли вон. Пошли вон. Пошли вон. Пошли вон. (*Оттесняют толпу.*)

Г е н е р а л. К толпе спи-и-иной!

Солдаты поворачиваются спиной к толпе, лицом к возвышению. Гремят трубы. Герольды шагают по дороге.

Г е р о л ь д ы. Шапки долой, шапки долой, шапки долой перед его величеством!

Уходят во дворец. Из-за кулис справа выходит пышно одетый король-отец с принцессой в подвенечном наряде. Они поднимаются на возвышение. Толпа затихает.

П р и н ц е с с а. Отец, ну хоть раз в жизни поверь мне. Я тебе даю честное слово: жених — идиот!

К о р о л ь - о т е ц. Король не может быть идиотом, дочка. Король всегда мудр.

П р и н ц е с с а. Но он толстый!

К о р о л ь - о т е ц. Дочка, король не может быть толстым. Это называется «величавый».

П р и н ц е с с а. Он глухой, по-моему! Я ругаюсь, а он не слышит и ржет.

К о р о л ь - о т е ц. Король не может ржать. Это он милостиво улыбается. Что ты ко мне пристаешь? Что ты смотришь жалобными глазами? Я ничего не могу сделать! Отвернись! Вот я тебе котелок привез. Ведь не целый же день будет с тобою король. Ты послушаешь музыку, колокольчики. Когда никого не будет близко,

можешь даже послушать песню. Нельзя же принцессе
быть замуж за свинопаса! Нельзя!

Принцесса. Он не свинопас, а Генрих!

Король-отец. Все равно! Не будь дурочкой, не
подрывай уважения к королевской власти. Иначе сосед-
ние короли будут над тобой милостиво улыбаться.

Принцесса. Ты тиран!

Король-отец. Ничего подобного. Вон — смотри.
Бежит министр нежных чувств. Развеселись, дочка.
Смотри, какой он смешной!

Министр нежных чувств. Ваше величество
и ваше высочество! Мой государь сейчас выйдет. Они
изволят гоняться с кинжалом за вторым камергером,
который усмехнулся, увидя новое платье нашего всеми-
лостивейшего повелителя. Как только наглец будет на-
казан — государь придет.

Трубят трубы.

Камергер наказан!

Выходят герольды.

Герольды. Шапки долой, шапки долой, шапки
долой перед его величеством!

Из дворца выходят трубачи, за ними строем фрейлины,
за фрейлинами придворные в расшитых мундирах. За ними
первый министр.

Первый министр. Король идет! Король идет!
Король идет!

Оглядывается. Короля нет.

Отставить! *(Бежит во дворец. Возвращается. Королю-
отцу.)* Сейчас! Государь задержался, грубо говоря,
у зеркала. *(Кричит.)* Король идет, король идет, король
идет!

Оглядывается. Короля нет. Бежит во дворец. Возвращается.

(Королю-отцу.) Несут, несут! *(Громко.)* Король идет!
Король идет! Король идет!

Выносят портшез с королем. Король, милостиво улыбаясь,
смотрит из окна. Портшез останавливается. Толпа кричит «ура».
Солдаты падают ниц. Дверца портшеза открывается. Оттуда вы-
скакивает король. Он совершенно гол. Приветственные крики
разом обрываются.

Принцесса. Ах! *(Отворачивается.)*

Генерал. В себя прий-ди!

Солдаты встают, взглядывают на короля и снова валяются ниц в ужасе.

В себя прий-ди!

Солдаты с трудом выпрямляются.

Отвер-нись!

Солдаты отворачиваются. Толпа молчит. Король медленно, самодовольно улыбаясь, не сводя глаз с принцессы, двигается к возвышению. Подходит к принцессе.

Король *(галантно)*. Даже самая пышная одежда не может скрыть пламени, пылающего в моем сердце.

Принцесса. Папа. Теперь-то ты видишь, что он идиот?

Король. Здравствуйте, кузен!

Король-отец. Здравствуйте, кузен. *(Шепотом.)* Что вы делаете, кузен? Зачем вы появляетесь перед подданными в таком виде?

Король *(шепотом)*. Что? Значит, и вы тоже? Ха-ха-ха!

Король-отец. Что я тоже?

Король. Либо не на месте, либо дурак! Тот, кто не видит эту ткань, либо не на месте, либо дурак!

Король-отец. Дурак тот, кто видит эту ткань, бессовестный!

Король. Это кто же бессовестный?

Король-отец. Тише говорите! А то чернь услышит нас. Говорите тише и улыбайтесь. Вы бессовестный!

Король *(принужденно улыбаясь. Тихо)*. Я?

Король-отец. Да!

Король *(некоторое время молчит, полный негодования. Потом упавшим голосом спрашивает.)* Почему?

Король-отец *(шипит злобно, не переставая улыбаться)*. Потому что вылез на площадь, полную народа, без штанов!

Король *(хлопает себя по ноге)*. А это что?

Король-отец. Нога!

Король. Нога?

Король-отец. Да!

Король. Нет.

Король-отец. Голая нога!

Король. Зачем же врать-то? Даю честное королевское слово, что я одет как картинка!

Король-отец. Голый, голый, голый!

Король. Ну что это, ну какая гадость! Ну зачем это! Придворные! Я одет?

Придворные. Пышно и красочно! Роскошно и благородно!

Король. Съел? Первый министр! Я одет?

Первый министр (обычным тоном). Простите за грубость, ваше величество. (Свирепо.) Ты голый, старый дурак! Понимаешь? Голый, голый, голый!

Король издает странный вопль, похожий на икание. Вопль этот полон крайнего изумления.

Ты посмотри на народ! На народ посмотри! Они задумались. Задумались, несчастный шут! Традиции трещат! Дым идет над государством!

Король издает тот же вопль.

Молчи, скважина! Генерал! Сюда!

Генерал рысью бежит на возвышение.

Войска надежны? Они защитят короля в случае чего? Слышите, как народ безмолвствует?

Генерал. Погода подвела, господин первый министр!

Король. А?

Генерал. Погода, ваше величество. С утра хмурилась, и многие из толпы на всякий случай взяли зонтики...

Король. Зонтики?

Генерал. Да, ваше величество. Они вооружены зонтиками. Будь толпа безоружна, а тут зонтики.

Король. Зонтики?

Генерал. Если пошло начистоту — не ручаюсь и за солдат. Отступят! (Шепотом.) Они у меня разложные!

Король издает тот же вопль, похожий на икание.

Я сам удивляюсь, ваше величество. Книг нет, листовок нет, агитаторов нет, дисциплина роскошная, а они у меня с каждым днем все больше разлагаются. Пробовал командовать — разлагаться прекра-ати! Не берет!

Министр нежных чувств. Ну я не знаю, ну так нельзя, я сам тоже недоволен, я пойду туда, к народу!

Первый министр. Молчать!

Министр нежных чувств. Надо создать Временный комитет безопасности придворных.

Первый министр. Молчать! Нельзя терять времени! Надо толпу ошеломить наглостью. Надо как ни в чем не бывало продолжать брачную церемонию!

Принцесса. Я...

Первый министр (с поклоном). Молчать!

Король-отец. Он прав! Давай, давай!

Министр нежных чувств. У меня фрейлины милитаризованные. Они защитят наш комитет.

Первый министр. Ерунда твои фрейлины! Бери принцессу за руку, король. (Машет герольдам.)

Герольды. Тишина! Тишина! Тишина!

Пауза.

Мальчик. Папа, а ведь он голый!

Молчание и взрыв криков.

Министр нежных чувств (бежит во дворец и кричит на ходу). У меня мать кузнец, отец прачка! Долой самодержавие!

Мальчик. И голый, и толстый!

Крики. Слышите, что говорит ребенок? Он не может быть не на своем месте!

— Он не служащий!

— Он умный, он знает таблицу умножения!

— Король голый!

— На животе бородавка, а налоги берет!

— Живот арбузом, а говорит — повинуйся!

— Прыщик! Вон прыщик у него!

— А туда же, стерилизует!

Король. Молчать! Я нарочно. Да. Я все нарочно. Я повелеваю: отныне все должны венчаться голыми. Вот!

Свист.

Дураки паршивые!

Свист. Король мчится во дворец. Первый министр, а за ним все придворные мчатся следом. На возвышении король-отец и принцесса.

Король-отец. Бежим! Смотри, какие глаза у этих людей за загородкой! Они видели короля голым. Они и меня раздевают глазами! Они сейчас бросятся на меня!

Генрих и Христиан (*прыгают на возвышение, кричат*). У-у-у!

Король-отец. Ах, началось! (*Подобрав мантию, бежит по дороге направо.*)

Принцесса. Генрих!

Генрих. Генриетта!

Христиан (*толпе*). Дорогие мои! Вы пришли на праздник, а жених сбежал. Но праздник все-таки состоялся! Разве не праздник? Молодая девушка встретила наконец милого своего Генриха! Хотели ее отдать за старика, но сила любви разбила все препятствия. Мы приветствуем ваш справедливый гнев против этих мрачных стен. Приветствуйте и вы нас, приветствуйте любовь, дружбу, смех, радость!

Принцесса.

Генрих, славный и кудрявый,
Генрих, милый, дорогой,
Левой — правой, левой — правой
Отведет меня домой.

Толпа.

Пусть ликует вся земля,
Мы прогнали короля!
Пусть ликует вся земля,
Мы прогнали короля!

(*Пляшут.*)

Г е н р и х.

У кого рассудок здравый,
Тот примчится, молодец,
Левой — правой, левой — правой
Прямо к счастью наконец!

В с е.

Пусть ликует вся земля,
Мы прогнали короля!
Пусть ликует вся земля,
Мы прогнали короля!

З а н а в е с

1934

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ученый.
Его тень.
Пьетро — хозяин гостиницы.
Аннунциата — его дочь.
Юлия Джули — певица.
Принцесса.
Первый министр.
Министр финансов.
Цезарь Борджиа — журналист.
Тайный советник.
Доктор.
Палач.
Мажордом.
Капрал.
Придворные дамы.
Придворные.
Курортники.
Сестра развлечения.
Сестра милосердия.
Королевские герольды.
Лакеи министра финансов.
Стража.
Горожане.

...И ученый рассердился не столько потому, что тень ушла от него, сколько потому, что вспомнил известную историю о человеке без тени, которую знали все и каждый на его родине. Вернись он теперь домой и расскажи свою историю, все сказали бы, что он пустился подражать другим...

Г.-Х. Андерсен. «Тень».

...Чужой сюжет как бы вошел в мою плоть и кровь, я пересоздал его и тогда только выпустил в свет.

Г.-Х. Андерсен. «Сказка моей жизни», глава VIII.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Небольшая комната в гостинице, в южной стране. Две двери: одна в коридор, другая на балкон. Сумерки. На диване полулежит ученый, молодой человек двадцати шести лет. Он шарит рукой по столу — ищет очки.

Ученый. Когда теряешь очки, это, конечно, неприятно. Но вместе с тем и прекрасно — в сумерках вся моя комната представляется не такою, как обычно. Этот плед, брошенный в кресло, кажется мне сейчас очень милою и доброю принцессою. Я влюблен в нее, и она пришла ко мне в гости. Она не одна, конечно. Принцессе не полагается ходить без свиты. Эти узкие, длин-

ные часы в деревянном футляре — вовсе не часы. Это вечный спутник принцессы, тайный советник. Его сердце стучит ровно, как маятник, его советы меняются в соответствии с требованиями времени, и дает он их шепотом. Ведь недаром он тайный. И если советы тайного советника оказываются губительными, он от них на чисто отрекается впоследствии. Он утверждает, что его просто не расслышали, и это очень практично с его стороны. А это кто? Кто этот незнакомец, худой и стройный, весь в черном, с белым лицом? Почему мне вдруг пришло в голову, что это жених принцессы? Ведь влюблен в принцессу я! Я так влюблен в нее, что это будет просто чудовищно, если она выйдет за другого. (Смеется.) Прелесть всех этих выдумок в том, что едва я надену очки, как все вернется на свое место. Плед станет пледом, часы часами, а этот зловещий незнакомец исчезнет. (Шарит руками по столу.) Ну, вот и очки. (Надевает очки и вскрикивает.) Что это?

В кресле сидит очень красивая, роскошно одетая девушка в маске. За ее спиной — лысый старик в сюртуке со звездой. А к стене прижался длинный, тощий, бледный человек в черном фраке и ослепительном белье. На руке его бриллиантовый перстень.

(Бормочет, зажигая свечу.) Что за чудеса? Я скромный ученый — откуда у меня такие важные гости? .. Здравствуйте, господа! Я очень рад вам, господа, но... не объясните ли вы мне, чем я обязан такой чести? Вы молчите? Ах, все понятно. Я задремал. Я вижу сон.

Девушка в маске. Нет, это не сон.

Ученый. Вот как! Но что же это тогда?

Девушка в маске. Это такая сказка. До свидания, господин ученый! Мы еще увидимся с вами.

Человек во фраке. До свидания, ученый! Мы еще встретимся.

Старик со звездой (шепотом). До свидания, уважаемый ученый! Мы еще встретимся, и все, может быть, кончится вполне благоприлично, если вы будете благоразумны.

Стук в дверь, все трое исчезают.

Ученый. Вот так история!

Стук повторяется.

Войдите!

В комнату входит Аннунциата, черноволосая девушка с большими черными глазами. Лицо ее в высшей степени энергично, а манеры и голос мягки и нерешительны. Она очень красива. Ей лет семнадцать.

Аннунциата. Простите, сударь, у вас гости...
Ах!

Ученый. Что с вами, Аннунциата?

Аннунциата. Но я слышала явственно голоса в вашей комнате!

Ученый. Я уснул и разговаривал во сне.

Аннунциата. Но... простите меня... я слышала женский голос.

Ученый. Я видел во сне принцессу.

Аннунциата. И какой-то старик бормотал что-то вполголоса.

Ученый. Я видел во сне тайного советника.

Аннунциата. И какой-то мужчина, как мне показалось, кричал на вас.

Ученый. Это был жених принцессы. Ну? Теперь вы видите, что это сон? Разве наяву ко мне явились бы такие неприятные гости?

Аннунциата. Вы шутите?

Ученый. Да.

Аннунциата. Спасибо вам за это. Вы всегда так ласковы со мною. Наверное, я слышала голоса в комнате рядом и все перепутала. Но... вы не рассердитесь на меня? Можно сказать вам кое-что?

Ученый. Конечно, Аннунциата.

Аннунциата. Мне давно хочется предупредить вас. Не сердитесь... Вы ученый, а я простая девушка. Но только... я могу рассказать вам кое-что известное мне, но неизвестное вам. *(Делает книксен.)* Простите мне мою дерзость.

Ученый. Пожалуйста! Говорите! Учите меня! Я ведь ученый, а ученые учатся всю жизнь.

Аннунциата. Вы шутите?

Ученый. Нет, я говорю совершенно серьезно.

Аннунциата. Спасибо вам за это. (*Оглядывается на дверь.*) В книгах о нашей стране много пишут про здоровый климат, чистый воздух, прекрасные виды, жаркое солнце, ну... словом, вы сами знаете, что пишут в книгах о нашей стране...

Ученый. Конечно, знаю. Ведь поэтому я и приехал сюда.

Аннунциата. Да. Вам известно то, что написано о нас в книгах, но то, что там о нас не написано, вам неизвестно.

Ученый. Это иногда случается с учеными.

Аннунциата. Вы не знаете, что живете в совсем особенной стране, Все, что рассказывают в сказках, все, что кажется у других народов выдумкой,— у нас бывает на самом деле каждый день. Вот, например, Спящая красавица жила в пяти часах ходьбы от табачной лавочки — той, что направо от фонтана. Только теперь Спящая красавица умерла. Людоед до сих пор жив и работает в городском ломбарде оценщиком. Мальчик с пальчик женился на очень высокой женщине, по прозвищу Гренадер, и дети их — люди обыкновенного роста, как вы да я. И знаете, что удивительно? Эта женщина, по прозвищу Гренадер, совершенно под башмаком у Мальчика с пальчик. Она даже на рынок берет его с собой. Мальчик с пальчик сидит в кармане ее передника и торгуется, как дьявол. Но, впрочем, они живут очень дружно. Жена так внимательна к мужу. Каждый раз, когда они по праздникам танцуют менуэт, она надевает двойные очки, чтобы не наступить на своего супруга нечаянно.

Ученый. Но ведь это очень интересно, почему же об этом не пишут в книгах о вашей стране?

Аннунциата (*оглядываясь на дверь*). Не всем нравятся сказки.

Ученый. Неужели?

Аннунциата. Да, вот можете себе представить! (*Оглядывается на дверь.*) Мы ужасно боимся, что если это узнают все, то к нам перестанут ездить. Это будет так невыгодно! Не выдавайте нас, пожалуйста.

Ученый. Нет, я никому не скажу.

Аннунциата. Спасибо вам за это. Мой бедный отец очень любит деньги, и я буду в отчаянии, если он заработает меньше, чем ожидает. Когда он расстроен, он страшно ругается.

Ученый. Но все-таки мне кажется, что число приезжих только вырастет, когда узнают, что в вашей стране сказки — правда.

Аннунциата. Нет. Если бы к нам ездили дети, то так бы оно и было. А взрослые — осторожный народ. Они прекрасно знают, что многие сказки кончаются печально. Вот об этом я с вами и хотела поговорить. Будьте осторожны.

Ученый. А как? Чтобы не простудиться, надо тепло одеваться. Чтобы не упасть, надо смотреть под ноги. А как избавиться от сказки с печальным концом?

Аннунциата. Ну... Я не знаю... Не надо разговаривать с людьми, которых вы недостаточно знаете.

Ученый. Тогда мне придется все время молчать. Ведь я приезжий.

Аннунциата. Нет, правда, пожалуйста, будьте осторожны. Вы очень хороший человек, а именно таким чаще всего приходится плохо.

Ученый. Откуда вы знаете, что я хороший человек?

Аннунциата. Ведь я часто вожусь в кухне. А у нашей кухарки одиннадцать подруг. И все они знают все, что есть, было и будет. От них ничего не укроется. Им известно, что делается в каждой семье, как будто у домов стеклянные стены. Мы в кухне и смеемся, и плачем, и ужасаемся. В дни особенно интересных событий все гибнет на плите. Они говорят хором, что вы прекрасный человек.

Ученый. Это они и сказали вам, что в вашей стране сказки — правда?

Аннунциата. Да.

Ученый. Знаете, вечером, да еще сняв очки, я готов в это верить. Но утром, выйдя из дому, я вижу совсем другое. Ваша страна — увьи! — похожа на все страны в мире. Богатство и бедность, знатность и рабство, смерть и несчастье, разум и глупость, святость,

преступление, совесть, бесстыдство — все это перемешано так тесно, что просто ужасаешься. Очень трудно будет все это распутать, разобрать и привести в порядок так, чтобы не повредить ничему живому. В сказках все это гораздо проще.

Аннунциата (*делая книксен*). Благодарю вас. Ученый. За что?

Аннунциата. За то, что вы со мною, простой девушкой, говорите так красиво.

Ученый. Ничего, с учеными это бывает. А скажите, мой друг Ганс-Христиан Андерсен, который жил здесь, в этой комнате, до меня, знал о сказках?

Аннунциата. Да, он как-то проведал об этом.

Ученый. И что он на это сказал?

Аннунциата. Он сказал: «Я всю жизнь подозревал, что пишу чистую правду». Он очень любил наш дом. Ему нравилось, что у нас так тихо.

Оглушительный выстрел.

Ученый. Что это?

Аннунциата. О, не обращайтесь внимания. Это мой отец поссорился с кем-то. Он очень вспыльчив, и чуть что — стреляет из пистолета. Но до сих пор он никого не убил. Он нервный — и всегда поэтому дает промах.

Ученый. Понимаю. Это явление мне знакомо. Если бы он попадал в цель, то не палил бы так часто.

За сценой рев: «Аннунциата!»

Аннунциата (*кратко*). Иду, папочка, миленький. До свидания! Ах, я совсем забыла, зачем пришла. Что вы прикажете вам подать — кофе или молоко?

Дверь с грохотом распахивается. В комнату вбегает стройный, широкий в плечах, молодежавый человек. Он похож лицом на Аннунциату. Угрюм, не смотрит в глаза. Это хозяин меблированных комнат, отец Аннунциаты, Пьетро.

Пьетро. Почему ты не идешь, когда тебя зовут?! Поди немедленно перезаряди пистолет. Слышала ведь — отец стреляет. Все нужно объяснить, во все нужно ткнуть носом. Убью!

Аннунциата спокойно и смело подходит к отцу, целует его в лоб.

Аннунциата. Иду, папочка. До свидания, сударь! (Уходит.)

Ученый. Как видно, ваша дочь не боится вас, синьор Пьетро.

Пьетро. Нет, будь я зарезан. Она обращается со мною так, будто я самый нежный отец в городе.

Ученый. Может быть, это так и есть?

Пьетро. Не ее дело это знать. Терпеть не могу, когда догадываются о моих чувствах и мыслях. Девчонка! Кругом одни неприятности. Жилец комнаты номер пятнадцать сейчас опять отказался платить. От ярости я выстрелил в жильца комнаты номер четырнадцать.

Ученый. И этот не платит?

Пьетро. Платит. Но он, четырнадцатый, ничтожный человек. Его терпеть не может наш первый министр. А тот, проклятый неплательщик, пятнадцатый, работает в нашей трижды гнусной газете. О, пусть весь мир провалится! Верчусь, как штопор, вытягиваю деньги из жильцов моей несчастной гостиницы и не свожу концы с концами. Еще приходится служить, чтобы не околеть с голоду.

Ученый. А разве вы служите?

Пьетро. Да.

Ученый. Где?

Пьетро. Оценщиком в городском ломбарде.

Внезапно начинает играть музыка — иногда едва слышно, иногда так, будто играют здесь же в комнате.

Ученый. Скажите. . . Скажите мне. . . Скажите, пожалуйста, где это играют?

Пьетро. Напротив.

Ученый. А кто там живет?

Пьетро. Не знаю. Говорят, какая-то чертова принцесса.

Ученый. Принцесса?!

Пьетро. Говорят. Я к вам по делу. Этот проклятый пятнадцатый номер просит вас принять его. Этот газетчик. Этот вор, который норовит даром жить в прекрасной комнате. Можно?

Ученый. Пожалуйста. Я буду очень рад.

Пьетро. Не радуйтесь прежде времени. До свидания! (Уходит.)

Ученый. Хозяин гостиницы — оценщик в городском ломбарде. Людоед? Подумать только!

Открывает дверь, ведущую на балкон. Видна стена противоположного дома. Улица узкая. Балкон противоположного дома почти касается балкона комнаты ученого. Едва открывает он дверь, как шум улицы врывается в комнату. Из общего гула выделяются отдельные голоса.

Г о л о с а. Арбузы, арбузы! Кусками!

— Вода, вода, ледяная вода!

— А вот — ножи для убийц! Кому ножи для убийц?!

— Цветы, цветы! Розы! Лилии! Тюльпаны!

— Дорогу ослу, дорогу ослу! Посторонитесь, люди: идет осел!

— Подайте бедному немому!

— Яды, яды, свежие яды!

Ученый. Улица наша кипит, как настоящий котел. Как мне нравится здесь!.. Если бы не вечное мое беспокойство, если бы не казалось мне, что весь мир несчастен из-за того, что я не придумал еще, как спасти его, то было бы совсем хорошо. И когда девушка, живущая напротив, выходит на балкон, то мне кажется, что нужно сделать одно, только одно маленькое усилие — и все станет ясно.

В комнату входит очень красивая молодая женщина, прекрасно одетая. Она щурится, оглядывается. Ученый не замечает ее.

Если есть гармония в море, в горах, в лесу и в тебе, то, значит, мир устроен разумнее, чем...

Женщина. Это не будет иметь успеха.

Ученый (оборачивается). Простите!

Женщина. Нет, не будет. В том, что вы бормотали, нет и тени остроумия. Это новая ваша статья? Где же вы? Что это сегодня с вами? Вы не узнаете меня, что ли?

Ученый. Простите, нет.

Женщина. Довольно подшучивать над моей близорукостью. Это неэлегантно. Где вы там?

Ученый. Я здесь.

Женщина. Подойдите поближе.

Ученый. Вот я. (Подходит к незнакомке.)

Женщина (она искренне удивлена). Кто вы?

Ученый. Я приезжий человек, живу здесь в гостинице. Вот кто я.

Женщина. Простите. . . Мои глаза опять подвели меня. Это не пятнадцатый номер?

Ученый. Нет, к сожалению.

Женщина. Какое у вас доброе и славное лицо! Почему вы до сих пор не в нашем кругу, не в кругу настоящих людей?

Ученый. А что это за круг?

Женщина. О, это артисты, писатели, придворные. Бывает у нас даже один министр. Мы эlegantны, лишены предрассудков и понимаем все. Вы знамениты?

Ученый. Нет.

Женщина. Какая жалость! У нас это не принято. Но. . . Но я, кажется, готова простить вам это — до того вы мне вдруг понравились. Вы сердитесь на меня?

Ученый. Нет, что вы!

Женщина. Я немного посижу у вас. Можно?

Ученый. Конечно.

Женщина. Мне вдруг показалось, что вы как раз тот человек, которого я ищу всю жизнь. Бывало, покажется — по голосу и по речам — вот он, такой человек, а подойдет он поближе, и видишь — это совсем не то. А отступать уже поздно, слишком близко он подошел. Ужасная вещь быть красивой и близорукой. Я надоела вам?

Ученый. Нет, что вы!

Женщина. Как просто и спокойно вы отвечаете мне! А он раздражает меня.

Ученый. Кто?

Женщина. Тот, к которому я пришла. Он ужасно беспокойный человек. Он хочет нравиться всем на свете. Он раб моды. Вот, например, когда в моде было загорать, он загорел до того, что стал черен, как негр. А тут загар вдруг вышел из моды. И он решился на операцию. Кожу из-под трусов — это было единствен-

ное белое место на его теле — врачи пересадили ему на лицо.

Ученый. Надеюсь, это не повредило ему?

Женщина. Нет. Он только стал чрезвычайно бесстыден, и пощечину он теперь называет просто — шлепок.

Ученый. Почему же вы ходите к нему в гости?

Женщина. Ну, все-таки это человек из нашего круга, из круга настоящих людей. А кроме того, он работает в газете. Вы знаете, кто я?

Ученый. Нет.

Женщина. Я певица. Меня зовут Юлия Джули.

Ученый. Вы очень знамениты в этой стране!

Юлия. Да. Все знают мои песни «Мама, что такое любовь», «Девы, спешите счастье найти», «Но к тоске его любовной остаюсь я хладнокровной» и «Ах, зачем я не лужайка». Вы доктор?

Ученый. Нет, я историк.

Юлия. Вы отдыхаете здесь?

Ученый. Я изучаю историю вашей страны.

Юлия. Наша страна — маленькая.

Ученый. Да, но история ее похожа на все другие.

И это меня радует.

Юлия. Почему?

Ученый. Значит, есть на свете законы, общие для всех. Когда долго живешь на одном месте, в одной и той же комнате и видишь одних и тех же людей, которых сам выбрал себе в друзья, то мир кажется очень простым. Но едва выедешь из дому — все делается чересчур уж разнообразным. И это...

За дверью кто-то испуганно вскрикивает. Звон разбитого стекла.

Кто там?

Входит, отряхиваясь, изящный молодой человек. За ним растерянная Аннунциата.

Молодой человек. Здравствуй! Я стоял тут у вашей двери, и Аннунциата испугалась меня. Разве я так уж страшен?

Аннунциата (ученому). Простите, я разбила стакан с молоком, которое несла вам.

Молодой человек. А у меня вы не просите прощения?

Аннунциата. Но вы сами виноваты, сударь! За чем вы притаились у чужой двери и стояли не двигаясь?

Молодой человек. Я подслушивал. (Ученому.) Вам нравится моя откровенность? Все ученые — прямые люди. Вам должно это нравиться. Да? Ну скажите же, вам нравится моя откровенность? А я вам нравлюсь?

Юлия. Не отвечайте. Если вы скажете «да» — он вас будет презирать, а если скажете «нет» — он вас возненавидит.

Молодой человек. Юлия, Юлия, злая Юлия! (Ученому.) Разрешите представиться: Цезарь Борджиа. Слышали?

Ученый. Да.

Цезарь Борджиа. Ну? Правда? А что именно вы слышали?

Ученый. Многое.

Цезарь Борджиа. Меня хвалили? Или ругали? А кто именно?

Ученый. Просто я сам читал ваши критические и политические статьи в здешней газете.

Цезарь Борджиа. Они имеют успех. Но всегда кто-нибудь недоволен. Выругаешь человека, а он недоволен. Мне бы хотелось найти секрет полного успеха. Ради этого секрета я готов на все. Нравится вам моя откровенность?

Юлия. Идемте. Мы пришли к ученому, а ученые вечно заняты.

Цезарь Борджиа. Я предупредил господина ученого. Наш хозяин говорил ему, что я приду. А вы, блистательная Юлия, ошиблись комнатой?

Юлия. Нет, мне кажется, что я пришла как раз туда, куда следует.

Цезарь Борджиа. Но ведь вы шли ко мне! Я как раз кончаю статью о вас. Она понравится вам, но — увы! — не понравится вашим подругам. (Ученому.) Вы разрешите еще раз зайти к вам сегодня?

Ученый. Пожалуйста.

Цезарь Борджиа. Я хочу написать статью о вас.

Ученый. Спасибо. Мне пригодится это для работы в ваших архивах. Меня там больше будут уважать.

Цезарь Борджиа. Хитрец! Я ведь знаю, зачем вы приехали к нам. Здесь дело не в архиве.

Ученый. А в чем же?

Цезарь Борджиа. Хитрец! Вы всё глядите на соседний балкон.

Ученый. Разве я гляжу туда?

Цезарь Борджиа. Да, Вы думаете, там живет она.

Ученый. Кто?

Цезарь Борджиа. Не надо быть таким скрытным. Ведь вы историк, изучаете нашу страну, стало быть вы знаете завещание нашего последнего короля, Людовика Девятого Мечтательного.

Ученый. Простите, но я дошел только до конца шестнадцатого века.

Цезарь Борджиа. Вот как? И вы ничего не слышали о завещании?

Ученый. Уверю вас, нет.

Цезарь Борджиа. Странно. Почему же вы просили у хозяина отвести вам как раз эту комнату?

Ученый. Потому, что здесь жил мой друг Ганс-Христиан Андерсен.

Цезарь Борджиа. Только поэтому?

Ученый. Даю вам слово, что это так. А какое отношение имеет моя комната к завещанию покойного короля?

Цезарь Борджиа. О, очень большое. До свидания! Позвольте проводить вас, блистательная Юлия.

Ученый. Разрешите спросить, что именно было написано в этом таинственном завещании?

Цезарь Борджиа. О нет, я не скажу. Я сам заинтересован в нем. Я хочу власти, почета, и мне ужасно не хватает денег. Ведь я, Цезарь Борджиа, имя которого известно всей стране, должен еще служить простым оценщиком в городском ломбарде. Нравится вам моя откровенность?

Юлия. Идемте! Идемте же! Вы тут всем понравились. Он никогда не уходит сразу. (Ученому.) Мы еще увидимся с вами.

Ученый. Я буду очень рад.

Цезарь Борджиа. Не радуйтесь прежде времени.

Цезарь Борджиа и Юлия Джули уходят.

Ученый. Аннунциата, сколько оценщиков в вашем городском ломбарде?

Аннунциата. Много.

Ученый. И все они бывшие людоеды?

Аннунциата. Почти все.

Ученый. Что с вами? Почему вы такая грустная?

Аннунциата. Ах, ведь я просила вас быть осторожным! Говорят, что эта певица Юлия Джули и есть та самая девочка, которая наступила на хлеб, чтобы сохранить свои новые башмачки.

Ученый. Но ведь та девочка, насколько я помню, была наказана за это.

Аннунциата. Да, она провалилась сквозь землю, но потом выкарабкалась обратно и с тех пор опять наступает и наступает на хороших людей, на лучших подруг, даже на самое себя — и все это для того, чтобы сохранить свои новые башмачки, чулочки и платица. Сейчас я принесу вам другой стакан молока.

Ученый. Погодите! Я не хочу пить, мне хочется поговорить с вами.

Аннунциата. Спасибо вам за это.

Ученый. Скажите, пожалуйста, какое завещание оставил ваш покойный король Людовик Девятый Мечтательный?

Аннунциата. О, это тайна, страшная тайна! Завещание было запечатано в семи конвертах семью сургучными печатями и скреплено подписями семи тайных советников. Вскрывала и читала завещание принцесса в полном одиночестве. У окон и дверей стояла стража, заткнув уши на всякий случай, хотя принцесса читала завещание про себя. Что сказано в этом таинственном документе, знает только принцесса и весь город.

Ученый. Весь город?

Аннунциата. Да.

Ученый. Каким же это образом?

Аннунциата. Никто не может объяснить этого. Уж, кажется, все предосторожности были соблюдены. Это просто чудо. Завещание знают все. Даже уличные мальчишки.

Ученый. Что же в нем сказано?

Аннунциата. Ах, не спрашивайте меня.

Ученый. Почему?

Аннунциата. Я очень боюсь, что завещание это — начало новой сказки, которая кончится печально.

Ученый. Аннунциата, ведь я приезжий. Завещание вашего короля меня никак не касается. Расскажите. А то получается нехорошо: я ученый, историк — и вдруг не знаю того, что известно каждому уличному мальчишке! Расскажите, пожалуйста.

Аннунциата (*вздыхая*). Ладно, расскажу. Когда хороший человек меня просит, я не могу ему отказать. Наша кухарка говорит, что это доведет меня до большой беды. Но пусть беда эта падет на мою голову, а не на вашу. Итак... Вы не слушаете меня?

Ученый. Что вы!

Аннунциата. А почему вы смотрите на балкон противоположного дома?

Ученый. Нет, нет... Вот видите, я уселся поудобнее, закурил трубку и глаз не свожу с вашего лица.

Аннунциата. Спасибо. Итак, пять лет назад умер наш король Людовик Девятый Мечтательный. Уличные мальчишки называли его не мечтательным, а дурачком, но это неверно. Покойный, правда, часто показывал им язык, высунувшись в форточку, но ребята сами были виноваты. Зачем они дразнили его? Покойный был умный человек, но такая уж должность королевская, что характер от нее портится. В самом начале его царствования первый министр, которому государь верил больше, чем родному отцу, отравил любимую сестру короля, Король казнил первого министра. Второй первый министр не был отравителем, но он так лгал королю, что тот перестал верить всем, даже самому себе. Третий первый министр не был лжецом, но он был ужасно хитер. Он плел, и плел, и плел тончай-

шие паутины вокруг самых простых дел. Король во время его последнего доклада хотел сказать: «утверждаю» и вдруг зажужжал тоненько, как муха, попавшая в паутину. И министр слетел по требованию королевского лейб-медика. Четвертый первый министр не был хитер. Он был прям и прост. Он украл у короля золотую табакерку и бежал. И государь махнул рукой на дела управления. Первые министры с тех пор стали сами сменять друг друга. А государь занялся театром. Но говорят, что это еще хуже, чем управлять государством. После года работы в театре король стал цепенеть.

Ученый. Как цепенеть?

Аннунциата. А очень просто. Идет — и вдруг застынет, подняв одну ногу. И лицо его при этом выражает отчаяние. Лейб-медик объяснял это тем, что король неизлечимо запутался, пытаюсь понять отношения работников театра друг к другу. Ведь их так много!

Ученый. Лейб-медик был прав.

Аннунциата. Он предлагал простое лекарство, которое несомненно вылечило бы бедного короля. Он предлагал казнить половину труппы, но король не согласился.

Ученый. Почему?

Аннунциата. Он никак не мог решить, какая именно половина труппы заслуживает казни. И наконец король махнул рукой на все и стал увлекаться плохими женщинами, и только они не обманули его.

Ученый. Неужели?

Аннунциата. Да, да! Уж они-то оказались воистину плохими женщинами. То есть в точности такими, как о них говорили. И это очень утешило короля, но вконец расстроило его здоровье. И у него отнялись ноги. И с тех пор его стали возить в кресле по дворцу, а он все молчал и думал, думал, думал. О чем он думал, он не говорил никому. Изредка государь приказывал подвезти себя к окну и, открывши форточку, показывал язык уличным мальчишкам, которые прыгали и кричали: «Дурачок, дурачок, дурачок!» А потом король составил завещание. А потом умер.

Ученый. Наконец-то мы подошли к самой сути дела.

Аннунциата. Когда король умер, его единственной дочери, принцессе, было тринадцать лет. «Дорогая,— писал он ей в завещании,— я прожил свою жизнь плохо, ничего не сделал. Ты тоже ничего не сделаешь — ты отравлена дворцовым воздухом. Я не хочу, чтобы ты выходила замуж за принца. Я знаю наперечет всех принцев мира. Все они слишком большие дураки для такой маленькой страны, как наша. Когда тебе исполнится восемнадцать лет, поселись где-нибудь в городе и ищи, ищи, ищи. Найди себе доброго, честного, образованного и умного мужа. Пусть это будет незнатный человек. А вдруг ему удастся сделать то, что не удавалось ни одному из знатнейших? Вдруг он сумеет управлять, и хорошо управлять? А? Вот будет здорово! Так постарайся, пожалуйста. Папа».

Ученый. Так он и написал?

Аннунциата. В точности. На кухне столько раз повторяли завещание, что я запомнила его слово в слово.

Ученый. И принцесса теперь живет в городе?

Аннунциата. Да. Но ее не так просто найти.

Ученый. Почему?

Аннунциата. Масса плохих женщин сняли целые этажи домов и притворяются принцессами.

Ученый. А разве вы не знаете свою принцессу в лицо?

Аннунциата. Нет. Прочтя завещание, принцесса стала носить маску, чтобы ее не узнали, когда она отправится искать мужа.

Ученый. Скажите, она... (Замолкает.)

На балкон противоположного дома выходит девушка с белокурыми волосами, в темном и скромном наряде.

А скажите, она... О чем это я вас хотел спросить?.. Впрочем... нет, ни о чем.

Аннунциата. Вы опять не смотрите на меня?

Ученый. Как не смотрю?.. А куда же я смотрю?

Аннунциата. Вон туда... Ах! Разрешите, я закрою дверь на балкон.

Ученый. Зачем же? Не надо! Ведь только сейчас стало по-настоящему прохладно.

Аннунциата. После заката солнца следует закрывать окна и двери. Иначе можно заболеть малярией. Нет, не в малярии здесь дело! Не надо смотреть туда. Пожалуйста... Вы сердитесь на меня? Не сердитесь... Не смотрите на эту девушку. Позвольте мне закрыть дверь на балкон. Вы ведь все равно что маленький ребенок. Вы вот не любите супа, а без супа что за обед! Вы отдаете белье в стирку без записи. И с таким же добродушным, веселым лицом пойдете вы прямо на смерть. Я говорю так смело, что сама перестаю понимать, что говорю: это дерзость, но нельзя же не предупредить вас. Об этой девушке говорят, что она нехорошая женщина... Стойте, стойте... Это, по-моему, не так страшно... Я боюсь, что тут дело похуже,

Ученый. Вы думаете?

Аннунциата. Да. А вдруг эта девушка принцесса? Тогда что? Что вы будете делать тогда?

Ученый. Конечно, конечно.

Аннунциата. Вы не слышали, что я вам сказала?

Ученый. Вот как!

Аннунциата. Ведь если она действительно принцесса, все захотят жениться на ней и вас растопчут в давке.

Ученый. Да, да, конечно.

Аннунциата. Нет, я вижу, что мне тут ничего не поделаться. Какая я несчастная девушка, сударь.

Ученый. Не правда ли?

Аннунциата идет к выходной двери. Ученый — к двери, ведущей на балкон. Аннунциата оглядывается. Останавливается.

Аннунциата. До свидания, сударь. *(Тихо, с неожиданной энергией.)* Никому не позволю тебя обижать. Ни за что. Никогда. *(Уходит.)*

Ученый смотрит на девушку, стоящую на противоположном балконе, она глядит вниз, на улицу. Ученый начинает говорить тихо, потом все громче. К концу его монолога девушка смотрит на него не отрываясь.

Ученый. Конечно, мир устроен разумнее, чем кажется. Еще немножко — дня два-три работы — и я пойму, как сделать всех людей счастливыми. Все будут

счастливы, но не так, как я. Я только здесь, вечерами, когда вы стоите на балконе, стал понимать, что могу быть счастлив, как ни один человек. Я знаю вас, — вас нельзя не знать. Я понимаю вас, как понимаю хорошую погоду, луну, дорожку в горах. Ведь это так просто. Я не могу точно сказать, о чем вы думаете, но зато знаю точно, что мысли ваши обрадовали бы меня, как ваше лицо, ваши косы и ресницы. Спасибо вам за все: за то, что вы выбрали себе этот дом, за то, что родились и живете тогда же, когда живу я. Что бы я стал делать, если бы вдруг не встретил вас! Страшно подумать!

Девушка. Вы говорите это наизусть?

Ученый. Я...я...

Девушка. Продолжайте.

Ученый. Вы заговорили со мной!

Девушка. Вы сами сочинили все это или заказали кому-нибудь?

Ученый. Простите, но голос ваш так поразил меня, что я ничего не понимаю.

Девушка. Вы довольно ловко увиливаете от прямого ответа. Пожалуй, вы сами сочинили то, что говорили мне. А может быть, и нет. Ну хорошо, оставим это. Мне скучно сегодня. Как это у вас хватает терпения целый день сидеть в одной комнате? Это кабинет?

Ученый. Простите?

Девушка. Это кабинет, или гардеробная, или гостиная, или одна из зал?

Ученый. Это просто моя комната. Моя единственная комната.

Девушка. Вы нищий?

Ученый. Нет, я ученый.

Девушка. Ну пусть. У вас очень странное лицо.

Ученый. Чем же?

Девушка. Когда вы говорите, то кажется, будто вы не лжете.

Ученый. Я и в самом деле не лгу.

Девушка. Все люди — лжецы.

Ученый. Неправда.

Девушка. Нет, правда. Может быть, вам и не лгут — у вас всего одна комната, — а мне вечно лгут. Мне жалко себя.

Ученый. Да что вы говорите? Вас обижают? Кто?

Девушка. Вы так ловко притворяетесь внимательным и добрым, что мне хочется пожаловаться вам.

Ученый. Вы так несчастны?

Девушка. Не знаю. Да.

Ученый. Почему?

Девушка. Так. Все люди — негодяи.

Ученый. Не надо так говорить. Так говорят те, кто выбрал себе самую ужасную дорогу в жизни. Они безжалостно душат, давят, грабят, клеветуют: кого жалеть, — ведь все люди негодяи!

Девушка. Так, значит, не все?

Ученый. Нет.

Девушка. Хорошо, если бы это было так. Я ужасно боюсь превратиться в лягушку.

Ученый. Как в лягушку?

Девушка. Вы слышали сказку про царевну-лягушку? Ее неверно рассказывают. На самом деле все было иначе. Я это знаю точно. Царевна-лягушка — моя тетя.

Ученый. Тетя?

Девушка. Да. Двоюродная. Рассказывают, что царевну-лягушку поцеловал человек, который полюбил ее, несмотря на безобразную наружность. И лягушка от этого превратилась в прекрасную женщину. Так?

Ученый. Да, насколько я помню.

Девушка. А на самом деле тетя моя была прекрасная девушка, и она вышла замуж за негодяя, который только притворялся, что любит ее. И поцелуи его были холодны и так отвратительны, что прекрасная девушка превратилась в скором времени в холодную и отвратительную лягушку. Нам, родственникам, это было очень неприятно. Говорят, что такие вещи случаются гораздо чаще, чем можно предположить. Только тетя моя не сумела скрыть своего превращения. Она была крайне несдержанна. Это ужасно. Не правда ли?

Ученый. Да, это очень грустно.

Девушка. Вот видите! А вдруг и мне суждено это? Мне ведь придется выйти замуж. Вы наверное знаете, что не все люди негодяи?

Ученый. Совершенно точно знаю. Ведь я историк.
Девушка. Вот было бы хорошо! Впрочем, я не верю вам.

Ученый. Почему?

Девушка. Вообще я никому и ничему не верю.

Ученый. Нет, не может этого быть. У вас такой здоровый цвет лица, такие живые глаза. Не верить ничему — да ведь это смерть!

Девушка. Ах, я все понимаю.

Ученый. Все понимать — это тоже смерть.

Девушка. Все на свете одинаково. И те правы, и эти правы, и, в конце концов, мне все безразлично.

Ученый. Все безразлично, — да ведь это еще хуже смерти! Вы не можете так думать. Нет! Как вы огорчили меня!

Девушка. Мне все равно... Нет, мне не все равно, оказывается. Теперь вы не будете больше каждый вечер смотреть на меня?

Ученый. Буду. Все не так просто, как кажется. Мне казалось, что ваши мысли гармоничны, как вы... Но вот они передо мной... Они вовсе не похожи на те, которые я ждал... И все-таки... все-таки я люблю вас...

Девушка. Любите?

Ученый. Я люблю вас...

Девушка. Ну вот... я все понимала, ни во что не верила, мне все было безразлично, а теперь все перепуталось...

Ученый. Я люблю вас...

Девушка. Уйдите... Или нет... Нет, уйдите и закройте дверь... Нет, я уйду... Но... если вы завтра вечером осмелитесь... осмелитесь не прийти сюда на балкон, я... я... прикажу... нет... я просто огорчусь. *(Идет к двери, оборачивается.)* Я даже не знаю, как вас зовут.

Ученый. Меня зовут Христиан-Теодор.

Девушка. До свидания, Христиан-Теодор, милый. Не улыбайтесь! Не думайте, что вы ловко обманули меня. Нет, не огорчайтесь... Я говорю это просто так... Когда вы сказали так вот, вдруг, прямо, что любите меня, мне стало тепло, хотя я вышла на балкон

в кисейном платье. Не смейте говорить со мной! Довольно! Если я услышу еще хоть слово, я заплачу. До свидания! Какая я несчастная девушка, сударь. (Уходит.)

Ученый. Ну вот... Мне казалось, что еще миг — и я все пойму, а теперь мне кажется, еще миг — и я запутаюсь совсем. Боюсь, что эта девушка действительно принцесса. «Все люди негодяи, все на свете одинаково, мне все безразлично, я ни во что не верю» — какие явственные признаки злокачественного малокровия, обычного у изнеженных людей, выросших в тепличном воздухе! Ее... Она... Но ведь все-таки ей вдруг стало тепло, когда я признался, что люблю ее! Значит, кровито у нее в жилах все-таки достаточно? (Смеется.) Я уверен, я уверен, что все кончится прекрасно. Тень, моя добрая, послушная тень! Ты так покорно лежишь у моих ног. Голова твоя смотрит в дверь, в которую ушла незнакомая девушка. Взяла бы ты, тень, да пошла туда к ней. Что тебе стоит! Взяла бы да сказала ей: «Все это глупости. Мой господин любит вас, так любит, что все будет прекрасно. Если вы царевна-лягушка, то он оживит вас и превратит в прекрасную женщину». Словом, ты знаешь, что надо говорить, ведь мы выросли вместе. (Смеется.) Иди!

Ученый отходит от двери. Тень ученого вдруг отделяется от него. Вытягивается в полный рост на противоположном балконе. Ныряет в дверь, которую девушка, уходя, оставила полуоткрытой.

Что это?.. У меня какое-то странное чувство в ногах... и во всем теле... Я... я заболел? Я... (Шатается, падает в кресло, звонит.)

Вбегает Аннунциата.

Аннунциата! Вы, кажется, были правы.

Аннунциата. Это была принцесса?

Ученый. Нет! я заболел. (Закрывает глаза.)

Аннунциата (бежит к двери). Отец!

Входит Пьетро.

Пьетро. Не ори. Не знаешь, что ли, что отец подслушивает тут под дверью.

Аннунциата. Я не заметила.

Пьетро. Родного отца не замечает... Дожили! Ну? Чего ты мигаешь? Вздумала реветь?

Аннунциата. Он заболел.

Пьетро. Разрешите, сударь, я помогу вам лечь в постель.

Ученый (встает). Нет. Я сам. Не прикасайтесь, пожалуйста, ко мне...

Пьетро. Чего вы боитесь? Я вас не съем!

Ученый. Не знаю. Ведь я так ослабел вдруг. (Идет к ширмам, за которыми стоит его кровать.)

Аннунциата (тихо, с ужасом). Смотри!

Пьетро. Что еще?

Аннунциата. У него нет тени.

Пьетро. Да ну? Действительно нет... Проклятый климат! И как его угораздило? Пойдут слухи. Подумают, что это эпидемия...

Ученый скрывается за ширмами.

Никому ни слова. Слышишь ты?

Аннунциата (у ширмы). Он в обмороке.

Пьетро. Тем лучше. Беги за доктором. Доктор уложит дурака в кровать недели на две, а тем временем у него вырастет новая тень. И никто ничего не узнает.

Аннунциата. Человек без тени — ведь это одна из самых печальных сказок на свете.

Пьетро. Говорят тебе, у него вырастет новая тень! Выкрутится... Беги!

Аннунциата убегает.

Черт... Хорошо еще, что этот газетчик занят с дамой и ничего не пронюхал.

Входит Цезарь Борджиа.

Цезарь Борджиа. Добрый вечер!

Пьетро. Ах, вы тут как тут... Дьявол... Где ваша баба?

Цезарь Борджиа. Ушла на концерт.

Пьетро. К дьяволу все концерты!

Цезарь Борджиа. Ученый в обмороке?

Пьетро. Да, будь он проклят.

Цезарь Борджиа. Слышали?

Пьетро. Что именно?

Цезарь Борджиа. Его разговор с принцессой.

Пьетро. Да.

Цезарь Борджиа. Короткий ответ. Что же вы не проклинаете все и вся, не палите из пистолета, не кричите?

Пьетро. В серьезных делах я тих.

Цезарь Борджиа. Похоже на то, что это настоящая принцесса.

Пьетро. Да. Это она.

Цезарь Борджиа. Я вижу, вам хочется, чтобы он женился на принцессе.

Пьетро. Мне? Я съем его при первой возможности.

Цезарь Борджиа. Надо будет его съесть. Да, надо, надо. По-моему, сейчас самый подходящий момент. Человека легче всего съесть, когда он болен или уехал отдыхать. Ведь тогда он сам не знает, кто его съел, и с ним можно сохранить прекраснейшие отношения.

Пьетро. Тень.

Цезарь Борджиа. Что тень?

Пьетро. Надо будет найти его тень.

Цезарь Борджиа. Зачем же?

Пьетро. Она поможет нам. Она не простит ему никогда в жизни, что когда-то была его тенью.

Цезарь Борджиа. Да, она поможет нам съесть его.

Пьетро. Тень — полная противоположность ученому.

Цезарь Борджиа. Но... Но ведь тогда она может оказаться сильнее, чем следует.

Пьетро. Пусть. Тень не забудет, что мы помогли ей выйти в люди. И мы съедем его.

Цезарь Борджиа. Да, надо будет съесть его. Надо, надо!

Пьетро. Тише!

Вбегает Аннунциата.

Аннунциата. Уходите отсюда! Что вам тут нужно?

Пь е т р о. Дочь! (Достает пистолет.) А впрочем, идемте ко мне. Там поговорим. Доктор идет?

А н н у н ц и а т а. Да, бежит бегом. Он говорит, что это серьезный случай.

Пь е т р о. Ладно.

Уходит вместе с Цезарем Борджиа.

А н н у н ц и а т а (заглядывая за ширму). Так я и знала! Лицо спокойное, доброе, как будто он видит во сне, что гуляет в лесу под деревьями. Нет, не простят ему, что он такой хороший человек! Что-то будет, что-то будет!

З а н а в е с

Парк. Усыпанная песком площадка, окруженная подстриженными деревьями. В глубине павильон. Мажордом и помощник его возьмется на авансцене.

Мажордом. Стол ставь сюда. А сюда кресла. Поставь на стол шахматы. Вот. Теперь все готово для заседания.

Помощник. А скажите, господин мажордом, почему господа министры заседают тут, в парке, а не во дворце?

Мажордом. Потому, что во дворце есть стены. Понял?

Помощник. Никак нет.

Мажордом. А у стен есть уши. Понял?

Помощник. Да, теперь понял.

Мажордом. То-то. Положи подушки на это кресло.

Помощник. Это для господина первого министра?

Мажордом. Нет, для господина министра финансов. Он тяжело болен.

Помощник. А что с ним?

Мажордом. Он самый богатый делец в стране. Соперники страшно ненавидят его. И вот один из них в прошлом году пошел на преступление. Он решился отравить господина министра финансов.

Помощник. Какой ужас!

Мажордом. Не огорчайся прежде времени. Господин министр финансов вовремя узнал об этом и скупил все яды, какие есть в стране.

Помощник. Какое счастье!

Мажордом. Не радуйся прежде времени. Тогда преступник пришел к господину министру финансов и дал необычайно высокую цену за яды. И господин министр поступил вполне естественно. Министр ведь реальный политик. Он подсчитал прибыль и продал негодяю весь запас своих зелий. И негодяй отравил министра. Вся семья его превосходительства изволила скончаться в страшных мучениях. И сам он с тех пор еле жив, но заработал он на этом двести процентов чистых. Дело есть дело. Понял?

Помощник. Да, теперь понял.

Мажордом. Ну, то-то. Итак, все готово? Кресла. Шахматы. Сегодня тут состоится особенно важное сошествие.

Помощник. Почему вы думаете?

Мажордом. Во-первых, встретятся всего два главных министра — первый и финансов, а во-вторых, они будут делать вид, что играют в шахматы, а не заседают. Всем известно, что это значит. Кусты, наверное, так и кишат любопытными.

Помощник. А вдруг любопытные подслушают то, что говорят господа министры?

Мажордом. Любопытные ничего не узнают.

Помощник. Почему?

Мажордом. Потому, что господа министры понимают друг друга с полуслова. Много ты поймешь из полуслов! *(Внезапно склоняется в низком поклоне.)* Они идут. Я так давно служу при дворе, что моя поясница сгибается сама собой при приближении высоких особ. Я их еще не вижу и не слышу, а уже кланяюсь. Поэтому-то я и главный. Понял? Кланяйся же!..
Ниже.

Мажордом сгибается до земли. Помощник за ним. С двух сторон сцены, справа и слева, одновременно выходят два министра — первый министр и министр финансов. Первый — небольшого роста, человек с брюшком, плешью, румяный, ему за пятьдесят. Министр финансов — иссохший, длинный, с ужасом озирающийся, хромает на обе ноги. Его ведут под руки два рослых лакея. Министры одновременно подходят к столу, одновременно садятся и сразу принимаются играть в шахматы. Лакеи, приведшие министра финансов, усадив его, бесшумно удаляются. Мажордом и его помощник остаются на сцене. Стоят навтыжку.

Первый министр. Здоровье?
Министр финансов. Отврат.
Первый министр. Дела?
Министр финансов. Очень пло.
Первый министр. Почему?
Министр финансов. Конкуре.

Играют молча в шахматы.

Ма жордом (*шепотом*). Видишь, я говорил тебе, что они понимают друг друга с полуслова.

Первый министр. Слыхали о принцессе?

Министр финансов. Да, мне докла.

Первый министр. Этот приезжий ученый похитил ее сердце.

Министр финансов. Похитил?! Подождите... Лакей! Нет, не вы... Мой лакей!

Входит один из лакеев, приведших министра.

Лакей! Вы все двери заперли, когда мы уходили?

Лакей. Все, ваше превосходительство.

Министр финансов. И железную?

Лакей. Так точно.

Министр финансов. И медную?

Лакей. Так точно.

Министр финансов. И чугунную?

Лакей. Так точно.

Министр финансов. И капканы расставили?
Помните, вы отвечаете жизнью за самую ничтожную пропажу.

Лакей. Помню, ваше превосходительство.

Министр финансов. Ступайте...

Лакей уходит.

Я слушаю.

Первый министр. По сведениям дежурных тайных советников, принцесса третьего дня долго глядела в зеркало, потом заплакала и сказала (*достает записную книжку, читает*): «Ах, почему я пропадаю напрасно?»— и в пятый раз послала спросить о здоровье ученого. Узнав, что особых изменений не произошло.

принцесса топнула ногой и прошептала (*читает*): «Черт побери!» А сегодня она ему назначила свидание в парке. Вот. Как вам это нра?

Министр финансов. Совсем мне это не нра! Кто он, этот ученый?

Первый министр. Ах, он изучен мною до тонкости.

Министр финансов. Шантажист?

Первый министр. Хуже...

Министр финансов. Вор?

Первый министр. Еще хуже.

Министр финансов. Авантюрист, хитрец, ловкач?

Первый министр. О, если бы...

Министр финансов. Так что же он, наконец?

Первый министр. Простой, наивный человек.

Министр финансов. Шах королю.

Первый министр. Рокируюсь...

Министр финансов. Шах королеве.

Первый министр. Бедная принцесса! Шантажиста мы разоблачили бы, вора поймали бы, ловкача и хитреца перехитрили бы, а этот... Поступки простых и честных людей иногда так загадочны!

Министр финансов. Надо его или ку, или у.

Первый министр. Да, другого выхода нет.

Министр финансов. В городе обо всем этом уже проню?

Первый министр. Еще бы не проню!

Министр финансов. Так и знал. Вот отчего благоразумные люди переводят золото за границу в таком количестве. Один банкир третьего дня перевел за границу даже свои золотые зубы. И теперь он все время ездит за границу и обратно. На родине ему теперь нечем пережевывать пищу.

Первый министр. По-моему, ваш банкир проявил излишнюю нервность.

Министр финансов. Это чуткость! Нет на свете более чувствительного организма, чем деловые круги. Одно завещание короля вызвало семь банкротств, семь самоубийств, и все ценности упали на семь пунктов. А сейчас... О, что будет сейчас! Никаких перемен, го-

сподин первый министр! Жизнь должна идти ровно, как часы.

Первый министр. Кстати, который час?

Министр финансов. Мои золотые часы переправлены за границу. А если я буду носить серебряные, то пойдут слухи, что я разорился, и это вызовет панику в деловых кругах.

Первый министр. Неужели в нашей стране совсем не осталось золота?

Министр финансов. Его больше, чем нужно.

Первый министр. Откуда?

Министр финансов. Из-за границы. Заграничные деловые круги волнуются по своим заграничным причинам и переводят золото к нам. Так мы и живем. Подведем итог. Следовательно, ученого мы купим.

Первый министр. Или убьем.

Министр финансов. Каким образом мы это сделаем?

Первый министр. Самым деликатным! Ведь в дело замешано такое чувство, как любовь! Я намерен расправиться с ученым при помощи дружбы.

Министр финансов. Дружбы?

Первый министр. Да. Для этого необходимо найти человека, с которым дружен наш ученый. Друг знает, что он любит, чем его можно купить. Друг знает, что он ненавидит, что для него чистая смерть. Я приказал в канцелярии добыть друга.

Министр финансов. Это ужасно.

Первый министр. Почему?

Министр финансов. Ведь ученый — приезжий, следовательно, друга ему придется выписывать из-за границы. А по какой графе я проведу этот расход? Каждое нарушение сметы вызывает у моего главного бухгалтера горькие слезы. Он будет рыдать как ребенок, а потом впадет в бредовое состояние. На некоторое время он прекратит выдачу денег вообще. Всем. Даже мне. Даже вам.

Первый министр. Да ну? Это неприятно. Ведь судьба всего королевства поставлена на карту. Как же быть?

Министр финансов. Не знаю.

Первый министр. А кто же знает?

Помощник (*выступая вперед*). Я.

Министр финансов (*вскакивая*). Что это? Начинается?

Первый министр. Успокойтесь, пожалуйста. Если это и начнется когда-нибудь, то не с дворцовых лакеев.

Министр финансов. Так это не бунт?

Первый министр. Нет. Это просто дерзость. Кто вы?

Помощник. Я тот, кого вы ищете. Я друг ученого, ближайший друг его. Мы не расставались с колыбели до последних дней.

Первый министр. Послушайте, любезный друг, вы знаете, с кем вы говорите?

Помощник. Да.

Первый министр. Почему же вы не называете меня «ваше превосходительство»?

Помощник (*с глубоким поклоном*). Простите, ваше превосходительство.

Первый министр. Вы приезжий?

Помощник. Я появился на свет в этом городе. ваше превосходительство.

Первый министр. И тем не менее вы друг приезжего ученого?

Помощник. Я как раз тот, кто вам нужен, ваше превосходительство. Я знаю его как никто, а он меня совсем не знает, ваше превосходительство.

Первый министр. Странно.

Помощник. Если вам угодно, я скажу, кто я, ваше превосходительство.

Первый министр. Говорите. Чего вы озираетесь?

Помощник. Разрешите мне написать на песке, кто я, ваше превосходительство.

Первый министр. Пишите.

Помощник чертит что-то на песке. Министры читают и переглядываются.

Что вы ска?

Министр финансов. Подходя. Но будьте осторо! А то он заломит це.

Первый министр. Так. Кто устроил вас на службу во дворец?

Помощник. Господин Цезарь Борджиа и господин Пьетро, ваше превосходительство.

Первый министр (*министру финансов*). Вам знакомы эти имена?

Министр финансов. Да, вполне надежные люди.

Первый министр. Хорошо, любезный, мы подумаем.

Помощник. Осмеюсь напомнить вам, что мы на юге. ваше превосходительство.

Первый министр. Ну так что?

Помощник. На юге все так быстро растет, ваше превосходительство. Ученый и принцесса заговорили друг с другом всего две недели назад и не виделись с тех пор ни разу, а смотрите, как выросла их любовь, ваше превосходительство. Как бы нам не опоздать, ваше превосходительство!

Первый министр. Я ведь сказал вам, что мы подумаем. Станьте в сторону.

Министры задумываются.

Подойдите сюда, любезный.

Помощник выполняет приказ.

Мы подумали и решили взять вас на службу в канцелярию первого министра.

Помощник. Спасибо, ваше превосходительство. По-моему, с ученым надо действовать так...

Первый министр. Что с вами, любезный? Вы собираетесь действовать, пока вас еще не оформили? Да вы сошли с ума! Вы не знаете, что ли, что такое канцелярия?

Помощник. Простите, ваше превосходительство.

Взрыв хохота за кулисами.

Первый министр. Сюда идут курортники. Они помешают нам. Пройдемте в канцелярию, и там я оформлю ваше назначение. После этого мы, так и быть, выслушаем вас.

Помощник. Спасибо, ваше превосходительство.

Министр финансов. Лакеи!

Появляются лакеи.

Уведите меня.

Уходят. Распахиваются двери павильона, и оттуда появляется доктор — молодой человек, в высшей степени угрюмый и сосредоточенный. Его окружают курортники, легко, но роскошно одетые.

1-я курортница. Доктор, а отчего у меня под коленкой бывает чувство, похожее на задумчивость?

Доктор. Под которой коленкой?

1-я курортница. Под правой.

Доктор. Пройдет.

2-я курортница. А почему у меня за едой, между восьмым и девятым блюдом, появляются меланхолические мысли?

Доктор. Какие, например?

2-я курортница. Ну, мне вдруг хочется удалиться в пустыню и там предаться молитвам и посту.

Доктор. Пройдет.

1-й курортник. Доктор, а почему после сороковой ванны мне вдруг перестали нравиться шатенки?

Доктор. А кто вам нравится теперь?

1-й курортник. Одна блондинка.

Доктор. Пройдет. Господа, позвольте вам напомнить, что целебный час кончился. Сестра милосердия. вы свободны. Сестра развлечения, приступайте к своим обязанностям.

Сестра развлечения. Кому дать мячик? Кому скакалку? Обручи, обручи, господа! Кто хочет играть в пятнашки? В палочку-выручалочку? В кошки-мышки? Время идет, господа, ликуйте, господа, играйте!

Курортники расходятся, играя. Входят ученый и Аннунциата.

Аннунциата. Доктор, он сейчас купил целый лоток леденцов.

Ученый. Но ведь я роздал леденцы уличным мальчишкам.

Аннунциата. Все равно! Разве больному можно покупать сладости?

Доктор (ученому). Станьте против солнца. Так. Тень ваша выросла до нормальных размеров. Этого и следовало ожидать — на юге все так быстро растет. Как вы себя чувствуете?

Ученый. Я чувствую, что совершенно здоров.

Доктор. Все-таки я выслушаю вас. Нет, не надо снимать сюртук; у меня очень чуткие уши. (*Берет со стола в павильоне стетоскоп.*) Так. Вздохните. Вздохните глубоко. Тяжело вздохните. Еще раз. Вздохните с облегчением. Еще раз. Посмотрите на все сквозь пальцы. Махните на все рукой. Еще раз. Пожмите плечами. Так. (*Садится и задумывается.*)

Ученый достает из бокового кармана сюртука пачку писем.
Роется в них.

Аннунциата. Ну, что вы скажете, доктор? Как идут его дела?

Доктор. Плохо.

Аннунциата. Ну вот видите, а он говорит, что совершенно здоров.

Доктор. Да, он здоров. Но дела его идут плохо. И пойдут еще хуже, пока он не научится смотреть на мир сквозь пальцы, пока он не махнет на все рукой, пока он не овладеет искусством пожимать плечами.

Аннунциата. Как же быть, доктор? Как его научить всему этому?

Доктор молча пожимает плечами.

Ответьте мне, доктор. Ну, пожалуйста. Ведь я все равно не отстану, вы знаете, какая я упрямая. Что ему надо делать?

Доктор. Беречься!

Аннунциата. А он улыбается.

Доктор. Да, это бывает.

Аннунциата. Он ученый, он умный, он старше меня, но иногда мне хочется его просто отшлепать. Ну поговорите же с ним!

Доктор машет рукой.

Доктор!

Доктор. Вы же видите, он не слушает меня. Он уткнулся носом в какие-то записки.

Аннунциата. Это письма от принцессы. Сударь! Доктор хочет поговорить с вами, а вы не слушаете.

Ученый. Как не слушаю! Я все слышал.

Аннунциата. И что вы скажете на это?

Ученый. Скажу, скажу...

Аннунциата. Сударь!

Ученый. Сейчас! Я не могу найти тут... (Бормочет.) Как написала она — «всегда с вами» или «навсегда с вами»?

Аннунциата (жалобно). Я застрелю вас!

Ученый. Да, да, пожалуйста.

Доктор. Христиан-Теодор! Ведь вы ученый... Выслушайте же меня наконец. Я все-таки ваш товарищ.

Ученый (пряча письма). Да, да. Простите меня.

Доктор. В народных преданиях о человеке, который потерял тень, в монографиях Шамиссо и вашего друга Ганса-Христиана Андерсена говорится, что...

Ученый. Не будем вспоминать о том, что там говорится. У меня все кончится иначе.

Доктор. Ответьте мне как врачу — вы собираетесь жениться на принцессе?

Ученый. Конечно.

Доктор. А я слышал, что вы мечтаете как можно больше людей сделать счастливыми.

Ученый. И это верно.

Доктор. И то и другое не может быть верно.

Ученый. Почему?

Доктор. Женившись на принцессе, вы станете королем.

Ученый. В том-то и сила, что я не буду королем! Принцесса любит меня, и она уедет со мной. А корону мы отвергнем — видите, как хорошо! И я объясню всякому, кто спросит, и втолкую самым нелюбопытным: королевская власть бессмысленна и ничтожна. Поэтому-то я и отказался от престола.

Доктор. И люди поймут вас?

Ученый. Конечно! Ведь я докажу им это живым примером.

Доктор молча машет рукой.

Человеку можно объяснить все. Ведь азбуку он понимает, а это еще проще, чем азбука, и, главное, так близко касается его самого!

Через сцену, играя, пробегают курортники.

Доктор (указывая на них). И эти тоже поймут вас?

Ученый. Конечно! В каждом человеке есть что-то живое. Надо его за живое задеть — и все тут.

Доктор. Ребенок! Я их лучше знаю. Ведь они у меня лечатся.

Ученый. А чем они больны?

Доктор. Сытостью в острой форме.

Ученый. Это опасно?

Доктор. Да, для окружающих.

Ученый. Чем?

Доктор. Сытость в острой форме внезапно овладевает даже достойными людьми. Человек честным путем заработал много денег. И вдруг у него появляется зловещий симптом: особый, беспокойный, голодный взгляд обеспеченного человека. Тут ему и конец. Отныне он бесплоден, слеп и жесток.

Ученый. А вы не пробовали объяснить им все?

Доктор. Вот от этого я и хотел вас предостеречь. Горе тому, кто попытается заставить их думать о чем-нибудь, кроме денег. Это их приводит в настоящее бешенство.

Пробегают курортники.

Ученый. Посмотрите, они веселы!

Доктор. Отдыхают!

Быстро входит Юлия Джули.

Юлия (доктору). Вот вы наконец. Вы совсем здоровы?

Доктор. Да, Юлия.

Юлия. Ах, это доктор.

Доктор. Да, это я, Юлия.

Юлия. Зачем вы смотрите на меня, как влюбленный заяц? Убирайтесь!

Доктор хочет ответить, но уходит в павильон, молча махнув рукой.

Где вы, Христиан-Теодор?

Ученый. Вот я.

Юлия (*подходит к нему*). Да, это вы. (*Улыбается.*) Как я рада видеть вас! Ну, что вам сказал этот ничтожный доктор?

Ученый. Он сказал мне, что я здоров. Почему вы называете его ничтожным?

Юлия. Ах, я любила его когда-то, а таких людей я потом ужасно ненавижу.

Ученый. Это была несчастная любовь?

Юлия. Хуже. У этого самого доктора безобразная и злая жена, которой он смертельно боится. Целовать его можно было только в затылок.

Ученый. Почему?

Юлия. Он все время оборачивался и глядел, не идет ли жена. Но довольно о нем. Я пришла сюда, чтобы... предостеречь вас, Христиан-Теодор. Вам грозит беда.

Ученый. Не может быть. Ведь я так счастлив!

Юлия. И все-таки вам грозит беда.

Аннунциата. Не улыбайтесь, сударыня, умоляю вас. Иначе мы не пойдем, серьезно вы говорите или шутите, и, может быть, даже погибнем из-за этого.

Юлия. Не обращайтесь внимания на то, что я улыбаюсь. В нашем кругу, в кругу настоящих людей, всегда улыбаются на всякий случай. Ведь тогда, что бы ты ни сказал, можно повернуть и так и этак. Я говорю серьезно, Христиан-Теодор. Вам грозит беда.

Ученый. Какая?

Юлия. Я говорила вам, что в нашем кругу бывает один министр?

Ученый. Да.

Юлия. Это министр финансов. Он бывает в нашем кругу из-за меня. Он ухаживает за мной и все время собирается сделать мне предложение.

Аннунциата. Он? Да он и ходить-то не умеет!

Юлия. Его водят прекрасно одетые лакеи. Ведь он так богат. И я сейчас встретила его. И он спросил, куда я иду. Услышав ваше имя, он поморщился, Христиан-Теодор.

Аннунциата. Какой ужас!

Юлия. В нашем кругу мы все владеем одним искусством — мы изумительно умеем читать по лицам саванников. И даже я, при моей близорукости, прочла сейчас на лице министра, что против вас что-то затевается, Христиан-Теодор.

Ученый. Ну и пусть затевается.

Юлия. Ах, вы меня испортили за эти две недели. Зачем только я навещала вас! Я превратилась в сентиментальную мещанку. Это так хлопотливо. Аннунциата, уведите его.

Ученый. Зачем?

Юлия. Сейчас сюда придет министр финансов, и я пушу в ход все свои чары и узнаю, что они затевают. Я даже попробую спасти вас, Христиан-Теодор.

Аннунциата. Как мне отблагодарить вас, сударыня?

Юлия. Никому ни слова, если вы мне действительно благодарны. Уходите.

Аннунциата. Идемте, сударь.

Ученый. Аннунциата, вы ведь знаете, что я должен здесь встретиться с принцессой.

Юлия. У вас еще час времени. Уходите, если вы любите принцессу и жалеете меня.

Ученый. До свидания, бедная Юлия. Как вы озабочены обе! И только я один знаю — все будет прекрасно.

Аннунциата. Он идет. Сударыня, умоляю вас...

Юлия. Тише! Я же сказала вам, что попробую.

Ученый и Аннунциата уходят. Появляется министр финансов, его ведут лакеи.

Министр финансов. Лакеи! Усадите меня возле этой обворожительной женщины. Придайте мне позу, располагающую к легкой, остроумной болтовне.

Лакеи повинуются.

Так, теперь уходите.

Лакеи уходят.

Юлия, я хочу обрадовать вас.

Юлия. Вам это легко сделать.

Министр финансов. Очаровательница! Цирцея! Афродита! Мы сейчас беседовали о вас в канцелярии первого министра.

Юлия. Шалуны!

Министр финансов. Уверю вас! И мы все сошлись на одном: вы умная, практичная нимфа!

Юлия. О куртизаны!

Министр финансов. И мы решили, что именно вы поможете нам в одном деле.

Юлия. Говорите, в каком. Если оно нетрудное, то я готова для вас на все.

Министр финансов. Пустяк! Вы должны будете помочь нам уничтожить приезжего ученого, по имени Теодор-Христиан. Ведь вы знакомы с ним, не так ли? Вы поможете нам?

Юлия не отвечает.

Лакеи!

Появляются лакеи.

Позу крайнего удивления!

Лакеи повинуются.

Юлия, я крайне удивлен. Почему вы смотрите на меня так, будто не знаете, что мне ответить?

Юлия. Я и в самом деле не знаю, что сказать вам.

Эти две недели просто губят меня.

Министр финансов. Я не понял.

Юлия. Я сама себя не понимаю.

Министр финансов. Это отказ?

Юлия. Не знаю.

Министр финансов. Лакеи!

Вбегают лакеи.

Позу крайнего возмущения!

Лакеи повинуются.

Я крайне возмущен, госпожа Юлия Джули! Что это значит? Да уж не влюбились ли вы в нищего мальчишку? Молчать! Встать! Руки по швам! Перед вами не мужчина, а министр финансов. Ваш отказ показывает, что вы недостаточно уважаете всю нашу государственную систему. Тихо! Молчать! Под суд!

Ю л и я. Подождите!

Министр финансов. Не подожду! «Ах, зачем я не лужайка!» Только теперь я понял, что вы этим хотите сказать. Вы намекаете на то, что у фермеров мало земли. А? Что? Да я вас... Да я вам... Завтра же газеты разберут по косточкам вашу фигуру, вашу манеру петь, вашу частную жизнь. Лакеи! Топнуть ногой!

Лакеи топают ногой.

Да не своей, болваны, а моей!

Лакеи повинуются.

До свидания, бывшая знаменитость!

Ю л и я. Подождите же!

Министр финансов. Не подожду!

Ю л и я. Взгляните на меня!

Министр финансов. Потрудитесь называть меня «ваше превосходительство»!

Ю л и я. Взгляните на меня, ваше превосходительство.

Министр финансов. Ну?

Ю л и я. Неужели вы не понимаете, что для меня вы всегда больше мужчина, чем министр финансов?

Министр финансов (*польщенно*). Да ну, бросьте!

Ю л и я. Даю вам слово. А разве мужчине можно сразу сказать «да»?

Министр финансов. Афродита! Уточним, вы согласны?

Ю л и я. Теперь я отвечу — да.

Министр финансов. Лакеи! Обнять её!

Лакеи обнимают Юлию.

Болваны! Я хочу обнять ее. Так. Дорогая Юлия, спасибо. Завтра же приказом по канцелярии я объявлю себя вашим главным покровителем. Лакеи! Усадите меня возле этой Афродиты. Придайте мне позу крайней беззаботности. И вы, Юлия, примите беззаботную позу, но слушайте меня в оба уха. Итак, через некоторое время вы застанете здесь ученого, оживленно разговаривающего с чиновником особо важных дел. И вы под любым

предлогом уведете отсюда ученого минут на двадцать. Вот и все.

Юлия. И все?

Министр финансов. Видите, как просто! А как раз эти двадцать минут его и погубят окончательно. Пойдемте к ювелиру, я куплю вам кольцо несметной ценности. Идемте. Лакеи! Унесите нас.

Удаляются. Входят помощник и Пьетро с Цезарем Борджиа.

Помощник. Здравствуйте, господа!

Пьетро. Да ведь мы уже виделись сегодня утром.

Помощник. Советую вам забыть, что мы виделись сегодня утром. Я не забуду, что вы в свое время нашли меня, устроили меня во дворец, помогли мне выйти в люди. Но вы, господа, раз и навсегда забудьте, кем я был, и помните, кем я стал.

Цезарь Борджиа. Кто же вы теперь?

Помощник. Я теперь чиновник особо важных дел канцелярии его превосходительства первого министра.

Цезарь Борджиа. Как это удалось вам? Вот это успех! Прямо черт знает что такое! Вечная история!

Помощник. Я добился этого успеха собственными усилиями. Поэтому я вторично напоминаю вам: забудьте о том, кем я был.

Пьетро. Забыть можно. Если не поссоримся, чего там вспоминать!

Цезарь Борджиа. Трудно забыть об этом. Но молчать до поры до времени можно. Вы поняли мой намек?

Помощник. Я понял вас, господа. Мы не поссоримся, пока вы будете молчать о том, кем я был. Теперь слушайте внимательно. Мне поручено дело № 8989. *(Показывает папку.)* Вот оно.

Пьетро *(читает)*. Дело о замужестве принцессы.

Помощник. Да. Здесь, в этой папке, все: и принцесса, и он, и вы, и настоящее, и будущее.

Цезарь Борджиа. Кто намечен в женихи этой высокой особе — меня это мало волнует, как и все в этой, как говорится, земной жизни, но все-таки...

Помощник. В женихи принцессы намечены вы оба.

Пьетро. Дьявол! Как так оба?

Цезарь Борджиа. Я и он?

Помощник. Да. Надо же все-таки, чтобы у принцессы был выбор...

Цезарь Борджиа. Но вы сами должны видеть!

Пьетро. Какого дьявола ей нужно, когда есть я!

Помощник. Тихо! Решение окончательное. Предлагаю я — выбирает принцесса. Пьетро, уведите домой вашу дочь. Мне нужно говорить с ученым, а она охраняет его, как целый полк гвардии.

Цезарь Борджиа. Она влюбилась в него. А Пьетро слеп, как полагается отцу!

Пьетро. Дьявол! Я убью их обоих!

Цезарь Борджиа. Давно пора.

Пьетро. Сатана! Вы нарочно искушаете меня! Меня арестуют за убийство, а вы останетесь единственным женихом? Этого вы хотите?

Цезарь Борджиа. Да, хочу. И это вполне естественное желание. До свидания.

Пьетро. Нет уж, вы не уйдете. Я знаю, куда вы собрались.

Цезарь Борджиа. Куда?

Пьетро. Вы хотите так или иначе съесть меня. Не выйдет. Я не отойду от вас ни на шаг.

Помощник. Тише. Он идет сюда. Договоримся так: тот из вас, кто будет королем, заплатит другому хороший выкуп. Назначит, например, пострадавшего первым королевским секретарем или начальником стражи. Смотрите: он идет. Ему весело.

Цезарь Борджиа. А как вы с ним будете говорить?

Помощник. Я с каждым говорю на его языке.

Входят ученый и Аннунциата.

Ученый. Какой прекрасный день, господа!

Пьетро. Да, ничего себе денек, будь он проклят. Аннунциата, домой!

Аннунциата. Папа...

Пьетро. Домой! Иначе будет плохо тебе и кое-кому другому. Ты даже не сказала кухарке, что сегодня готовить на ужин.

Аннунциата. Мне все равно.

Пьетро. Что вы говорите, чудовище? Господин Цезарь Борджиа, идemте с нами домой, друг, или, клянусь честью, я вас тихонечко прикончу кинжалом.

Уходят. Помощник, державшийся во время предыдущего разговора в стороне, подходит к ученому.

Помощник. Вы не узнаете меня?

Ученый. Простите, нет.

Помощник. Посмотрите внимательней.

Ученый. Что такое? Я чувствую, что знаю вас, и знаю хорошо, но...

Помощник. А мы столько лет прожили вместе.

Ученый. Да что вы говорите?

Помощник. Уверяю вас. Я следовал за вами неотступно, но вы только изредка бросали на меня небрежный взгляд. А ведь я часто бывал выше вас, подымался до крыш самых высоких домов. Обыкновенно это случалось в лунные ночи.

Ученый. Так, значит, вы...

Помощник. Тише! Да, я ваша тень... Почему вы недоверчиво смотрите на меня? Ведь я всю жизнь со дня вашего рождения был так привязан к вам.

Ученый. Да нет, я просто...

Тень. Вы сердитесь на меня за то, что я покинул вас. Но вы сами просили меня пойти к принцессе, и я немедленно исполнил вашу просьбу. Ведь мы выросли вместе среди одних и тех же людей. Когда вы говорили «мама», я беззвучно повторял то же слово. Я любил тех, кого вы любили, а ваши враги были моими врагами. Когда вы хворали — и я не мог поднять головы от подушки. Вы поправлялись — поправлялся и я. Неужели после целой жизни, прожитой в такой тесной дружбе, я мог бы вдруг стать вашим врагом!

Ученый. Да нет, что вы! Садитесь, старый приятель. Я болел без вас, а теперь вот поправился... Я чувствую себя хорошо. Сегодня такой прекрасный день. Я счастлив, у меня сегодня душа открыта — вот что

я вам скажу, хотя, вы знаете, я не люблю таких слов. Но вы просто тронули меня... Ну а вы, что вы делали это время?.. Или нет, подождите, давайте сначала перейдем на «ты».

Тень (*протягивая ученому руку*). Спасибо. Я остался твоей тенью, вот что я делал все эти дни.

Ученый. Я не понимаю тебя.

Тень. Ты послал меня к принцессе. Я сначала устроился помощником главного лакея во дворце, потом поднимался все выше и выше, и с сегодняшнего дня я чиновник особо важных дел при первом министре.

Ученый. Бедняга! Воображаю, как трудно среди этих людей! Но зачем ты это сделал?

Текь. Ради тебя.

Ученый. Ради меня?

Тень. Ты сам не знаешь, какой страшной ненавистью окружен с тех пор, как полюбил принцессу, а принцесса тебя. Все они готовы съесть тебя, и съели бы сегодня же, если бы не я.

Ученый. Что ты!

Тень. Я среди них, чтобы спасти тебя. Они доверяют мне. Они мне поручили дело № 8989.

Ученый. Что же это за дело?

Тень. Это дело о замужестве принцессы.

Ученый. Не может быть.

Тень. И счастье наше, что это дело находится в верных руках. Меня направил к тебе сам первый министр. Мне поручено купить тебя.

Ученый. Купить? (*Смеется.*) За сколько?

Тень. Пустяки. Они обещают тебе славу, почет и богатство, если ты откажешься от принцессы.

Ученый. А если я не продамся?

Тень. Тебя убьют сегодня же.

Ученый. Никогда в жизни не поверю, что я могу умереть, особенно сегодня.

Тень. Христиан, друг мой, брат, они убьют тебя, поверь мне. Разве они знают дорожки по которым мы бегали в детстве, мельницу, где мы болтали с водяным, лес, где мы встретили дочку учителя и влюбились — ты в нее, а я в ее тень. Они и представить себе не могут, что ты живой человек. Для них ты — препятствие, вроде

ния или колоды. Поверь мне, еще и солнце не зайдет, как ты будешь мертв.

Ученый. Что же ты мне посоветуешь сделать?

Тень (*достает из папки бумагу*). Подпиши это.

Ученый (*читает*). «Я, нижеподписавшийся, решительно, бесповоротно и окончательно отказываюсь вступить в брак с наследною принцессою королевства, если взамен этого мне обеспечены будут слава, почет и богатство». Ты серьезно предлагаешь мне подписать это?

Тень. Подпиши, если ты не мальчик, если ты настоящий человек.

Ученый. Да что с тобой?

Тень. Пойми ты, у нас нет другого выхода. С одной стороны — мы трое, а с другой — министры, тайные советники, все чиновники королевства, полиция и армия. В прямом бою нам не победить. Поверь мне, я всегда был ближе к земле, чем ты. Слушай меня: эта бумажка их успокоит. Сегодня же вечером ты наймешь карету, за тобой не будут следить. А в лесу к тебе в карету сядем мы — принцесса и я. И через несколько часов мы свободны. Пойми ты — свободны. Вот походная чернильница, вот перо. Подпиши.

Ученый. Ну хорошо. Сейчас сюда придет принцесса, я посоветуюсь с ней и, если нет другого выхода, подпишу.

Тень. Нельзя ждать! Первый министр дал мне всего двадцать минут сроку. Он не верит, что тебя можно купить, он считает наш разговор простой формальностью. У него уже сидят дежурные убийцы и ждут приказания. Подпиши.

Ученый. Ужасно не хочется.

Тень. Ты тоже убийца! Отказываясь подписать эту жалкую бумажонку, ты убиваешь меня, лучшего своего друга, и бедную, беспомощную принцессу. Разве мы переживем твою смерть!

Ученый. Ну хорошо, хорошо. Давай, я подпишу. Но только... я никогда в жизни больше не буду подходить так близко к дворцам... (*Подписывает бумагу.*)

Тень. А вот и королевская печать. (*Ставит печать.*)

Вбегает Ю л и я. Тень скромно отходит в сторону.

Юлия. Христиан! Я погибла.

Ученый. Что случилось?

Юлия. Помогите мне.

Ученый. Я готов... Но как? Вы не шутите?

Юлия. Нет! Разве я улыбаюсь? Это по привычке. Идите со мной немедленно. Идите!

Ученый. Честное слово, я не могу уйти отсюда.

Сейчас сюда придет принцесса.

Юлия. Дело идет о жизни и смерти!

Ученый. Ах, я догадываюсь, в чем дело... Вы узнали у министра финансов, какая беда мне грозит, и хотите предупредить меня. Спасибо вам, Юлия, но...

Юлия. Ах, вы не понимаете... Ну, оставайтесь. Нет! Я не хочу быть добродетельной, сентиментальной мещанкой. Я вовсе не собираюсь предупреждать вас. Дело касается меня! Христиан, простите... Идите со мной, иначе я погибну. Ну хотите, я стану перед вами на колени? Идите же!

Ученый. Хорошо. Я скажу только два слова моему другу. *(Подходит к Тени.)* Слушай, сейчас сюда придет принцесса.

Тень. Да.

Ученый. Скажи ей, что я прибегу через несколько минут. Я не могу отказать этой женщине. Произошло какое-то несчастье.

Тень. Иди спокойно. Я все объясню принцессе

Ученый. Спасибо.

Уходят.

Тень. Проклятая привычка! У меня болят руки, ноги, шея. Мне все время хотелось повторять каждое его движение. Это просто опасно... *(Открывает папку.)* Так... Пункт четвертый — выполнен... *(Углубляется в чтение.)*

Входят принцесса и тайный советник. Тень выпрямляется во весь рост, смотрит пристально на принцессу.

Принцесса. Тайный советник, где же он? Почему его нет здесь?

Тайный советник *(шепотом)*. Он сейчас придет, принцесса, и все будет прекрасно.

Принцесса. Нет, это ужасное несчастье! Молчите, вы ничего не понимаете. Вы не влюблены, вам легко говорить, что все идет прекрасно! И кроме того, я принцесса, я не умею ждать. Что это за музыка?

Тайный советник. Это в ресторане, принцесса.

Принцесса. Зачем у нас в ресторане всегда играет музыка?

Тайный советник. Чтобы не слышно было, как жуют, принцесса.

Принцесса. Оставьте меня в покое... Ну что же это такое? (Тени.) Эй, вы, зачем вы смотрите на меня во все глаза?

Тень. Я должен заговорить с вами и не смею принцесса.

Принцесса. Кто вы такой?

Тень. Я его лучший друг.

Принцесса. Чей?

Тень. Я лучший друг того, кого вы ждете, принцесса.

Принцесса. Правда? Что же вы молчите?

Тень. Мой ответ покажется вам дерзким, принцесса.

Принцесса. Ничего, говорите.

Тень. Я молчал потому, что ваша красота поразила меня.

Принцесса. Но это вовсе не дерзость. Он вас послал ко мне?

Тень. Да. Он просил сказать, что сейчас придет, принцесса. Очень важное дело задержало его. Все благополучно, принцесса.

Принцесса. Но он скоро придет?

Тень. Да.

Принцесса. Ну, вот мне опять стало весело. Вы будете меня занимать до его прихода. Ну?

Тень молчит.

Ну же! Мне неловко напоминать вам об этом, но ведь я принцесса. Я привыкла, чтобы меня занимали...

Тень. Хорошо, я исполню ваше приказание. Я буду рассказывать вам сны, принцесса.

Принцесса. А ваши сны интересны?

Тень. Я буду рассказывать вам ваши сны, принцесса.

Принцесса. Мои?

Тень. Да. Третьего дня ночью вам приснилось, что стены дворца вдруг превратились в морские волны. Вы крикнули: «Христиан!» — и он появился в лодке и протянул вам руку...

Принцесса. Но ведь я никому не рассказывала этот сон!..

Тень. И вы очутились в лесу... И волк вдруг поднялся в кустах. А Христиан сказал: «Не бойся, это добрый волк» — и погладил его. А вот еще один сон. Вы скакали на коне по полю. Трава на вашем пути становилась все выше и выше и наконец стеной стала вокруг. Вам показалось, что это красиво, удивительно красиво, до того красиво, что вы стали плакать, и проснулись в слезах.

Принцесса. Но откуда вы это знаете?

Тень. Любовь творит чудеса, принцесса.

Принцесса. Любовь?

Тень. Да. Ведь я очень несчастный человек, принцесса. Я люблю вас.

Принцесса. Вот как... Советник!

Тайный советник. Да, принцесса.

Принцесса. Позовите... Нет, отойдите на пять шагов.

Советник отсчитывает шаги.

Я...

Тень. Вы хотели, чтобы он позвал стражу, принцесса, и, сами не понимая, как это вышло, приказали ему отойти на пять шагов.

Принцесса. Вы...

Тень. Я люблю вас, принцесса. И вы сами чувствуете это. Я до того полон вами, что ваша душа понятна мне, как моя собственная. Я рассказал вам только два ваших сна, а ведь я помню их все. Я знаю и страшные ваши сны, и смешные, и такие, которые можно рассказывать только на ухо.

Принцесса. Нет...

Тень. Хотите, я расскажу вам тот сон, который поразил вас? Помните? В том сне с вами был не он, не

Христиан, а какой-то совсем другой человек с незнакомым лицом, и вам именно это и нравилось, принцесса. И вы с ним...

Принцесса. Советник! Позовите стражу.

Тайный советник. Слушаюсь, принцесса.

Принцесса. Но пусть стража пока стоит там, за кустами. Говорите еще. Я слушаю, потому что... потому что мне просто скучно ждать его.

Тень. Люди не знают теневой стороны вещей, а именно в тени, в полумраке, в глубине и таится то, что придает остроту нашим чувствам. В глубине вашей души — я.

Принцесса. Довольно. Я вдруг очнулась! Сейчас стража возьмет вас, и ночью вы будете обезглавлены.

Тень. Прочтите это!

Достает из папки бумагу, которую подписал ученый. Принцесса читает ее.

Он милый человек, славный человек, но он мелок. Он уговаривал вас бежать с ним, потому что боялся стать королем — ведь это опасно. И он продал вас. Трус!

Принцесса. Я не верю этой бумаге.

Тень. Но тут королевская печать. Я подкупил вашего ничтожного жениха, я взял вас с бою. Прикажите отрубить мне голову.

Принцесса. Вы не дадите мне опомниться. Почему я знаю, может быть, вы тоже не любите меня. Какая я несчастная девушка!

Тень. А сны? Вы забыли сны, принцесса. Как я узнал ваши сны? Ведь только любовь может творить такие чудеса.

Принцесса. Ах да, верно...

Тень. Прощайте, принцесса.

Принцесса. Вы... вы уходите?.. Как вы смеете! Подойдите ко мне, дайте мне руку... Это... Все это... так... так интересно... (Поцелуй.) Я... я даже не знаю, как вас зовут.

Тень. Теодор-Христиан.

Принцесса. Как хорошо! Это почти... почти то же самое. (Поцелуй.)

Вбегает ученый и останавливается как вкопанный.

Тайный советник. Советую вам уйти отсюда, здесь принцесса дает аудиенцию одному из своих подданных.

Ученый. Луиза!

Принцесса. Уходите прочь, вы мелкий человек.

Ученый. Что ты говоришь, Луиза?

Принцесса. Вы подписали бумагу, в которой отказывается от меня?

Ученый. Да... но...

Принцесса. Достаточно. Вы милый человек, но вы ничтожество! Идем, Теодор-Христиан, дорогой.

Ученый. Негодяй! (Бросается к Тени.)

Принцесса. Стража!

Из кустов выбегает стража.

Проводите нас во дворец.

Уходят. Ученый опускается на скамью. Из павильона быстро выходит доктор.

Доктор. Махните на все это рукой. Сейчас же махните рукой, иначе вы сойдете с ума.

Ученый. А вы знаете, что произошло?

Доктор. Да, у меня чуткие уши. Я все слышал.

Ученый. Каким образом он добился того, что она поцеловала его?

Доктор. Он ее ошеломил. Он рассказал ей все ее сны.

Ученый. Как он узнал ее сны?

Доктор. Да ведь сны и тени в близком родстве. Они, кажется, двоюродные.

Ученый. Вы все слышали и не вмешались?

Доктор. Что вы! Ведь он чиновник особо важных дел. Вы разве не знаете, какая это страшная сила?.. Я знал человека необычайной храбрости. Он ходил с ножом на медведей, один раз даже пошел на льва с голыми руками,— правда, с этой последней охоты он так и не вернулся. И вот этот человек упал в обморок, толкнув нечаянно тайного советника. Это особый страх. Разве удивительно, что и я боюсь его? Нет, я не вмешался в это дело, и вы махните рукой на все.

Ученый. Не хочу

Доктор. Ну что вы можете сделать?

Ученый. Я уничтожу его.

Доктор. Нет. Послушайте меня, вы ведь не знаете, и никто на свете не знает, что я сделал великое открытие. Я нашел источник живой углекислой воды. Недалеко. Возле самого дворца. Вода эта излечивает все болезни, какие есть на земле, и даже воскрешает мертвых, если они хорошие люди. И что из этого вышло? Министр финансов приказал мне закрыть источник. Если мы вылечим всех больных, кто к нам будет ездить? Я боролся с министром как бешеный — и вот на меня двинулись чиновники. Им все безразлично. И жизнь, и смерть, и великие открытия. И именно поэтому они победили. И я махнул на все рукой. И мне сразу стало легче жить на свете. И вы махните на все рукой и живите, как я.

Ученый. Чем вы живете? Ради чего?

Доктор. Ах, мало ли... Вот поправился больной. Вот жена уехала на два дня. Вот написали в газете, что я все-таки подаю надежды.

Ученый. И только?

Доктор. А вы хотите жить для того, чтобы как можно больше людей сделать счастливыми? Так и дадут вам чиновники жить! Да и сами люди этого терпеть не могут. Махните на них рукой. Смотрите сквозь пальцы на этот безумный, несчастный мир.

Ученый. Не могу.

За сценой барабан и трубы.

Доктор. Он возвращается. (*Торопливо уходит в павильон.*)

Появляется большой отряд стражи с трубачами и барабанщиками. Во главе отряда Тень, в черном фраке и ослепительном белье. Шествие останавливается посреди сцены.

Тень. Христиан! Я отдам два-три приказания, а потом займусь тобой!

Вбегает, запыхавшись, первый министр. Бегут бегом лакеи, несут министра финансов. Появляются под руку Пьетро и Цезарь Борджиа.

Первый министр. Что все это значит? Ведь мы решили.

Тень. А я перерешил по-своему.

Первый министр. Но послушайте...

Тень. Нет, вы послушайте, любезный. Вы знаете, с кем вы говорите?

Первый министр. Да.

Тень. Так почему же вы не называете меня «ваше превосходительство»? Вы еще не были в канцелярии?

Первый министр. Нет, я обедал, ваше превосходительство.

Тень. Пройдите туда. Дело № 8989 окончено. В конце подшито волеизъявление принцессы и мой приказ за № 0001. Там приказано именовать меня «ваше превосходительство», пока мы не примем новый, подobaющий нам титул.

Первый министр. Так, значит, все оформлено?

Тень. Да.

Первый министр. Тогда ничего не поделаешь. Поздравляю вас, ваше превосходительство.

Тень. Что вы хмуритесь, министр финансов?

Министр финансов. Не знаю, как это будет принято в деловых кругах. Вы все-таки из компании ученых. Начнутся всякие перемены, а мы этого терпеть не можем.

Тень. Никаких перемен. Как было, так будет. Никаких планов. Никаких мечтаний. Вот вам последние выводы моей науки.

Министр финансов. В таком случае поздравляю вас, ваше превосходительство.

Тень. Пьетро! Принцесса выбрала жениха, но это не вы.

Пьетро. Черт с ним, ваше превосходительство, заплатите мне только.

Тень. Цезарь Борджиа! И вам не быть королем.

Цезарь Борджиа. Мне останется одно — писать мемуары, ваше превосходительство.

Тень. Не огорчайтесь. Я ценю старых друзей, которые знали меня, когда я был еще простым чиновни-

ком особо важных дел. Вы — назначены королевским секретарем. Вы — начальником королевской стражи.

Пьетро и Цезарь Борджиа кланяются.

Господа, вы свободны.

Все уходит с поклонами. Тень подходит к ученому.

Видал?

Ученый. Да.

Тень. Что скажешь?

Ученый. Скажу: откажись немедленно от принцессы и от престола — или я тебя заставлю это сделать.

Тень. Слушай, ничтожный человек. Завтра же я отдам ряд приказов — и ты окажешься один против целого мира. Друзья с отвращением отвернутся от тебя. Враги будут смеяться над тобой. И ты приползешь ко мне и попросишь пощады.

Ученый. Нет.

Тень. Увидим. В двенадцать часов ночи со вторника на среду ты придешь во дворец и пришлешь мне записку: «Сдаюсь, Христиан-Теодор». И я, так и быть, дам тебе место при моей особе. Стража, за мной!

Барабаны и трубы. Тень уходит со свитой.

Ученый. Аннунциата! Аннунциата!

Аннунциата вбегает.

Аннунциата. Я здесь. Сударь! Может быть... может быть, вы послушаетесь доктора? Может быть, вы махнете на все рукой? Простите... Не сердитесь на меня. Я буду вам помогать. Я пригожусь вам. Я очень верная девушка, сударь.

Ученый. Аннунциата, какая печальная сказка!

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Ночь. Горят факелы. Горят плашки на карнизах, колоннах, балконах дворца. Толпа, оживленная и шумная.

Очень длинный человек. А вот кому рассказать, что я вижу? Всего за два грошика. А вот кому рассказать? Ох, интересно!

Маленький человек. Не слушайте его. Слушайте меня, я везде проскочу, я все знаю. А вот кому новости, всего за два грошика? Как они встретились, как познакомились, как первый жених получил отставку.

1-я женщина. А у нас говорят, что первый жених был очень хороший человек!

2-я женщина. Как же! Очень хороший! Отказался от нее за миллион.

1-я женщина. Ну? Да что ты?

2-я женщина. Это все знают! Она ему говорит: «Чудак, ты бы королем бы не меньше бы заработал бы!» А он говорит: «Еще и работать!»

1-я женщина. Таких людей топить надо!

2-я женщина. Еще бы! Королем ему трудно быть. А попробовал бы он по хозяйству!

Длинный человек. А кому рассказать, что я вижу в окне: идет по коридору главный королевский лакей и... ну, кто хочет знать, что дальше? Всего за два грошика.

Маленький человек. А вот кому портрет нового короля? Во весь рост! С короной на голове! С доброю улыбкою на устах! С благоволением в очах!

1-й человек из толпы. Король есть, теперь жить будет гораздо лучше.

2-й человек из толпы. Это почему же?

1-й человек из толпы. Сейчас объясню. Видишь?

2-й человек из толпы. Чего?

1-й человек из толпы. Видишь, кто стоит?

2-й человек из толпы. Никак, начальник стражи?

1-й человек из толпы. Ну да, он, переодетый.

2-й человек из толпы. Ага, вижу. *(Во весь голос.)* Король у нас есть, теперь проживем. *(Тихо.)* Сам-то переоделся, а на ногах военные сапоги со шпорами. *(Громко.)* Ох, как на душе хорошо!

1-й человек из толпы *(во весь голос)*. Да уж, что это за жизнь была без короля! Мы просто истосковались!

Толпа. Да здравствует наш новый король. Теодор Первый! Ура!

Расходятся понемногу, с опаской поглядывая на Пьетро. Он остается один. От стены отделяется фигура человека в плаще.

Пьетро. Ну, что нового, капрал?

Капрал. Ничего, все тихо. Двоих задержали.

Пьетро. За что?

Капрал. Один вместо «да здравствует король» кричал «да здравствует королева».

Пьетро. А второй?

Капрал. Второй — мой сосед.

Пьетро. А он что сделал?

Капрал. Да ничего, собственно. Характер у него поганый. Мою жену прозвал «дыней». Я до него давно добираюсь. А у вас как, господин начальник?

Пьетро. Все тихо. Народ ликует.

Капрал. Разрешите вам заметить, господин начальник. Сапоги.

Пьетро. Что сапоги?

Капрал. Вы опять забыли переменить сапоги. Шпоры так и звенят!

Пьетро. Да ну? Вот оказия!

Капрал. Народ догадывается, кто вы. Видите, как стало пусто вокруг?

Пьетро. Да... А впрочем... Ты свой человек, тебе я могу признаться: я нарочно вышел в сапогах со шпорами.

Капрал. Быть этого не может!

Пьетро. Да. Пусть уж лучше узнают меня, а то наслушаешься такого, что потом три ночи не спишь.

Капрал. Да, это бывает.

Пьетро. В сапогах куда спокойнее. Ходишь, пованиваешь шпорами — и слышишь кругом только то, что полагается.

Капрал. Да, уж это так.

Пьетро. Им легко там, в канцелярии. Они имеют дело только с бумажками. А мне каково с народом?

Капрал. Да, уж народ...

Пьетро (*шепотом*). Знаешь, что я тебе скажу: народ живет сам по себе!

Капрал. Да что вы!

Пьетро. Можешь мне поверить. Тут государь празднует коронавание, предстоит торжественная свадьба высочайших особ, а народ что себе позволяет? Многие парни и девки целуются в двух шагах от дворца, выбрав уголки потемнее. В доме номер восемь жена портного задумала сейчас рожать. В королевстве такое событие, а она как ни в чем не бывало, орет себе! Старый кузнец в доме номер три взял да и помер. Во дворце праздник, а он лежит в гробу и ухом не ведет. Это непорядок!

Капрал. В котором номере рожает? Я оштрафую.

Пьетро. Не в том дело, капрал. Меня пугает, как это они осмеливаются так вести себя. Что это за упрямство, а, капрал? А вдруг они так же спокойненько, упрямо, все разом... Ты это что?

Капрал. Я ничего...

Пьетро. Смотри, брат... Ты как стоишь?

Капрал вытягивается.

Я т-т-тебе! Старый черт... Разболтался! Рассуждаешь! Скажите пожалуйста, Жан-Жак Руссо! Который час?

Капрал. Без четверти двенадцать, господин начальник.

Пьетро. Ты помнишь, о чем надо крикнуть ровно в полночь?

Капрал. Так точно, господин начальник.

Пьетро. Я пойду в канцелярию, отдохну, успокоюсь, почитаю разные бумажки, а ты тут объяви что полагается, не забудь! (Уходит.)

Появляется ученый.

Ученый. Мне очень нравится, как горят эти фонарики. Кажется, никогда в жизни голова моя не работала так ясно. Я вижу и все фонарики разом, и каждый фонарик в отдельности. И я люблю все фонарики разом и каждый фонарик в отдельности. Я знаю, что к утру вы погаснете, друзья мои, но вы не жалейте об этом. Все-таки вы горели, и горели весело,—этого у вас никто не может отнять.

Человек, закутанный с головы до ног.
Христиан!

Ученый. Кто это? Да ведь это доктор.

Доктор. Вы меня так легко узнали... (Оглядывается.) Отойдите в сторону. Отвернитесь от меня! Нет, это звенит у меня в ушах, а мне показалось, что шпоры. Не сердитесь. Ведь у меня такая большая семья.

Ученый. Я не сержусь.

Выходят на авансцену.

Доктор. Скажите мне как врачу, вы решили сдатьсь?

Ученый. Нет. Я человек добросовестный, я должен пойти и сказать им то, что я знаю.

Доктор. Но ведь это самоубийство.

Ученый. Возможно.

Доктор. Умоляю вас, сдайтесь.

Ученый. Не могу.

Доктор. Вам отрубят голову!

Ученый. Не верю. С одной стороны — живая жизнь, а с другой — тень. Все мои знания говорят, что тень может победить только на время. Ведь мир-то держится на нас, на людях, которые работают! Прощайте!

Доктор. Слушайте, люди ужасны, когда воюешь с ними. А если жить с ними в мире, то может показаться, что они ничего себе.

Ученый. Это вы мне и хотели сказать?

Доктор. Нет! Может быть, я сошел с ума, но я не могу видеть, как вы идете туда безоружным. Тише. Запомните эти слова: «Тень, знай свое место».

Ученый. Я не понимаю вас!

Доктор. Все эти дни я рылся в старинных трудах о людях, потерявших тень. В одном исследовании автор, солидный профессор, рекомендует такое средство: хозяин тени должен крикнуть ей: «Тень, знай свое место», и тогда она опять на время превращается в тень.

Ученый. Что вы говорите! Да ведь это замечательно! Все увидят, что он тень. Вот! Я ведь вам говорил, что ему придется плохо! Жизнь — против него. Мы...

Доктор. Ни слова обо мне... Прощайте... (*Быстро уходит.*)

Ученый. Очень хорошо. Я думал погибнуть с честью, но победить — это куда лучше. Они увидят, что он тень, и поймут... Ну, словом, всё поймут... Я...

Толпой бегут люди.

Ученый. Что случилось?

1-й человек. Сюда идет капрал с трубой.

Ученый. Зачем?

1-й человек. Будет что-то объявлять... Вот он. Тише...

Капрал. Христиан-Теодор! Христиан-Теодор!

Ученый. Что такое? Я, кажется, испугался!

Капрал. Христиан-Теодор! Христиан-Теодор!

Ученый (*громко*). Я здесь.

Капрал. У вас есть письмо к королю?

Ученый. Вот оно.

Капрал. Следуйте за мной!

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Зал королевского дворца. Группами сидят придворные. Негромкие разговоры. Мажордом и помощники разносят угощение на подносах.

1-й придворный (*седой, прекрасное, грустное лицо*). Прежде мороженое подавали в виде очаровательных барашков, или в виде зайчиков, или котятков. Кровь стыла в жилах, когда приходилось откусывать голову кроткому, невинному созданию.

1-я дама. Ах да, да! У меня тоже стыла кровь в жилах, ведь мороженое такое холодное!

1-й придворный. Теперь подают мороженое в виде прекрасных плодов,— это гораздо гуманнее.

1-я дама. Вы правы! Какое у вас доброе сердце. Как поживают ваши милые канарейки?

1-й придворный. Ах, одна из них, по имени Золотая Капелька, простудилась и кашляла так, что я едва сам не заболел от сострадания. Теперь ей лучше. Она даже пробует петь, но я не позволяю ей.

Входит Пьетро.

Пьетро. Здравствуйте! Вы что там едите, господа?

2-й придворный. Мороженое, господин начальник королевской стражи.

Пьетро. Эй! Дай мне порцию. Живее, черт! Побольше клади, дьявол!

2-й придворный. Вы так любите мороженое, господин начальник?

Пьетро. Ненавижу. Но раз дают, надо брать, будь оно проклято.

Мажордом. Булочки с розовым кремом! Кому угодно, господа придворные? (*Тихо лакеям.*) В первую очередь герцогам, потом графам, потом баронам. Герцогам по шесть булочек, графам по четыре, баронам по две, остальным — что останется. Не перепутайте.

Один из лакеев. А по сколько булочек давать новым королевским секретарям?

Мажордом. По шесть с половиной...

Входит Цезарь Борджиа.

Цезарь Борджиа. Здравствуйте, господа. Смотрите на меня. Ну? Что? Как вам нравится мой галстук, господа? Это галстук более чем модный. Он войдет в моду только через две недели.

3-й придворный. Но как вам удалось достать это произведение искусства?

Цезарь Борджиа. О, очень просто. Мой поставщик галстуков — адмирал королевского флота. Он привозит мне галстуки из-за границы и выносит их на берег, запрятав в свою треуголку.

3-й придворный. Как это гениально просто!

Цезарь Борджиа. Я вам, как королевский секретарь, устрою дюжину галстуков. Господа, я хочу порадовать вас. Хотите? Тогда идите за мной, я покажу вам мои апартаменты. Красное дерево, китайский фарфор. Хотите взглянуть?

Придворные. Конечно! Мы умираем от нетерпения! Как вы любезны, господин королевский секретарь!

Цезарь Борджиа уходит, придворные за ним. Входит Аннунциата, за ней Юлия Джули.

Юлия. Аннунциата! Вы сердитесь на меня? Не отрицайте! Теперь, когда вы дочь сановника, я совершенно ясно читаю на вашем лице — вы сердитесь на меня. Ведь так?

Аннунциата. Ах, право, мне не до этого, сударыня.

Юлия. Вы все думаете о нем? Об ученом?

Аннунциата. Да.

Юлия. Неужели вы думаете, что он может победить?

Аннунциата. Мне все равно.

Юлия. Вы неправы. Вы девочка еще. Вы не знаете, что настоящий человек — это тот, кто побеждает... Ужасно только, что никогда не узнать наверняка, кто победит в конце концов. Христиан-Теодор такой странный! Вы знаете о нем что-нибудь?

Аннунциата. Ах, это такое несчастье! Мы переехали во дворец, и папа приказал лакеям не выпускать меня. Я даже письма не могу послать господину ученому. А он думает, наверное, что и я отвернулась

от него. Цезарь Борджиа каждый день уничтожает его в газете, папа читает и облизывается, а я читаю и чуть не плачу. Я сейчас в коридоре толкнула этого Цезаря Борджиа и даже не извинилась.

Юлия. Он этого не заметил, поверьте мне.

Аннунциата. Может быть. Вы знаете что-нибудь о господине ученом, сударыня?

Юлия. Да. Знаю. Мои друзья министры рассказывают мне все. Христиан-Теодор очутился в полном одиночестве. И, несмотря на все это, он ходит и улыбается.

Аннунциата. Ужасно!

Юлия. Конечно. Кто так ведет себя при таких тяжелых обстоятельствах? Это непонятно. Я устроила свою жизнь так легко, так изящно, а теперь вдруг — почти страдаю. Страдать — ведь это не принято! (*Хочет громко и кокетливо.*)

Аннунциата. Что с вами, сударыня?

Юлия. Придворные возвращаются сюда. Господин министр, вот вы наконец! Я, право, соскучилась без вас. Здравствуйте!

Лакеи вводят министра финансов.

Министр финансов. Раз, два, три, четыре... Так. Все бриллианты на месте. Раз, два, три... И жемчуга. И рубины. Здравствуйте, Юлия! Куда же вы?..

Юлия. Ах, ваша близость слишком волнует меня... Свет может заметить...

Министр финансов. Но ведь отношения наши оформлены в приказе...

Юлия. Все равно... Я отойду. Это будет гораздо элегантнее. (*Отходит.*)

Министр финансов. Она настоящая богиня... Лакеи! Посадите меня у стены. Придайте мне позу полного удовлетворения происходящими событиями. Поживее!

Лакеи исполняют приказание.

Прочь!

Лакеи уходят. Первый министр, как бы гуляя, приближается к министру финансов.

(*Улыбаясь тихо.*) Как дела, господин первый министр?

Первый министр. Все как будто в порядке.
(Улыбается.)

Министр финансов. Почему — как будто?

Первый министр. За долгие годы моей службы я открыл один не особенно приятный закон. Как раз тогда, когда мы полностью побеждаем, жизнь вдруг поднимает голову.

Министр финансов. Поднимает голову?.. Вы вызвали королевского палача?

Первый министр. Да, он здесь. Улыбайтесь, за нами следят.

Министр финансов (улыбается). А топор и плаха?

Первый министр. Привезены. Плаха установлена в розовой гостиной, возле статуи купидона, и замаскирована незабудками.

Министр финансов. Что ученый может сделать?

Первый министр. Ничего. Он одинок и бессилен. Но эти честные, наивные люди иногда поступают так неожиданно!

Министр финансов. Почему его не казнили сразу?

Первый министр. Король против этого. Улыбайтесь! (Отходит, улыбаясь.)

Входит тайный советник.

Тайный советник. Господа придворные, поздравляю вас! Его величество со своею августейшею невестою направляют стопы свои в этот зал. Вот радость-то.

Все встают. Дверь настежь распахивается. Входят под руку Тень и принцесса.

Тень (с изящным и величавым мановением руки). Садитесь!

Придворные (хором). Не сядем.

Тень. Садитесь!

Придворные. Не смеем.

Тень. Садитесь!

Придворные. Ну, так уж и быть. (Усаживаются.)

Тень. Первый министр!

Первый министр. Я здесь, ваше величество!

Тень. Который час?

Первый министр. Без четверти двенадцать, ваше величество!

Тень. Можете идти.

Принцесса. Мы где, в каком зале?

Тень. В малом тронном, принцесса. Видите?

Принцесса. Я ничего не вижу, кроме тебя. Я не узнаю комнат, в которых выросла, людей, с которыми прожила столько лет. Мне хочется их всех выгнать вон и остаться с тобою.

Тень. Мне тоже.

Принцесса. Ты чем-то озабочен?

Тень. Да. Я обещал простить Христиана, если он сам придет сюда сегодня в полночь. Он неудачник, но я много лет был с ним дружен. . .

Принцесса. Как ты можешь думать о ком-нибудь, кроме меня? Ведь через час наша свадьба.

Тень. Но познакомились мы благодаря Христиану!

Принцесса. Ах, да. Какой ты хороший человек. Теодор! Да, мы простим его. Он неудачник, но ты много лет был с ним дружен.

Тень. Тайный советник!

Тайный советник. Я здесь, ваше величество!

Тень. Сейчас сюда придет человек, с которым я хочу говорить наедине.

Тайный советник. Слушаю-с, ваше величество! Господа придворные! Его величество изволил назначить в этом зале аудиенцию одному из своих подданных. Вот счастливец-то!

Придворные поднимаются и уходят с поклонами.

Принцесса. Ты думаешь, он придет?

Тень. А что же еще ему делать? (*Целует принцессе руку.*) Я позову тебя, как только утешу и успокою его.

Принцесса. Я уйду, дорогой. Какой ты необыкновенный человек! (*Уходит вслед за придворными.*)

Тень открывает окно. Прислушивается. В комнате рядом бьют часы.

Тень. Полночь. Сейчас он придет.

Далеко-далеко внизу кричит капрал.

Капрал. Христиан-Теодор! Христиан-Теодор!

Тень. Что такое? Кажется, я испугался...

Капрал. Христиан-Теодор! Христиан-Теодор!

Голос ученого. Я здесь.

Капрал. У вас есть письмо к королю?

Ученый. Вот оно.

Капрал. Следуйте за мной!

Тень (*захлопывает окно, идет к трону, садится*). Я мог тянуться по полу, подниматься по стене и падать в окно в одно и то же время,— способен он на такую гибкость? Я мог лежать на мостовой, и прохожие, колеса, копыта коней не причиняли мне ни малейшего вреда,— а он мог бы так приспособиться к местности? За две недели я узнал жизнь в тысячу раз лучше, чем он. Неслышно, как тень, я проникал всюду, и подглядывал, и подслушивал, и читал чужие письма. Я знаю всю тeneвую сторону вещей. И вот теперь я сижу на троне, а он лежит у моих ног.

Распахивается дверь, входит начальник стражи.

Петро. Письмо, ваше величество.

Тень. Дай сюда. (*Читает.*) «Я пришел. Христиан-Теодор». Где он?

Петро. За дверью, ваше величество.

Тень. Пусть войдет.

Начальник стражи уходит. Появляется ученый. Останавливается против трона.

Ну, как твои дела, Христиан-Теодор?

Ученый. Мои дела плохи, Теодор-Христиан.

Тень. Чем же они плохи?

Ученый. Я очутился вдруг в полном одиночестве.

Тень. А что же твои друзья?

Ученый. Им наклеветали на меня.

Тень. А где же та девушка, которую ты любил?

Ученый. Она теперь твоя невеста.

Тень. Кто же виноват во всем этом, Христиан-Теодор?

Ученый. Ты в этом виноват, Теодор-Христиан.

Тень. Вот это настоящий разговор человека с тенью. Тайный советник!

Вбегает тайный советник.

Всех сюда! Поскорей!

Входит принцесса, садится с Тенью. Придворные входят и становятся полукругом. Среди них доктор.

Садитесь!

Придворные. Не сядем!

Тень. Садитесь!

Придворные. Не смеем!

Тень. Садитесь!

Придворные. Ну, так уж и быть. (*Усаживают.*)

Тень. Господа, перед вами человек, которого я хочу осчастливить. Всю жизнь он был неудачником. Наконец, на его счастье, я взошел на престол. Я назначаю его своею тенью. Поздравьте его, господа придворные!

Придворные встают и кланяются.

Я приравниваю его по рангу и почестям к королевским секретарям.

Мажордом (*громким шепотом*). Приготовьте ему шесть с половиной булочек!

Тень. Не смущайся, Христиан-Теодор! Если вначале тебе будет трудновато, я дам тебе несколько хороших уроков, вроде тех, что ты получил за эти дни. И ты скоро превратишься в настоящую тень, Христиан-Теодор. Займи свое место у наших ног.

Первый министр. Ваше величество, его назначение еще не оформлено. Разрешите, я прикажу начальнику стражи увести его до завтра.

Тень. Нет! Христиан-Теодор! Займи свое место у наших ног.

Ученый. Да ни за что! Господа! Слушайте так же серьезно, как я говорю! Вот настоящая тень. Моя тень! Тень захватила престол. Слышите?

Первый министр. Так я и знал. Государь!

Тень (*спокойно*). Первый министр, тише! Говори, неудачник! Я полюбуюсь на последнюю неудачу в твоей жизни.

Ученый. Принцесса, я никогда не отказывался от вас. Он обманул и запутал и вас и меня.

Принцесса. Не буду разговаривать!

Ученый. А ведь вы писали мне, что готовы уйти из дворца и уехать со мной, куда я захочу.

Принцесса. Не буду, не буду, не буду разговаривать!

Ученый. Но я пришел за вами, принцесса. Дайте мне руку — и бежим. Быть женой тени — это значит превратиться в безобразную, злую лягушку.

Принцесса. То, что вы говорите, неприятно. Зачем же мне слушать вас?

Ученый. Луиза!

Принцесса. Молчу!

Ученый. Господа!

Тайный советник. Советую вам не слушать его. Настоящие воспитанные люди просто не замечают поступков невоспитанных людей.

Ученый. Господа! Это жестокое существо погубит вас всех. Он у вершины власти, но он пуст. Он уже теперь томится и не знает, что ему делать. И он начнет мучить вас всех от тоски и безделья.

1-й придворный. Мой маленький жаворонок ест у меня из рук. А мой маленький скворец называет меня «папа».

Ученый. Юлия! Ведь мы так подружились с вами, вы ведь знаете, кто я. Скажите им.

Министр финансов. Юлия, я обожаю вас, но если вы позволите себе лишнее, я вас в порошок сотру.

Ученый. Юлия, скажите же им.

Юлия (показывает на ученого). Тень — это вы!

Ученый. Да неужели же я говорю в пустыне!

Аннунциата. Нет, нет! Отец все время грозил, что убьет вас, поэтому я молчала. Господа, послушайте меня! (Показывает на Тень.) Вот тень! Честное слово!

Легкое движение среди придворных.

Я сама видела, как он ушел от господина ученого. Я не лгу. Весь город знает, что я честная девушка.

Пьетро. Она не может быть свидетельницей!

Ученый. Почему?

Пьетро. Она влюблена в вас.

Ученый. Это правда, Аннунциата?

Аннунциата. Да, простите меня за это. И все-таки послушайте меня, господа.

Ученый. Довольно, Аннунциата. Спасибо. Эй, вы! Не хотели верить мне, так поверьте своим глазам. Тень! Знай свое место.

Тень встает с трудом, борясь с собой, подходит к ученому.

Первый министр. Смотрите! Он повторяет все его движения. Караул!

Ученый. Тень! Это просто тень. Ты тень, Теодор-Христиан?

Тень. Да, я тень, Христиан-Теодор! Не верьте! Это ложь! Я прикажу казнить тебя!

Ученый. Не посмеешь, Теодор-Христиан!

Тень (*падает*). Не посмею, Христиан-Теодор!

Первый министр. Довольно! Мне все ясно! Этот ученый — сумасшедший! И болезнь его заразительна. Государь заболел, но он поправится. Лакеи, унести государя.

Лакеи выполняют приказ. Принцесса бежит за ними.

Стража!

Входит капрал с отрядом солдат.

Взять его!

Ученого окружают.

Доктор!

Из толпы придворных выходит доктор. Министр показывает на ученого.

Это помешанный?

Доктор (*машет рукой*). Я давно говорил ему, что это безумие.

Первый министр. Безумие его заразительно?

Доктор. Да. Я сам едва не заразился этим безумием.

Первый министр. Излечимо оно?

Доктор. Нет.

Первый министр. Значит, надо отрубить ему голову.

Тайный советник. Позвольте, господин первый министр, ведь я, как церемониймейстер, отвечаю за праздник.

Первый министр. Ну, ну!

Тайный советник. Было бы грубо, было бы негуманно рубить голову бедному безумцу. Против казни я протестую, но маленькую медицинскую операцию над головой бедняги необходимо произвести немедленно. Медицинская операция не омрачит праздника.

Первый министр. Прекрасно сказано.

Тайный советник. Наш уважаемый доктор, как известно, терапевт, а не хирург. Поэтому в данном случае, чтобы ампутировать больной орган, я советую воспользоваться услугами господина королевского палача.

Первый министр. Господин королевский палач!

1-й придворный. Сию минуту. *(Встает. Говорит своей собеседнице, надевая белые перчатки.)* Прошу простить меня. Я скоро вернусь и расскажу вам, как я спас жизнь моим бедным кроликам. *(Первому министру.)* Я готов.

Аннунциата. Дайте же мне проститься с ним! Прощай, Христиан-Теодор!

Ученый. Прощай, Аннунциата!

Аннунциата. Тебе страшно, Христиан-Теодор?

Ученый. Да. Но я не прошу пощады. Я...

Первый министр. Барабаны!

Пьетро. Барабаны!

Барабанщик бьет в барабан.

Первый министр. Шагом марш!

Пьетро. Шагом марш!

Капра. Шагом марш!

Караул уходит и уводит ученого. Палач идет следом.

Первый министр. Господа, прошу вас на балкон — посмотреть фейерверк. А здесь тем временем приготавливают прохладительные и успокоительные напитки.

Все встают, двигаются к выходу. На сцене остаются Аннунциата и Юлия.

Юлия. Аннунциата, я не могла поступить иначе. Простите.

Аннунциата. Он совершенно здоров — и вдруг должен умереть!

Юлия. Мне это тоже ужасно, ужасно неприятно, поверьте мне. Но какой негодяй этот доктор! Так предать своего хорошего знакомого!

Аннунциата. А вы?

Юлия. Разве можно сравнивать! Этот ничтожный доктор ничего не терял. А я так люблю сцену. Вы плачете?

Аннунциата. Нет. Я буду плакать у себя в комнате.

Юлия. Надо учиться выбрасывать из головы все, что заставляет страдать. Легкое движение головой — и все. Вот так. Попробуйте.

Аннунциата. Не хочу.

Юлия. Напрасно. Не отворачивайтесь от меня. Клянусь вам, я готова убить себя, так мне жалко его. Но это между нами.

Аннунциата. Он еще жив?

Юлия. Конечно, конечно! Когда все будет кончено, они ударят в барабаны.

Аннунциата. Я не верю, что ничего нельзя сделать. Умоляю вас, Юлия, давайте остановим все это. Надо идти туда... Скорей!

Юлия. Тише!

Быстро входит доктор.

Доктор. Вина!

Мажордом. Вина доктору!

Юлия. Аннунциата, если вы мне дадите слово, что будете молчать, то я попробую помочь вам...

Аннунциата. Никому не скажу! Честное слово! Только скорее!

Юлия. Вовсе не надо спешить. Мое средство может помочь, только когда все будет кончено. Молчите. Слушайте внимательно. (Подходит к доктору.) Доктор!

Доктор. Да, Юлия.

Юлия. А ведь я знаю, о чем вы думаете.

Доктор. О вине.

Юлия. Нет, о воде...

Доктор. Мне не до шуток сейчас, Юлия.

Юлия. Вы знаете, что я не шучу.

Доктор. Дайте мне хоть на миг успокоиться.

Юлия. К сожалению, это невозможно. Сейчас одному нашему общему знакомому... ну, словом, вы понимаете меня.

Доктор. Что я могу сделать?

Юлия. А вода?

Доктор. Какая?

Юлия. Вспомните время, когда мы были так дружны... Однажды светила луна, сияли звезды, и вы рассказали мне, что открыли живую воду, которая лечивает все болезни и даже воскрешает мертвых, если они хорошие люди.

Аннунциата. Доктор, это правда? Есть такая вода?

Доктор. Юлия шутит, как всегда.

Аннунциата. Вы лжете, я вижу. Я сейчас убью вас!

Доктор. Я буду этому очень рад.

Аннунциата. Доктор, вы проснетесь завтра, а он никогда не проснется. Он называл вас: друг, товарищ!

Доктор. Глупая, несчастная девочка! Что я могу сделать? Вся вода у них за семью дверями, за семью замками, а ключи у министра финансов.

Юлия. Не верю, что вы не оставили себе бутылочку на черный день.

Доктор. Нет, Юлия! Уж настолько-то я честен. Я не оставил ни капли себе, раз не могу лечить всех.

Юлия. Ничтожный человек.

Доктор. Ведь министр любит вас, попросите у него ключи, Юлия!

Юлия. Я? Эгоист! Он хочет все свалить на меня.

Аннунциата. Сударыня!

Юлия. Ни слова больше! Я сделала все, что могла.

Аннунциата. Доктор!

Доктор. Что я могу сделать?

Мажордом. Его величество!

Зал наполняется придворными. Медленно входит Тень и принцесса. Они садятся на трон. Первый министр подает знак мажордому.

Сейчас солистка его величества, находящаяся под покровительством его высокопревосходительства господина министра финансов, госпожа Юлия Джули исполнит прохладительную и успокоительную песенку «Не стоит голову терять».

Тень. Не стоит голову терять... Прекрасно!

Юлия (*делает глубокий реверанс королю. Кланяется придворным. Поет*).

Жила на свете стрекоза,
Она была кокетка.
Ее прелестные глаза
Губили мух нередко.
Она любила повторять:
— Не стоит голову терять...

Гром барабанов обрывает песенку.

Тень (*вскакивает, шатаясь*). Воды!

Мажордом бросается к Тени и останавливается пораженный. Голова Тени вдруг слетает с плеч. Обезглавленная тень неподвижно сидит на троне.

Аннунциата. Смотрите!

Министр финансов. Почему это?

Первый министр. Боже мой! Не рассчитали. Ведь это же его собственная тень. Господа, вы на рауте в королевском дворце. Вам должно быть весело, весело во что бы то ни стало!

Принцесса (*подбегает к министрам*). Сейчас же! Сейчас же! Сейчас же!

Первый министр. Что, ваше высочество?

Принцесса. Сейчас же исправить его! Я не хочу! Не хочу! Не хочу!

Первый министр. Принцесса, умоляю вас, перестаньте.

Принцесса. А что сказали бы вы, если бы жених ваш потерял голову?

Тайный советник. Это он от любви, принцесса.

Принцесса. Если вы не исправите его, я прикажу сейчас же вас обезглавить. У всех принцесс на свете целые мужья, а у меня вон что! Свинство какое!..

Первый министр. Живую воду, живо, живо, живо!

Министр финансов. Кому? Этому? Но она воскрешает только хороших людей.

Первый министр. Придется воскресить хорошего. Ах, как не хочется.

Министр финансов. Другого выхода нет. Доктор! Следуйте за мной. Лакеи! Ведите меня. (Уходит.)

Первый министр. Успокойтесь, принцесса, все будет сделано.

1-й придворный входит, снимает на ходу перчатки. Заметив обезглавленного короля, он замирает на месте.

1-й придворный. Позвольте... А это кто сделал? Довольно уйти на полчаса из комнаты — и у тебя перебивают работу... Интриганы!

Распахивается дверь, и через сцену проходит целое шествие. Впереди лакеи ведут министра финансов. За ним четыре солдата несут большую бочку. Бочка светится сама собою. Из щелей вырываются языки пламени. На паркет капают светящиеся капли. За бочкой шагает доктор. Шествие проходит через сцену и скрывается.

Юлия. Аннунциата, вы были правы.

Аннунциата. В чем?

Юлия. Он победит! Сейчас он победит. Они понесли живую воду. Она воскресит его.

Аннунциата. Зачем им воскрешать хорошего человека?

Юлия. Чтобы плохой мог жить. Вы счастливица, Аннунциата.

Аннунциата. Не верю, что-нибудь еще случится, ведь мы во дворце.

Юлия. Ах, я боюсь, что больше ничего не случится. Неужели войдет в моду — быть хорошим человеком? Ведь это так хлопотливо!

Цезарь Борджиа. Господин начальник королевской стражи!

Пьетро. Что еще?

Цезарь Борджиа. Придворные что-то косятся на нас. Не удрать ли?

Пьетро. А черт его знает. Еще поймают!

Цезарь Борджиа. Мы связались с неудачником.

Пьетро. Никогда ему не прощу, будь я проклят.

Цезарь Борджиа. Потерять голову в такой важный момент!

Пьетро. Болван! И еще при всех! Пошел бы к себе в кабинет и там терял бы что угодно, скотина!

Цезарь Борджиа. Бестактное существо.

Пьетро. Осел!

Цезарь Борджиа. Нет, надо будет его съесть. Надо, надо.

Пьетро. Да, уж придется.

Гром барабанов. На плечах Тени внезапно появляется голова.

Цезарь Борджиа. Поздравляю, ваше величество!

Пьетро. Ура, ваше величество!

Мажордом. Воды, ваше величество!

Тень. Почему так пусто в зале? Где все? Луиза?

Вбегает принцесса. За нею придворные.

Принцесса. Как тебе идет голова, милый!

Тень. Луиза, где он?

Принцесса. Не знаю. Как ты себя чувствуешь, дорогой?

Тень. Мне больно глотать.

Принцесса. Я сделаю тебе компресс на ночь.

Тень. Спасибо. Но где же он? Зовите его сюда.

Вбегают первый министр и министр финансов.

Первый министр. Отлично. Все на месте.

Министр финансов. Никаких перемен!

Первый министр. Ваше величество, сделайте милость, кивните головой.

Тень. Где он?

Первый министр. Прекрасно! Голова работает! Ура! Все в порядке.

Тень. Я спрашиваю вас: где он?

Первый министр. А я отвечаю: все в порядке, ваше величество. Сейчас он будет заключен в темницу.

Тень. Да вы с ума сошли! Как вы посмели даже думать об этом! Почетный караул!

Пьетро. Почетный караул!

Тень. Идите, просите, умоляйте его прийти сюда.

Пьетро. Просить и умолять его — шагом марш!

Уходит с караулом.

Принцесса. Зачем вы зовете его, Теодор-Христиан?

Тень. Я хочу жить.

Принцесса. Но вы говорили, что он неудачник.

Тень. Все это так, но я жить без него не могу!

Вбегают доктор.

Доктор. Он поправился. Слышите вы все: он поступал как безумец, шел прямо, не сворачивая, он был казнен — и вот он жив, жив, как никто из вас.

Мажордом. Его светлость господин ученый.

Входит ученый. Тень вскакивает и протягивает ему руки. Ученый не обращает на него внимания.

Ученый. Аннунциата!

Аннунциата. Я здесь.

Ученый. Аннунциата, они не дали мне договорить. Да, Аннунциата. Мне страшно было умирать. Ведь я так молод!

Тень. Христиан!

Ученый. Замолчи. Но я пошел на смерть, Аннунциата. Ведь, чтобы победить, надо идти и на смерть. И вот — я победил. Идемте отсюда, Аннунциата.

Тень. Нет! Остайся со мной, Христиан. Живи во дворце. Ни один волос не упадет с твоей головы. Хочешь, я назначу тебя первым министром?

Первый министр. Но почему же именно первым? Вот министр финансов нездоров.

Министр финансов. Я нездоров? Смотрите. *(Легко прыгает по залу.)*

Первый министр. Поправился!

Министр финансов. У нас, у деловых людей, в минуту настоящей опасности на ногах вырастают крылья.

Тень. Хочешь — я прогоню их всех, Христиан? Я дам управлять тебе — в разумных, конечно, пределах. Я помогу тебе некоторое количество людей сделать счастливыми. Ты не хочешь мне отвечать? Луиза! Прикажи ему.

Принцесса. Замолчи ты, трус! Что вы наде-
ляли, господа? Раз в жизни встретила я хорошего че-
ловека, а вы бросились на него, как псы. Прочь, уйди
отсюда, тень!

Тень медленно спускается с трона, прижимается к стене, заку-
тавшись в мантию.

Можете стоять в любой самой жалкой позе. Меня вы
не разжалобите. Господа! Он не жених мне больше.
Я найду себе нового жениха.

Тайный советник. Вот радость-то!

Принцесса. Я все поняла, Христиан, милый.
Эй! Начальник стражи, взять его! (Указывает на
Тень.)

Пьетро. Пожалуйста. Взять его! (Идет к Тени.)

Первый министр. Я помогу вам.

Министр финансов. И я, и я.

Цезарь Борджиа. Долой тень!

Хватают Тень, но Тени нет, пустая мантия повисает на их руках.

Принцесса. Он убежал...

Ученый. Он скрылся, чтобы еще раз и еще раз
стать у меня на дороге. Но я узнаю его, я всюду узнаю
его. Аннунциата, дайте мне руку, идемте отсюда.

Аннунциата. Как ты себя чувствуешь, Хри-
стиан-Теодор, милый?

Ученый. Мне больно глотать. Прощайте, господа!

Принцесса. Христиан-Теодор, прости меня, ведь
я ошиблась всего один раз. Ну, я наказана уж — и бу-
дет. Останься или возьми меня с собой. Я буду вести
себя очень хорошо. Вот увидишь.

Ученый. Нет, принцесса.

Принцесса. Не уходи. Какая я несчастная де-
вушка! Господа, просите его.

Придворные. Ну куда же вы?

— Оставайтесь...

— Посидите, пожалуйста...

— Куда вам так спешить? Еще детское время.

Ученый. Простите, господа, но я так занят.
(Идет с Аннунциатой, взяв ее за руку.)

Принцесса. Христиан-Теодор! На улице идет дождь. Темно. А во дворце тепло, уютно. Я прикажу затопить все печки. Остайся.

Ученый. Нет. Мы оденемся потеплее и уедем. Не задерживайте нас, господа.

Цезарь Борджиа. Пропустите, пропустите! Вот ваши галоши, господин профессор!

Петро. Вот плащ. (Аннунциате.) Похлопчи за отца, чудовище!

Капра. Карета у ворот.

Ученый. Аннунциата, в путь!

Занавес

1940

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дракон.

Ланцелот.

Шарлемань — архивариус.

Эльза — его дочь.

Бургомистр.

Генрих — его сын.

Кот.

Осел.

1-й ткач.

2-й ткач.

Шапочных дел мастер.

Музыкальных дел мастер.

Кузнец.

1-я подруга Эльзы.

2-я подруга Эльзы.

3-я подруга Эльзы.

Часовой.

Садовник.

1-й горожанин.

2-й горожанин.

1-я горожанка.

2-я горожанка.

Мальчик.

Разносчик.

Тюремщик.

Лакеи, стража, горожане.

Просторная, уютная кухня, очень чистая, с большим очагом в глубине. Пол каменный, блестит. Перед очагом на кресле дремлет кот.

Ланцелот (*входит, оглядывается, зовет*). Господин хозяин! Госпожа хозяйка! Живая душа, откликнись! Никого... Дом пуст, ворота открыты, двери отперты, окна настежь. Как хорошо, что я честный человек, а то пришлось бы мне сейчас дрожать, оглядываться, выбирать, что подороже, и удирать во всю мочь, когда так хочется отдохнуть, (*Садится.*) Подождем. Господин кот! Скоро вернутся ваши хозяева? А? Вы молчите?

Кот. Молчу.

Ланцелот. А почему, позвольте узнать?

Кот. Когда тебе тепло и мягко, мудрее дремать и помалкивать, мой милейший.

Ланцелот. Ну а где же все-таки твои хозяева?

Кот. Они ушли, и это крайне приятно.

Ланцелот. Ты их не любишь?

Кот. Люблю каждым волоском моего меха, и лапами, и усами, но им грозит огромное горе. Я отдыхаю душой, только когда они уходят со двора.

Ланцелот. Вон оно что. Так им грозит беда? А какая? Ты молчишь?

Кот. Молчу.

Ланцелот. Почему?

Кот. Когда тебе тепло и мягко, мудрее дремать и помалкивать, чем копать в неприятном будущем. Мяу!

Ланцелот. Кот, ты меня пугаешь. В кухне так уютно, так заботливо разведен огонь в очаге. Я просто не хочу верить, что этому милому, просторному дому грозит беда. Кот! Что здесь случилось? Отвечай же мне! Ну же!

Кот. Дайте мне забыться, прохожий.

Ланцелот. Слушай, кот, ты меня не знаешь. Я человек до того легкий, что меня, как пушинку, носит по всему свету. И я очень легко вмешиваюсь в чужие дела. Я был из-за этого девятнадцать раз ранен легко, пять раз тяжело и три раза смертельно. Но я жив до сих пор, потому что я не только легок, как пушинка, а еще и упрям, как осел. Говори же, кот, что тут случилось. А вдруг я спасу твоих хозяев? Со мною это бывало. Ну? Да ну же! Как тебя зовут?

Кот. Машенька.

Ланцелот. Я думал — ты кот.

Кот. Да, я кот, но люди иногда так невнимательны. Хозяева мои до сих пор удивляются, что я еще ни разу не окотился. Говорят: что же это ты, Машенька? Милые люди, бедные люди! И больше я не скажу ни слова.

Ланцелот. Скажи мне хоть — кто они, твои хозяева?

Кот. Господин архивариус Шарлемань и единственная его дочь, у которой такие мягкие лапки, славная, милая, тихая Эльза.

Ланцелот. Кому же из них грозит беда?

Кот. Ах, ей и, следовательно, всем нам!

Ланцелот. А что ей грозит? Ну же!

Кот. Мяу! Вот уж скоро четыреста лет, как над нашим городом поселился дракон.

Ланцелот. Дракон? Прелестно!

Кот. Он наложил на наш город дань. Каждый год дракон выбирает себе девушку. И мы, не мяукнув, отдаем ее дракону. И он уводит ее к себе в пещеру. И мы больше никогда не видим ее. Говорят, что они умирают там от омерзения. Фрр! Пшел, пшел вон! Ф-ф-ф!

Ланцелот. Кому это ты?

Кот. Дракону. Он выбрал нашу Эльзу! Проклятая ящерица! Ф-ффф!

Ланцелот. Сколько у него голов?

Кот. Три.

Ланцелот. Порядочно. А лап?

Кот. Четыре.

Ланцелот. Ну, это терпимо. С когтями?

Кот. Да. Пять когтей на каждой лапе. Каждый коготь с олений рог.

Ланцелот. Серьезно? И острые у него когти?

Кот. Как ножи.

Ланцелот. Так. Ну а пламя выдыхает?

Кот. Да.

Ланцелот. Настоящее?

Кот. Леса горят.

Ланцелот. Ага. В чешуе он?

Кот. В чешуе.

Ланцелот. И небось крепкая чешуя-то?

Кот. Основательная.

Ланцелот. Ну а все-таки?

Кот. Алмаз не берет.

Ланцелот. Так. Представляю себе. Рост?

Кот. С церковь.

Ланцелот. Ага, все ясно. Ну, спасибо, кот.

Кот. Вы будете драться с ним?

Ланцелот. Посмотрим.

Кот. Умоляю вас — вызовите его на бой. Он, конечно, убьет вас, но пока суд да дело, можно будет помечтать, развалившись перед очагом, о том, как случайно или чудом, так или сяк, не тем, так этим, может быть, как-нибудь, а вдруг и вы его убьете.

Ланцелот. Спасибо, кот.

Кот. Встаньте.

Ланцелот. Что случилось?

Кот. Они идут.

Ланцелот. Хоть бы она мне понравилась, ах, если бы она мне понравилась! Это так помогает... (Смотрит в окно.) Нравится! Кот, она очень славная девушка. Что это? Кот! Она улыбается? Она совершенно спокойна! И отец ее весело улыбается. Ты обманул меня?

Кот. Нет. Самое печальное в этой истории и есть то, что они улыбаются. Тише. Здравствуйте! Давайте ужинать, дорогие мои друзья.

Входят Эльза и Шарлемань.

Ланцелот. Здравствуйте, добрый господин и прекрасная барышня.

Шарлемань. Здравствуйте, молодой человек.

Ланцелот. Ваш дом смотрел на меня так приветливо, и ворота были открыты, и в кухне горел огонь, и я вошел без приглашения. Простите.

Шарлемань. Не надо просить прощения. Наши двери открыты для всех.

Эльза. Садитесь, пожалуйста. Дайте мне вашу шляпу, я повешу ее за дверь. Сейчас я накрою на стол... Что с вами?

Ланцелот. Ничего.

Эльза. Мне показалось, что вы... испугались меня.

Ланцелот. Нет, нет... Это я просто так.

Шарлемань. Садитесь, друг мой. Я люблю странников. Это оттого, вероятно, что я всю жизнь прожил, не выезжая из города. Откуда вы пришли?

Ланцелот. С юга.

Шарлемань. И много приключений было у вас на пути?

Ланцелот. Ах, больше, чем мне хотелось бы.

Эльза. Вы устали, наверное. Садитесь же. Что же вы стоите?

Ланцелот. Спасибо.

Шарлемань. У нас вы можете хорошо отдохнуть. У нас очень тихий город. Здесь никогда и ничего не случается.

Ланцелот. Никогда?

Шарлемань. Никогда. На прошлой неделе, правда, был очень сильный ветер. У одного дома едва не снесло крышу. Но это не такое уж большое событие.

Эльза. Вот и ужин на столе. Пожалуйста. Что же вы?

Ланцелот. Простите меня, но... Вы говорите, что у вас очень тихий город?

Эльза. Конечно.

Ланцелот. А... а дракон?

Шарлемань. Ах, это... Но ведь мы так при-
выкли к нему. Он уже четыреста лет живет у нас.

Ланцелот. Но... мне говорили, что дочь ваша...

Эльза. Господин прохожий...

Ланцелот. Меня зовут Ланцелот.

Эльза. Господин Ланцелот, простите, я вовсе не
делаю вам замечания, но все-таки прошу вас: ни слова
об этом.

Ланцелот. Почему?

Эльза. Потому что тут уж ничего не поделаешь.

Ланцелот. Вот как?

Шарлемань. Да, уж тут ничего не сделать. Мы
сейчас гуляли в лесу и обо всем так хорошо, так по-
дробно переговорили. Завтра, как только дракон уведет
ее, я тоже умру.

Эльза. Папа, не надо об этом.

Шарлемань. Вот и все, вот и все.

Ланцелот. Простите, еще только один вопрос.
Неужели никто не пробовал драться с ним?

Шарлемань. Последние двести лет — нет. До
этого с ним часто сражались, но он убивал всех своих
противников. Он удивительный стратег и великий так-
тик. Он атакует врага внезапно, забрасывает камнями
сверху, потом устремляется отвесно вниз, прямо на го-
лову коня, и бьет его огнем, чем совершенно деморали-
зует бедное животное. А потом он разрывает когтями
всадника. Ну, и в конце концов против него перестали
выступать...

Ланцелот. А целым городом против него не вы-
ступали?

Шарлемань. Выступали.

Ланцелот. Ну и что?

Шарлемань. Он сжег предместья и половину
жителей свел с ума ядовитым дымом. Это великий воин.

Эльза. Возьмите еще масла, прошу вас.

Ланцелот. Да, да, я возьму. Мне нужно на-
браться сил. Итак — простите, что я все расспраши-
ваю, — против дракона никто и не пробует выступить?
Он совершенно обнаглел?

Шарлемань. Нет, что вы! Он так добр!

Ланцелот. Добр?

Шарлемань. Уверяю вас. Когда нашему городу грозила холера, он по просьбе городского врача дохнул своим огнем на озеро и вскипятил его. Весь город пил кипяченую воду и был спасен от эпидемии.

Ланцелот. Давно это было?

Шарлемань. О нет. Всего восемьдесят два года назад. Но добрые дела не забываются.

Ланцелот. А что он еще сделал доброго?

Шарлемань. Он избавил нас от цыган.

Ланцелот. Но цыгане — очень милые люди.

Шарлемань. Что вы! Какой ужас! Я, правда, в жизни своей не видал ни одного цыгана. Но я еще в школе проходил, что это люди страшные.

Ланцелот. Но почему?

Шарлемань. Это бродяги по природе, по крови. Они — враги любой государственной системы, иначе они обосновались бы где-нибудь, а не бродили бы туда-сюда. Их песни лишены мужественности, а идеи разрушительны. Они воруют детей. Они проникают всюду. Теперь мы вовсе очистились от них, но еще сто лет назад любой брютет обязан был доказать, что в нем нет цыганской крови.

Ланцелот. Кто вам рассказал все это о цыганах?

Шарлемань. Наш дракон. Цыгане нагло выступали против него в первые годы его власти.

Ланцелот. Славные, нетерпеливые люди.

Шарлемань. Не надо, пожалуйста, не надо так говорить.

Ланцелот. Что он ест, ваш дракон?

Шарлемань. Город наш дает ему тысячу коров, две тысячи овец, пять тысяч кур и два пуда соли в месяц. Летом и осенью сюда еще добавляется десять огородов салата, спаржи и цветной капусты.

Ланцелот. Он объедает вас!

Шарлемань. Нет, что вы! Мы не жалуемся. А как же можно иначе? Пока он здесь — ни один другой дракон не осмелится нас тронуть.

Ланцелот. Да другие-то, по-моему, все давно перебиты!

Шарлемань. А вдруг нет? Уверю вас, единственный способ избавиться от драконов — это иметь своего собственного. Довольно о нем, прошу вас. Лучше вы расскажите нам что-нибудь интересное.

Ланцелот. Хорошо. Вы знаете, что такое жалобная книга?

Эльза. Нет.

Ланцелот. Так знайте же. В пяти годах ходьбы отсюда, в Черных горах, есть огромная пещера. И в пещере этой лежит книга, исписанная до половины. К ней никто не прикасается, но страница за страницей прибавляется к написанным прежде, прибавляется каждый день. Кто пишет? Мир! Горы, травы, камни, деревья, реки видят, что делают люди. Им известны все преступления преступников, все несчастья страдающих напрасно. От ветки к ветке, от капли к капле, от облака к облаку доходят до пещеры в Черных горах человеческие жалобы, и книга растет. Если бы на свете не было этой книги, то деревья засохли бы от тоски, а вода стала бы горькой. Для кого пишется эта книга? Для меня.

Эльза. Для вас?

Ланцелот. Для нас. Для меня и немногих других. Мы внимательные, легкие люди. Мы проведали, что есть такая книга, и не поленились добратся до нее. А заглянувший в эту книгу однажды не успокоится во веки. Ах, какая это жалобная книга! На эти жалобы нельзя не ответить. И мы отвечаем.

Эльза. А как?

Ланцелот. Мы вмешиваемся в чужие дела. Мы помогаем тем, кому необходимо помочь. И уничтожаем тех, кого необходимо уничтожить. Помочь вам?

Эльза. Как?

Шарлемань. Чем вы нам можете помочь?

Кот. Мяу!

Ланцелот. Три раза я был ранен смертельно, и как раз теми, кого насильно спасал. И все-таки, хоть вы меня и не просите об этом, я вызову на бой дракона! Слышите, Эльза!

Эльза. Нет, нет! Он убьет вас, и это отравит последние часы моей жизни.

Кот. Мяу!

Ланцелот. Я вызову на бой дракона!

Раздается все нарастающий свист, шум, вой, рев. Стекла дрожат.
Зарево вспыхивает за окнами.

Кот. Легко на помине!

Вой и свист внезапно обрываются. Громкий стук в дверь.

Шарлемань. Войдите!

Входит богато одетый лакей.

Лакей. К вам господин дракон.

Шарлемань. Милости просим!

Лакей широко распахивает дверь. Пауза. И вот не спеша в комнату входит пожилой, но крепкий, молодежавший, белобрысый человек, с солдатской выправкой. Волосы ежиком. Он широко улыбается. Вообще обращение его, несмотря на грубоватость, не лишено некоторой приятности. Он глуховат.

Человек. Здорово, ребята! Эльза, здравствуй, крошка! А у вас гость. Кто это?

Шарлемань. Это странник, прохожий.

Человек. Как? Рапортуй громко, отчетливо, по-солдатски.

Шарлемань. Это странник!

Человек. Не цыган?

Шарлемань. Что вы! Это очень милый человек.

Человек. А?

Шарлемань. Милый человек.

Человек. Хорошо. Странник! Что ты не смотришь на меня? Чего ты уставился на дверь?

Ланцелот. Я жду, когда войдет дракон.

Человек. Ха-ха! Я — дракон.

Ланцелот. Вы? А мне говорили, что у вас три головы, когти, огромный рост!

Дракон. Я сегодня попросту, без чинов.

Шарлемань. Господин дракон так давно живет среди людей, что иногда сам превращается в человека и заходит к нам в гости по-дружески.

Дракон. Да. Мы воистину друзья, дорогой Шарлемань. Каждому из вас я даже более, чем просто друг.

Я друг вашего детства. Мало того, я друг детства вашего отца, деда, прадеда. Я помню вашего прапрадеда в коротеньких штанишках. Черт! Непрошенная слеза. Ха-ха! Приезжий тарашит глаза. Ты не ожидал от меня таких чувств? Ну? Отвечай! Растерялся, сукин сын. Ну, ну. Ничего. Ха-ха. Эльза!

Эльза. Да, господин дракон.

Дракон. Дай лапку.

Эльза протягивает руку Дракону.

Плутовка. Шалунья. Какая теплая лапка. Мордочку выше! Улыбайся. Так. Ты чего, прохожий? А?

Ланцелот. Любуюсь.

Дракон. Молодец. Четко отвечаешь. Любишься. У нас попросту, приезжий. По-солдатски. Раз, два, горе не беда! Ешь!

Ланцелот. Спасибо, я сыт.

Дракон. Ничего, ешь. Зачем приехал?

Ланцелот. По делам.

Дракон. А?

Ланцелот. По делам.

Дракон. А по каким? Ну, говори. А? Может, я и помогу тебе. Зачем ты приехал сюда?

Ланцелот. Чтобы убить тебя.

Дракон. Громче!

Эльза. Нет, нет! Он шутит! Хотите, я еще раз дам вам руку, господин дракон?

Дракон. Чего?

Ланцелот. Я вызываю тебя на бой, слышишь ты, дракон!

Дракон молчит, побагровев.

Я вызываю тебя на бой в третий раз, слышишь?

Раздается оглушительный, страшный, тройной рев. Несмотря на мощь этого рева, от которого стены дрожат, он не лишен некоторой музыкальности. Ничего человеческого в этом реве нет. Это ревет Дракон, сжав кулаки и топя ногами.

Дракон (внезапно оборвав рев. Спокойно). Дурак. Ну? Чего молчишь? Страшно?

Ланцелот. Нет.

Дракон. Нет?

Ланцелот. Нет.

Дракон. Хорошо же. *(Делает легкое движение плечами и вдруг поразительно меняется. Новая голова появляется у Дракона на плечах. Старая исчезает бесследно. Серьезный, сдержанный, высоколобый, узколицый, седеющий блондин стоит перед Ланцелотом.)*

Кот. Не удивляйся, дорогой Ланцелот. У него три башки. Он их и меняет, когда пожелает.

Дракон *(голос его изменился так же, как лицо. Негромко. Суховато)*. Ваше имя Ланцелот?

Ланцелот. Да.

Дракон. Вы потомок известного странствующего рыцаря Ланцелота?

Ланцелот. Это мой дальний родственник.

Дракон. Принимаю ваш вызов. Странствующие рыцари — те же цыгане. Вас нужно уничтожить.

Ланцелот. Я не дамся.

Дракон. Я уничтожил: восемьсот девять рыцарей, девятьсот пять людей неизвестного звания, одного пьяного старика, двух сумасшедших, двух женщин — мать и тетку девушек, избранных мной, — и одного мальчика двенадцати лет — брата такой же девушки. Кроме того, мною было уничтожено шесть армий и пять мятежных толп. Садитесь, пожалуйста.

Ланцелот *(садится)*. Благодарю вас.

Дракон. Вы курите? Курите, не стесняйтесь.

Ланцелот. Спасибо. *(Достает трубку, набивает не спеша табаком.)*

Дракон. Вы знаете, в какой день я появился на свет?

Ланцелот. В несчастный.

Дракон. В день страшной битвы. В тот день сам Аттила потерпел поражение, — вам понятно, сколько воинов надо было уложить для этого? Земля пропиталась кровью. Листья на деревьях к полуночи стали коричневыми. К рассвету огромные черные грибы — они называются гробовики — выросли под деревьями. А вслед за ними из-под земли выполз я. Я — сын войны.

Война — это я. Кровь мертвых гуннов течет в моих жилах, — это холодная кровь. В бою я холоден, спокоен и точен.

При слове «точен» Дракон делает легкое движение рукой. Раздается сухое щелканье. Из указательного пальца Дракона лентой вылетает пламя. Зажигает табак в трубке, которую к этому времени набил Ланцелот.

Ланцелот. Благодарю вас. *(Затягивается с наслаждением.)*

Дракон. Вы против меня, — следовательно, вы против войны?

Ланцелот. Что вы! Я воюю всю жизнь.

Дракон. Вы чужой здесь, а мы издревле научились понимать друг друга. Весь город будет смотреть на вас с ужасом и обрадуется вашей смерти. Вам предстоит бесславная гибель. Понимаете?

Ланцелот. Нет.

Дракон. Я вижу, что вы решительны по-прежнему?

Ланцелот. Даже больше.

Дракон. Вы — достойный противник.

Ланцелот. Благодарю вас.

Дракон. Я буду воевать с вами всерьез.

Ланцелот. Отлично.

Дракон. Это значит, что я убью вас немедленно. Сейчас. Здесь.

Ланцелот. Но я безоружен!

Дракон. А вы хотите, чтобы я дал вам время вооружиться? Нет. Я ведь сказал, что буду воевать с вами всерьез. Я нападу на вас внезапно, сейчас... Эльза, принесите метелку!

Эльза. Зачем?

Дракон. Я сейчас испепелю этого человека, а вы выметете его пепел.

Ланцелот. Вы боитесь меня?

Дракон. Я не знаю, что такое страх.

Ланцелот. Почему же тогда вы так спешите? Дайте мне сроку до завтра. Я найду себе оружие, и мы встретимся на поле.

Дракон. А зачем?

Ланцелот. Чтобы народ не подумал, что вы трусите.

Дракон. Народ ничего не узнает. Эти двое будут молчать. Вы умрете сейчас храбро, тихо и бесславно. *(Поднимает руку.)*

Шарлемань. Стойте!

Дракон. Что такое?

Шарлемань. Вы не можете убить его.

Дракон. Что?

Шарлемань. Умоляю вас — не гневайтесь, я предан вам всей душой. Но ведь я архивариус.

Дракон. При чем здесь ваша должность?

Шарлемань. У меня хранится документ, подписанный вами триста восемьдесят два года назад. Этот документ не отменен. Видите, я не возражаю, а только напоминаю. Там стоит подпись: «Дракон».

Дракон. Ну и что?

Шарлемань. Это моя дочка, в конце концов. Я ведь желаю, чтобы она жила подольше. Это вполне естественно.

Дракон. Короче.

Шарлемань. Будь что будет — я возражаю. Убить его вы не можете. Всякий вызвавший вас — в безопасности до дня боя, пишете вы и подтверждаете это клятвой. И день боя назначаете не вы, а он, вызвавший вас, — так сказано в документе и подтверждено клятвой. А весь город должен помогать тому, кто вызовет вас, и никто не будет наказан, — это тоже подтверждается клятвой.

Дракон. Когда был написан этот документ?

Шарлемань. Триста восемьдесят два года назад.

Дракон. Я был тогда наивным, сентиментальным, неопытным мальчишкой.

Шарлемань. Но документ не отменен.

Дракон. Мало ли что...

Шарлемань. Но документ...

Дракон. Довольно о документах. Мы — взрослые люди.

Шарлемань. Но ведь вы сами подписали... Я могу сбегать за документом.

Дракон. Ни с места.

Шарлемань. Нашелся человек, который пробует спасти мою девочку. Любовь к ребенку — ведь это же ничего. Это можно. А кроме того, гостеприимство — это ведь тоже вполне можно. Зачем же вы смотрите на меня так страшно? (*Закрывает лицо руками.*)

Эльза. Папа! Папа!

Шарлемань. Я протестую!

Дракон. Ладно. Сейчас я уничтожу все гнездо.

Ланцелот. И весь мир узнает, что вы трус!

Дракон. Откуда?

Кот одним прыжком вылетает за окно. Шипит издали.

Кот. Всем, всем, все, все расскажу, старый ящер.

Дракон снова раздражается ревом, рев этот так же мощен, но на этот раз в нем явно слышны хрип, стоны, отрывистый кашель. Это ревет огромное, древнее, злобное чудовище.

Дракон (*внезапно оборвав вой*). Ладно. Будем драться завтра, как вы просили.

Быстро уходит. И сейчас же за дверью поднимается свист, гул, шум. Стены дрожат, мигает лампа, свист, гул и шум затихают, удаляясь.

Шарлемань. Улетел! Что я наделал! Ах, что я наделал! Я старый, проклятый себялюбец. Но ведь я не мог иначе! Эльза, ты сердилась на меня?

Эльза. Нет, что ты!

Шарлемань. Я вдруг ужасно ослабел. Простите меня. Я лягу. Нет, нет, не провожай меня. Оставайся с гостем. Занимай его разговорами, — ведь он был так любезен с нами. Простите, я пойду прилягу. (*Уходит.*)

Пауза.

Эльза. Зачем вы затеяли все это? Я не упрекаю вас, — но все было так ясно и достойно. Вовсе не так страшно умереть молодой. Все состарятся, а ты нет.

Ланцелот. Что вы говорите! Подумайте! Деревья и те вздыхают, когда их рубят.

Эльза. А я не жалеюсь.

Ланцелот. И вам не жалко отца?

Эльза. Но ведь он умрет как раз тогда, когда ему хочется умереть. Это, в сущности, счастье.

Ланцелот. И вам не жалко расставаться с вашими подругами?

Эльза. Нет, ведь если бы не я, дракон выбрал бы кого-нибудь из них.

Ланцелот. А жених ваш?

Эльза. Откуда вы знаете, что у меня был жених?

Ланцелот. Я почувствовал это. А с женихом вам не жалко расставаться?

Эльза. Но ведь дракон, чтобы утешить Генриха, назначил его своим личным секретарем.

Ланцелот. Ах, вот оно что. Но тогда, конечно, с ним не так уж жалко расстаться. Ну а ваш родной город? Вам не жалко его оставить?

Эльза. Но ведь как раз за свой родной город я и погибаю.

Ланцелот. И он равнодушно принимает вашу жертву?

Эльза. Нет, нет! Меня не станет в воскресенье, а до самого вторника весь город погрузится в траур. Целых три дня никто не будет есть мяса. К чаю будут подаваться особые булочки под названием «бедная девушка» — в память обо мне.

Ланцелот. И это все?

Эльза. А что еще можно сделать?

Ланцелот. Убить дракона.

Эльза. Это невозможно.

Ланцелот. Дракон вывихнул вашу душу, отравил кровь и затуманил зрение. Но мы все это исправим.

Эльза. Не надо. Если верно то, что вы говорите обо мне, значит, мне лучше умереть.

Вбегает кот.

Кот. Восемь моих знакомых кошек и сорок восемь моих котят обежали все дома и рассказали о предстоящей драке. Мяу! Бургомистр бежит сюда!

Ланцелот. Бургомистр? Прелестно!

Вбегает бургомистр.

Бургомистр. Здравствуй, Эльза. Где прохожий?

Ланцелот. Вот я.

Бургомистр. Прежде всего, будьте добры, говорите потише, по возможности без жестов, двигайтесь мягко и не смотрите мне в глаза.

Ланцелот. Почему?

Бургомистр. Потому что нервы у меня в ужасном состоянии. Я болен всеми нервными и психическими болезнями, какие есть на свете, и, сверх того, еще тремя, неизвестными до сих пор. Думаете, легко быть бургомистром при драконе?

Ланцелот. Вот я убью дракона, и вам станет легче.

Бургомистр. Легче? Ха-ха! Легче! Ха-ха! Легче! (*Впадает в истерическое состояние. Пьет воду. Успокаивается.*) То, что вы осмелились вызвать господина дракона, — несчастье. Дела были в порядке. Господин дракон своим влиянием держал в руках моего помощника, редкого негодяя, и всю его банду, состоящую из купцов-мукомолов. Теперь все перепутается. Господин дракон будет готовиться к бою и забросит дела городского управления, в которые он только что начал вникать.

Ланцелот. Да поймите же вы, несчастный человек, что я спасу город!

Бургомистр. Город? Ха-ха! Город! Город! Ха-ха! (*Пьет воду, успокаивается.*) Мой помощник — такой негодяй, что я пожертвую двумя городами, только бы уничтожить его. Лучше пять драконов, чем такая гадина, как мой помощник. Умоляю вас, уезжайте.

Ланцелот. Не уеду.

Бургомистр. Поздравляю вас, у меня припадок каталепсии. (*Застывает с горькой улыбкой на лице.*)

Ланцелот. Ведь я спасу всех! Поймите!

Бургомистр молчит.

Не понимаете?

Бургомистр молчит. Ланцелот обрызгивает его водой.

Бургомистр. Нет, я не понимаю вас. Кто вас просит драться с ним?

Ланцелот. Весь город этого хочет.

Бургомистр. Да? Посмотрите в окно. Лучшие люди города прибежали просить вас, чтобы вы убирались прочь!

Ланцелот. Где они?

Бургомистр. Вон, жмутся у стен. Подойдите ближе, друзья мои.

Ланцелот. Почему они идут на цыпочках?

Бургомистр. Чтобы не действовать мне на нервы. Друзья мои, скажите Ланцелоту, чего вы от него хотите. Ну! Раз! Два! Три!

Хор голосов. Уезжайте прочь от нас! Скорее! Сегодня же!

Ланцелот отходит от окна.

Бургомистр. Видите! Если вы гуманный и культурный человек, то подчинитесь воле народа.

Ланцелот. Ни за что!

Бургомистр. Поздравляю вас, у меня легкое помешательство. (*Упирает одну руку в бок, другую изгибает изящно.*) Я — чайник, заварите меня!

Ланцелот. Я понимаю, почему эти людишки прибежали сюда на цыпочках.

Бургомистр. Ну, почему же это?

Ланцелот. Чтобы не разбудить настоящих людей. Вот я сейчас поговорю с ними. (*Выбегает.*)

Бургомистр. Вскипятите меня! Впрочем, что он может сделать? Дракон прикажет, и мы его засадим в тюрьму. Дорогая Эльза, не волнуйся. Секунда в секунду, в назначенный срок, наш дорогой дракон заключит тебя в свои объятия. Будь покойна.

Эльза. Хорошо.

Стук в дверь.

Войдите.

Входит тот самый лакей, который объявлял о приходе Дракона.

Бургомистр. Здравствуй, сынок.

Лакей. Здравствуй, отец.

Бургомистр. Ты от него? Никакого боя не будет, конечно? Ты принес приказ заточить Ланцелота в тюрьму?

Лакей. Господин дракон приказывает: первое — назначить бой на завтра, второе — Ланцелота снабдить оружием, третье — быть поумнее.

Бургомистр. Поздравляю вас, у меня зашел ум за разум. Ум! Ау! Отзовись! Выйди!

Лакей. Мне приказано переговорить с Эльзой наедине.

Бургомистр. Ухожу, ухожу, ухожу! (*Горюливо удаляется.*)

Лакей. Здравствуй, Эльза.

Эльза. Здравствуй, Генрих.

Генрих. Ты надеешься, что Ланцелот спасет тебя?

Эльза. Нет. А ты?

Генрих. И я нет.

Эльза. Что дракон велел передать мне?

Генрих. Он велел передать, чтобы ты убила Ланцелота, если это понадобится.

Эльза (*в ужасе*). Как?

Генрих. Ножом. Вот он, этот ножик. Он отравленный...

Эльза. Я не хочу!

Генрих. А господин дракон на это велел сказать, что иначе он перебьет всех твоих подруг.

Эльза. Хорошо. Скажи, что я постараюсь.

Генрих. А господин дракон на это велел сказать: всякое колебание будет наказано, как ослушание.

Эльза. Я ненавижу тебя!

Генрих. А господин дракон на это велел сказать, что умеет награждать верных слуг.

Эльза. Ланцелот убьет твоего дракона!

Генрих. А на это господин дракон велел сказать: посмотрим!

Занавес

Центральная площадь города. Направо — ратуша с башенкой, на которой стоит часовой. Прямо — огромное мрачное коричневое здание без окон, с гигантской чугунной дверью во всю стену от фундамента до крыши. На двери надпись готическими буквами: «Людем вход безусловно запрещен». Налево — широкая старинная крепостная стена. В центре площади — колодезь с резными перилами и навесом. Генрих, без ливреи, в фартуке, чистит медные украшения на чугунной двери.

Генрих (*напевает*). Посмотрим, посмотрим, провозгласил дракон. Посмотрим, посмотрим, взревел старик дра-дра. Старик дракоша прогремел: посмотрим, черт возьми! И мы, действительно, посмо! Посмотрим тру-ля-ля!

Из ратуши выбегает бургомистр. На нем смирительная рубашка.

Бургомистр. Здравствуй, сынок. Ты посылал за мной?

Генрих. Здравствуй, отец. Я хотел узнать, как там у вас идут дела. Заседание городского самоуправления закрылось?

Бургомистр. Какое там! За целую ночь мы едва успели утвердить повестку дня.

Генрих. Умаялся?

Бургомистр. А ты как думаешь? За последние полчаса на мне переменили три смирительные рубашки. (*Зевает.*) Не знаю, к дождю, что ли, но только сегодня ужасно разыгралась моя проклятая шизофрения. Так и брежу, так и брежу. . . Галлюцинации, навязчивые идеи, то, се. (*Зевает.*) Табак есть?

Генрих. Есть.

Бургомистр. Развяжи меня. Перекурим.

Генрих развязывает отца. Усаживаются рядом на ступеньках дворца. Закуривают.

Генрих. Когда же вы решите вопрос об оружии?

Бургомистр. О каком оружии?

Генрих. Для Ланцелота.

Бургомистр. Для какого Ланцелота?

Генрих. Ты что, с ума сошел?

Бургомистр. Конечно. Хорош сын. Совершенно забыл, как тяжело болен его бедняга отец. *(Кричит.)* О люди, люди, возлюбите друг друга! *(Спокойно.)* Видишь, какой бред.

Генрих. Ничего, ничего, папа. Это пройдет.

Бургомистр. Я сам знаю, что пройдет, а все-таки неприятно.

Генрих. Ты послушай меня. Есть важные новости.

Старик дракоша нервничает.

Бургомистр. Неправда!

Генрих. Уверяю тебя. Всю ночь, не жалея крылышек, наш старикан порхал неведомо где. Заявился домой только на рассвете, От него ужасно несло рыбой, что с ним случается всегда, когда он озабочен. Понимаешь?

Бургомистр. Так, так.

Генрих. И мне удалось установить следующее. Наш добрый ящер порхал всю ночь исключительно для того, чтобы разузнать всю подноготную о славном господине Ланцелоте.

Бургомистр. Ну, ну?

Генрих. Не знаю, в каких притонах — на Гималаях или на горе Арарат, в Шотландии или на Кавказе, но только старичок разведаль, что Ланцелот — профессиональный герой. Презираю людишек этой породы. Но дра-дра, как профессиональный злодей, очевидно, придает им кое-какое значение. Он ругался, скрипел, ныл. Потом дедушке захотелось пивца. Вылакав целую бочку любимого своего напитка и не отдав никаких приказаний, дракон вновь расправил свои перепонки и вот

до сей поры шныряет в небесах, как пичужка. Тебя это не тревожит?

Бургомистр. Ни капельки.

Генрих. Папочка, скажи мне — ты старше меня... опытней... Скажи, что ты думаешь о предстоящем бое? Пожалуйста, ответь. Неужели Ланцелот может... Только отвечай попросту, без казенных восторгов, — неужели Ланцелот может победить? А? Папочка? Ответь мне!

Бургомистр. Пожалуйста, сынок, я отвечу тебе попросту, от души. Я так, понимаешь, малыш, искренне привязан к нашему дракоше! Вот честное слово даю. Сроднился я с ним, что ли? Мне, понимаешь, даже, ну как тебе сказать, хочется отдать за него жизнь. Ей-богу правда, вот провалиться мне на этом месте! Нет, нет, нет! Он, голубчик, победит! Он победит, чудушко-юдушко! Душечка-цыпочка! Летун-хлопотун! Ох, люблю я его как! Ой, люблю! Люблю — и крышка. Вот тебе и весь ответ.

Генрих. Не хочешь ты, папочка, попросту, по душам, поговорить с единственным своим сыном!

Бургомистр. Не хочу, сынок. Я еще не сошел с ума. То есть я, конечно, сошел с ума, но не до такой степени. Это дракон приказал тебе допросить меня?

Генрих. Ну что ты, папа!

Бургомистр. Молодец, сынок! Очень хорошо провел весь разговор. Горжусь тобой. Не потому, что я — отец, клянусь тебе. Я горжусь тобою как знаток, как старый служака. Ты запомнил, что я ответил тебе?

Генрих. Разумеется.

Бургомистр. А эти слова: чудушко-юдушко, душечка-цыпочка, летун-хлопотун?

Генрих. Все запомнил.

Бургомистр. Ну вот так и доложи!

Генрих. Хорошо, папа.

Бургомистр. Ах ты мой единственный, ах ты мой шпиончик... Карьерочку делает, крошка. Денег не надо?

Генрих. Нет, пока не нужно, спасибо, папочка.

Бургомистр. Бери, не стесняйся. Я при деньгах. У меня как раз вчера был припадок kleptomании. Бери...

Генрих. Спасибо, не надо. Ну а теперь скажи мне правду...

Бургомистр. Ну что ты, сыночек, как маленький,—правду, правду... Я ведь не обыватель какой-нибудь, а бургомистр. Я сам себе не говорю правды уже столько лет, что и забыл, какая она, правда-то. Меня от нее воротит, отшвыривает. Правда, она знаешь чем пахнет, проклятая? Довольно, сын. Слава дракону! Слава дракону! Слава дракону!

Часовой на башне ударяет алебардой об пол. Кричит.

Часовой. Смирно! Равнение на небо! Его превосходительство показали над Серыми горами!

Генрих и бургомистр вскакивают и вытягиваются, подняв головы к небу. Слышен отдаленный гул, который постепенно замирает.

Вольно! Его превосходительство повернули обратно и скрылись в дыму и пламени!

Генрих. Патрулирует.

Бургомистр. Так, так. Слушай, а теперь ты мне ответь на один вопросик. Дракон действительно не дал никаких приказаний, а, сынок?

Генрих. Не дал, папа.

Бургомистр. Убивать не будем?

Генрих. Кого?

Бургомистр. Нашего спасителя.

Генрих. Ах, папа, папа.

Бургомистр. Скажи, сынок. Не приказал он потихонечку тюкнуть господина Ланцелота? Не стесняйся, говори... Чего там... Дело житейское. А, сынок? Молчишь?

Генрих. Молчу.

Бургомистр. Ну ладно, молчи. Я сам понимаю, ничего не поделаешь — служба.

Генрих. Напоминаю вам, господин бургомистр, что с минуты на минуту должна состояться торжественная церемония вручения оружия господину герою. Возможно, что сам дра-дра захочет почтить церемонию своим присутствием, а у тебя еще ничего не готово.

Бургомистр (зевает и потягивается). Ну что ж, пойду. Мы в один миг подберем ему оружие какое-

нибудь. Останется доволен. Завяжи-ка мне рукава... Вот и он идет! Ланцелот идет!

Генрих, Уведи его! Сейчас сюда придет Эльза, с которой мне нужно поговорить.

Входит Ланцелот.

Бургомистр (*кликнушествуя*). Слава тебе, слава, осанна, Георгий Победоносец! Ах, простите, я обознался в бреду. Мне вдруг почудилось, что вы так на него похожи.

Ланцелот. Очень может быть. Это мой дальний родственник.

Бургомистр. Как скоротали ночку?

Ланцелот. Бродил.

Бургомистр. Подружились с кем-нибудь?

Ланцелот. Конечно.

Бургомистр. С кем?

Ланцелот. Боязливые жители вашего города травили меня собаками. А собаки у вас очень толковые. Вот с ними-то я и подружился. Они меня поняли, потому что любят своих хозяев и желают им добра. Мы болтали почти до рассвета.

Бургомистр. Блох не набрались?

Ланцелот. Нет. Это были славные, аккуратные псы.

Бургомистр. Вы не помните, как их звали?

Ланцелот. Они просили не говорить.

Бургомистр. Терпеть не могу собак.

Ланцелот. Напрасно.

Бургомистр. Слишком простые существа.

Ланцелот. Вы думаете, это так просто любить людей? Ведь собаки великолепно знают, что за народ их хозяева. Плачут, а любят. Это настоящие работники. Вы посылали за мной?

Бургомистр. За мной, воскликнул аист, и клюнул змею своим острым клювом. За мной, сказал король, и оглянулся на королеву. За мной летели красотки верхом на изящных тросточках. Короче говоря, да, я посылаю за вами, господин Ланцелот.

Ланцелот. Чем могу служить?

Бургомистр. В магазине Мюллера получена свежая партия сыра. Лучшее украшение девушки — скромность и прозрачное платье. На закате дикие утки пролетели над колыбелькой. Вас ждут на заседание городского самоуправления, господин Ланцелот.

Ланцелот. Зачем?

Бургомистр. Зачем растут липы на улице Драконовых Лапок? Зачем танцы, когда хочется поцелуев? Зачем поцелуи, когда стучат копыта? Члены городского самоуправления должны лично увидеть вас, чтобы сообразить, какое именно оружие подходит к вам больше всего, господин Ланцелот. Идемте, покажемся им!

Уходят.

Генрих. Посмотрим, посмотрим, провозгласил дракон; посмотрим, посмотрим, взревел старик дра-дра; старик дракоша прогремел: посмотрим, черт возьми, — и мы действительно посмо!

Входит Эльза.

Эльза!

Эльза. Да, я. Ты посылал за мной?

Генрих. Посылал. Как жаль, что на башне стоит часовой. Если бы не эта в высшей степени досадная помеха, я бы тебя обнял и поцеловал.

Эльза. А я бы тебя ударила.

Генрих. Ах, Эльза, Эльза! Ты всегда была немножко слишком добродетельна. Но это шло к тебе. За скромностью твоей скрывается нечто. Дра-дра чувствует девушек. Он всегда выбирал самых многообещающих, шалун-попрыгун. А Ланцелот еще не пытался ухаживать за тобой?

Эльза. Замолчи.

Генрих. Впрочем, конечно, нет. Будь на твоём месте старая дура, он все равно полез бы сражаться. Ему все равно, кого спасти. Он так обучен. Он и не разглядел, какая ты.

Эльза. Мы только что познакомились.

Генрих. Это не оправдание.

Эльза. Ты звал меня только для того, чтобы сообщить все это?

Генрих. О нет. Я звал тебя, чтобы спросить — хочешь выйти замуж за меня?

Эльза. Перестань!

Генрих. Я не шучу. Я уполномочен передать тебе следующее: если ты будешь послушна и в случае необходимости убьешь Ланцелота, то в награду дра-дра отпустит тебя.

Эльза. Не хочу.

Генрих. Дай договорить. Вместо тебя избранницей будет другая, совершенно незнакомая девушка из простонародья. Она все равно намечена на будущий год. Выбирай, что лучше — глупая смерть или жизнь, полная таких радостей, которые пока только снились тебе, да и то так редко, что даже обидно.

Эльза. Он струсил!

Генрих. Кто? Дра-дра? Я знаю все его слабости. Он самодур, солдафон, паразит — все что угодно, но только не трус.

Эльза. Вчера он угрожал, а сегодня торгуется?

Генрих. Этого добился я.

Эльза. Ты?

Генрих. Я настоящий победитель дракона, если хочешь знать. Я могу выхлопотать все. Я ждал случая — и дождался. Я не настолько глуп, чтобы уступить тебя кому бы то ни было.

Эльза. Не верю тебе.

Генрих. Верись.

Эльза. Все равно, я не могу убить человека!

Генрих. А нож тыхватила с собой тем не менее. Вон он висит у тебя на поясе. Я ухожу, дорогая. Мне надо надеть парадную ливрею. Но я ухожу спокойный. Ты выполнишь приказ ради себя и ради меня. Подумай! Жизнь, вся жизнь перед нами — если ты захочешь. Подумай, моя очаровательная. (Уходит.)

Эльза. Боже мой! У меня щеки горят так, будто я целовалась с ним. Какой позор! Он почти уговорил меня... Значит, вот я какая!.. Ну и пусть. И очень хорошо. Довольно! Я была самая послушная в городе. Верила всему. И чем это кончилось? Да, меня все уважали, а счастье доставалось другим. Они сидят сейчас дома, выбирают платья понаряднее, глядят оборочки.

Завиваются. Собираются идти любоваться на мое несчастье. Ах, я так и вижу, как пудрятся они у зеркала и говорят: «Бедная Эльза, бедная девушка, она была такая хорошая!» Одна я, одна из всего города, стою на площади и мучаюсь. И дурак часовой таращит на меня глаза, думает о том, что сделает сегодня со мной дракон. И завтра этот солдат будет жив, будет отдыхать после дежурства. Пойдет гулять к водопаду, где река такая веселая, что даже самые печальные люди улыбаются, глядя, как славно она прыгает. Или пойдет он в парк, где садовник вырастил чудесные анютины глазки, которые щурятся, подмигивают и даже умеют читать, если буквы крупные и книжка кончается хорошо. Или поедет он кататься по озеру, которое когда-то вскипятил дракон и где русалки с тех пор такие смиренные. Они не только никого не топят, а даже торгуют, сидя на мелком месте, спасательными поясами. Но они по-прежнему прекрасны, и солдаты любят болтать с ними. И расскажет русалкам этот глупый солдат, как заиграла веселая музыка, как все заплакали, а дракон повел меня к себе. И русалки примутся ахать: «Ах, бедная Эльза, ах, бедная девушка, сегодня такая хорошая погода, а ее нет на свете». Не хочу! Хочу все видеть, все слышать, все чувствовать. Вот вам! Хочу быть счастливой! Вот вам! Я взяла нож, чтобы убить себя. И не убью. Вот вам!

Ланцелот выходит из ратуши.

Ланцелот. Эльза! Какое счастье, что я вижу вас!

Эльза. Почему?

Ланцелот. Ах, славная моя барышня, у меня такой трудный день, что душа так и требует отдыха, хоть на минуточку. И вот, как будто нарочно, вдруг вы встречаетесь мне.

Эльза. Вы были на заседании?

Ланцелот. Был.

Эльза. Зачем они звали вас?

Ланцелот. Предлагали деньги, лишь бы я отказался от боя.

Эльза. И что вы им ответили?

Ланцелот. Ответил: ах вы, бедные дураки! Не будем говорить о них. Сегодня, Эльза, вы еще красивее, чем вчера. Это верный признак того, что вы действительно нравитесь мне. Вы верите, что я освобожу вас?

Эльза. Нет.

Ланцелот. А я не обижаюсь. Вот как вы мне нравитесь, оказывается.

Вбегают подружки Эльзы.

1-я подруга. А вот и мы!

2-я подруга. Мы — лучшие подружки Эльзы.

3-я подруга. Мы жили душа в душу столько лет, с самого детства.

1-я подруга. Она у нас была самая умная.

2-я подруга. Она была у нас самая славная.

3-я подруга. И все-таки любила нас больше всех. И зашьет, бывало, что попросишь, и поможет решить задачу, и утешит, когда тебе кажется, что ты самая несчастная.

1-я подруга. Мы не опоздали?

2-я подруга. Вы правда будете драться с ним?

3-я подруга. Господин Ланцелот, вы не можете устроить нас на крышу ратуши? Вам не откажут, если вы попросите. Нам так хочется увидеть бой получше.

1-я подруга. Ну вот, вы и рассердились.

2-я подруга. И не хотите разговаривать с нами.

3-я подруга. А мы вовсе не такие плохие девушки.

1-я подруга. Вы думаете, мы нарочно помешали попрощаться с Эльзой.

2-я подруга. А мы не нарочно.

3-я подруга. Это Генрих приказал нам не оставлять вас наедине с ней, пока господин дракон не разрешит этого...

1-я подруга. Он приказал нам болтать...

2-я подруга. И вот мы болтаем, как дурочки.

3-я подруга. Потому что иначе мы заплакали бы. А вы, приеждий, и представить себе не можете, какой это стыд — плакать при чужих.

Шарлемань выходит из ратуши.

Шарлемань. Заседание закрылось, господин Ланцелот. Решение об оружии для вас вынесено. Простите нас. Пожалейте нас, бедных убийц, господин Ланцелот.

Гремят трубы. Из ратуши выбегают слуги, которые расстилают ковры и устанавливают кресла. Большое и роскошно украшенное кресло ставят они посредине. Вправо и влево — кресла попроще. Выходит бургомистр, окруженный членами городского самоуправления. Он очень весел. Генрих, в парадной ливрее, с ними.

Бургомистр. Очень смешной анекдот. . . Как она сказала? Я думала, что все мальчишки это умеют? Ха-ха-ха! А этот анекдот вы знаете? Очень смешной. Одному цыгану отрубили голову. . .

Гремят трубы.

Ах, уже все готово. . . Ну хорошо, я вам расскажу его после церемонии. . . Напомните мне. Давайте, давайте, господа. Мы скоренько отделаемся.

Члены городского самоуправления становятся вправо и влево от кресла, стоящего посредине. Генрих становится за спинкой этого кресла.

(Кланяется пустому креслу. Скороговоркой.) Потрясенные и взволнованные доверием, которое вы, ваше превосходительство, оказываете нам, разрешая выносить столь важные решения, просим вас занять место почетного председателя. Просим раз, просим два, просим три. Сокрушаемся, но делать нечего. Начнем сами. Садитесь, господа. Объявляю заседание. . .

Пауза.

Воды!

Слуга достает воду из колодца. Бургомистр пьет.

Объявляю заседуние. . . Воды! *(Пьет. Откашливается, очень тоненьким голосом.)* Объявляю *(глубоким басом)* заседание. . . Воды! *(Пьет. Тоненько.)* Спасибо, голубчик! *(Басом.)* Пошел вон, негодяй! *(Своим голосом.)* Поздравляю вас, господа, у меня началось раздвоение личности. *(Басом.)* Ты что ж это делаешь, старая дура? *(Тоненько.)* Не видишь, что ли, председательствую.

(Басом.) Да разве это женское дело? (Тоненько.) Да я и сама не рада, касатик. Не сажайте вы меня, бедную, на кол, а дайте огласить протокол. (Своим голосом.) Слушали: О снабжении некоего Ланцелота оружием. Постановили: Снабдить, но скрепя сердца. Эй, вы там! Давайте сюда оружие!

Гремят трубы. Входят слуги. Первый слуга подает Ланцелоту маленький медный тазик, к которому прикреплены узенькие ремешки.

Ланцелот. Это тазик от цирюльника.

Бургомистр. Да, но мы назначили его исполняющим обязанности шлема. Медный подносик назначен щитом. Не беспокойтесь! Даже вещи в нашем городе послушны и дисциплинированы. Они будут выполнять свои обязанности вполне добросовестно. Рыцарских лат у нас на складе, к сожалению, не оказалось. Но копьё есть. (Протягивает Ланцелоту лист бумаги.) Это удостоверение дается вам в том, что копьё действительно находится в ремонте, что подписью и приложением печати удостоверяется. Вы предъявите его во время боя господину дракону, и все кончится отлично. Вот вам и все. (Басом.) Закрывай заседание, старая дура! (Тоненьким голосом.) Да закрываю, закрываю, будь оно проклято. И чего это народ все сердится, сердится, и сам не знает, чего сердится. (Поет.) Раз, два, три, четыре, пять, вышел рыцарь погулять... (Басом.) Закрывай, окаянная! (Тоненьким голосом.) А я что делаю? (Поет.) Вдруг дракончик вылетает, прямо в рыцаря стреляет... Пиф-паф, ой-ой-ой, объявляю заседание закрытым.

Часовой. Смирно! Равнение на небо! Его превосходительство показали над Серыми горами и со страшной быстротой летят сюда.

Все вскакивают и замирают, подняв головы к небу. Далекий гул, который разрастается с ужасающей быстротой. На сцене темнеет. Полная тьма. Гул обрывается.

Смирно! Его превосходительство, как туча, парит над нами, закрыв солнце. Затаите дыхание!

Вспыхивают два зеленоватых огонька.

Кот (*шепотом.*) Ланцелот, это я, кот.

Ланцелот (*шепотом*). Я сразу тебя узнал по глазам.

Кот. Я буду дремать на крепостной стене. Выбери время, проберись ко мне, и я промурлыкаю тебе нечто крайне приятное...

Часовой. Смирно! Его превосходительство кинулись вниз головами на площадь.

Оглушительный свист и рев. Вспыхивает свет. В большом кресле сидит с ногами крошечный, мертвенно-бледный, пожилой человек.

Кот (*с крепостной стены*). Не пугайся, дорогой Ланцелот. Это его третья башка. Он их меняет, когда пожелает.

Бургомистр. Ваше превосходительство! Во вверенном мне городском самоуправлении никаких происшествий не случилось. В околотке один. Налицо...

Дракон (*надтреснутым тенорком, очень спокойно*). Пошел вон! Все пошли вон! Кроме приезжего.

Все уходят. На сцене Ланцелот, Дракон и кот, который дремлет на крепостной стене, свернувшись клубком.

Как здоровье?

Ланцелот. Спасибо, отлично.

Дракон. А это что за тазики на полу?

Ланцелот. Оружие.

Дракон. Это мои додумались?

Ланцелот. Они.

Дракон. Вот безобразники. Обидно небось?

Ланцелот. Нет.

Дракон. Вранье. У меня холодная кровь, но даже я обиделся бы. Страшно вам?

Ланцелот. Нет.

Дракон. Вранье, вранье. Мои люди очень страшные. Таких больше нигде не найдешь. Моя работа. Я их кроил.

Ланцелот. И все-таки они люди.

Дракон. Это снаружи.

Ланцелот. Нет.

Дракон. Если бы ты увидел их души — ох, задрожал бы.

Ланцелот. Нет.

Дракон. Убежал бы даже. Не стал бы умирать из-за калек. Я же их, любезный мой, лично покалечил. Как требуется, так и покалечил. Человеческие души, любезный, очень живучи. Разрубишь тело пополам — человек околает. А душу разорвешь — станет послушней и только. Нет, нет, таких душ нигде не подберешь. Только в моем городе. Безрукие души, безногие души, глухонемые души, цепные души, легавые души, окаянные души. Знаешь, почему бургомистр притворяется душевнобольным? Чтобы скрыть, что у него и вовсе нет души. Дырявые души, продажные души, прожженные души, мертвые души. Нет, нет, жалко, что они невидимы.

Ланцелот. Это ваше счастье.

Дракон. Как так?

Ланцелот. Люди испугались бы, увидев своими глазами, во что превратились их души. Они на смерть пошли бы, а не остались покоренным народом. Кто бы тогда кормил вас?

Дракон. Черт его знает, может быть, вы и правы. Ну что ж, начнем?

Ланцелот. Давайте.

Дракон. Прощайтесь сначала с девушкой, ради которой вы идете на смерть. Эй, мальчик!

Вбегает Генрих.

Эльзу!

Генрих убегает.

Вам нравится девушка, которую я выбрал?

Ланцелот. Очень, очень нравится.

Дракон. Это приятно слышать. Мне она тоже очень, очень нравится. Отличная девушка. Послушная девушка.

Входят Эльза и Генрих.

Поди, поди сюда, моя милая. Посмотри мне в глаза. Вот так. Очень хорошо. Глазки ясные. Можешь поцеловать мне руку. Вот так. Славненько. Губки теплые. Значит, на душе у тебя спокойно. Хочешь попрощаться с господином Ланцелотом?

Эльза. Как прикажете, господин дракон.

Дракон. А я вот как прикажу. Иди. Поговори с ним ласково. (Тихо.) Ласково-ласково поговори с ним. Поцелуй его на прощанье. Ничего, ведь я буду здесь. При мне можно. А потом убей его. Ничего, ничего. Ведь я буду здесь. При мне ты это сделаешь. Ступай. Можешь отойти с ним подальше. Ведь я вижу прекрасно. Я все увижу. Ступай.

Эльза подходит к Ланцелоту.

Эльза. Господин Ланцелот, мне приказано попрощаться с вами.

Ланцелот. Хорошо, Эльза. Давайте попрощаемся, на всякий случай. Бой будет серьезный. Мало ли что может случиться. Я хочу на прощание сказать вам, что я вас люблю, Эльза.

Эльза. Меня!

Ланцелот. Да, Эльза. Еще вчера вы мне так понравились, когда я взглянул в окно и увидел, как вы тихонечко идете с отцом своим домой. Потом вижу, что при каждой встрече вы кажетесь мне все красивее и красивее. Ага, подумал я. Вот оно. Потом, когда вы поцеловали лапу дракону, я не рассердился на вас, а только ужасно огорчился. Ну и тут уже мне все стало понятно. Я, Эльза, люблю вас. Не сердитесь. Я ужасно хотел, чтобы вы знали это.

Эльза. Я думала, что вы все равно вызвали бы дракона. Даже если бы другая девушка была на моем месте.

Ланцелот. Конечно, вызвал бы. Я их терпеть не могу, драконов этих. Но ради вас я готов задушить его голыми руками, хотя это очень противно.

Эльза. Вы, значит, меня любите?

Ланцелот. Очень. Страшно подумать! Если бы вчера, на перекрестке трех дорог, я повернул бы не направо, а налево, то мы так и не познакомились бы никогда. Какой ужас, верно?

Эльза. Да.

Ланцелот. Подумать страшно. Мне кажется теперь, что ближе вас никого у меня на свете нет, и горд ваш я считаю своим, потому что вы тут живете.

Если меня... ну, словом, если нам больше не удастся поговорить, то вы уж не забывайте меня.

Эльза. Нет.

Ланцелот. Не забывайте. Вот вы сейчас первый раз за сегодняшний день посмотрели мне в глаза. И меня всего так и пронизало теплом, как будто вы приласкали меня. Я странник, легкий человек, но вся жизнь моя проходила в тяжелых боях. Тут дракон, там людоеды, там великаны. Возишься, возишься... Работа хлопотливая, неблагодарная. Но я все-таки был вечно несчастлив. Я не уставал. И часто влюблялся.

Эльза. Часто?

Ланцелот. Конечно. Ходишь-бродишь, дерешься и знакомишься с девушками. Ведь они вечно попадают то в плен к разбойникам, то в мешок к великану, то на кухню к людоеду. А эти злодеи всегда выбирают девушек получше, особенно людоеды. Ну вот и влюбишься, бывало. Но разве так, как теперь? С теми я все шутил. Смешил их. А вас, Эльза, если бы мы были одни, то все целовал бы. Правда. И увел бы вас отсюда. Мы вдвоем шагали бы по лесам и горам,—это совсем не трудно. Нет, я добыл бы вам коня с таким седлом, что вы бы никогда не уставали. И я шел бы у вашего стрелени и любовался на вас. И ни один человек не посмел бы вас обидеть.

Эльза берет Ланцелота за руку.

Дракон. Молодец девушка. Приручает его.

Генрих. Да. Она далеко не глупа, ваше превосходительство.

Ланцелот. Эльза, да ты, кажется, собираешься плакать?

Эльза. Собираюсь.

Ланцелот. Почему?

Эльза. Мне жалко.

Ланцелот. Кого?

Эльза. Себя и вас. Не будет нам с вами счастья, господин Ланцелот. Зачем я родилась на свет при драконе!

Ланцелот. Эльза, я всегда говорю правду. Мы будем счастливы. Поверь мне.

Эльза. Ой, ой, не надо.

Ланцелот. Мы пойдем с тобою по лесной дорожке, веселые и счастливые. Только ты да я.

Эльза. Нет, нет, не надо.

Ланцелот. И небо над нами будет чистое. Никто не посмеет броситься на нас оттуда.

Эльза. Правда?

Ланцелот. Правда. Ах, разве знают в бедном вашем народе, как можно любить друг друга? Страх, усталость, недоверие сгорят в тебе, исчезнут навеки, вот как я буду любить тебя. А ты, засыпая, будешь улыбаться и, просыпаясь, будешь улыбаться и звать меня — вот как ты меня будешь любить. И себя полюбишь тоже. Ты будешь ходить спокойная и гордая. Ты поймешь, что уж раз я тебя такую целую, значит, ты хороша. И деревья в лесу будут ласково разговаривать с нами, и птицы, и звери, потому что настоящие влюбленные всё понимают и заодно со всем миром. И все будут рады нам, потому что настоящие влюбленные приносят счастье.

Дракон. Что он ей там напевает?

Генрих. Проповедует. Ученье — свет, а неученье — тьма. Мойте руки перед едой. И тому подобное. Этот сухарь...

Дракон. Ага, ага. Она положила ему руку на плечо! Молодец.

Эльза. Пусть даже мы не доживем до такого счастья. Все равно, я все равно уже и теперь счастлива. Эти чудовища сторожат нас. А мы ушли от них за тридевять земель. Со мной никогда так не говорили, дорогой мой. Я не знала, что есть на земле такие люди, как ты. Я еще вчера была послушная, как собачка, не смела думать о тебе. И все-таки ночью спустилась тихонько вниз и выпила вино, которое оставалось в твоём стакане. Я только сейчас поняла, что это я по-своему, тайно-тайно, поцеловала тебя ночью за то, что ты вступился за меня. Ты не поймешь, как перепутаны все чувства у нас, бедных, забитых девушек. Еще недавно мне казалось, что я тебя ненавижу. А это я по-своему, тайно-тайно, влюблялась в тебя. Дорогой мой! Я люблю

тебя,— какое счастье сказать это прямо. И какое счастье... (Целует Ланцелота.)

Дракон (стучит ножками от нетерпения). Сейчас сделает, сейчас сделает, сейчас сделает!

Эльза. А теперь пусти меня, милый. (Освобождается из объятий Ланцелота. Выхватывает нож из ножен.) Видишь этот нож? Дракон приказал, чтобы я убила тебя этим ножом. Смотри!

Дракон. Ну! Ну! Ну!

Генрих. Делай, делай!

Эльза швыряет нож в колодец.

Презренная девчонка!

Дракон (гремит). Да как ты посмела!..

Эльза. Ни слова больше! Неужели ты думаешь, что я позволю тебе ругаться теперь, после того как он поцеловал меня? Я люблю его. И он убьет тебя.

Ланцелот. Это чистая правда, господин дракон.

Дракон. Ну-ну. Что ж. Придется подраться. (Зевает.) Да откровенно говоря, я не жалею об этом, я тут не так давно разработал очень любопытный удар лапой эн в икс направлении. Сейчас попробуем его на теле. Денщик, позови-ка стражу.

Генрих убегает.

Ступай домой, дурочка, а после боя мы поговорим с тобою обо всем задушевно.

Входит Генрих со стражей.

Слушай, стража, что-то я хотел тебе сказать... Ах, да... Проводи-ка домой эту барышню и посторожи ее там.

Ланцелот делает шаг вперед.

Эльза. Не надо. Береги силы. Когда ты его убьешь, приходи за мной. Я буду ждать тебя и перебирать каждое слово, которое ты сказал мне сегодня. Я верю тебе.

Ланцелот. Я приду за тобой.

Дракон. Ну вот и хорошо. Ступайте.

Стража уводит Эльзу.

Мальчик, сними часового с башни и отправь его в тюрьму. Ночью надо будет отрубить ему голову. Он слышал, как девчонка кричала на меня, и может проболтаться об этом в казарме. Распорядись. Потом придешь смазать мне ногти ядом.

Генрих убегает.

(Ланцелоту.) А ты стой здесь, слышишь? И жди. Когда я начну — не скажу. Настоящая война начинается вдруг. Понял?

Слезает с кресла и уходит во дворец. Ланцелот подходит к коту.

Ланцелот. Ну, кот, что приятное собирался ты промурлыкать мне?

Кот. Взгляни направо, дорогой Ланцелот. В облаке пыли стоит ослик. Брыкается. Пять человек уговаривают упрямца. Сейчас я им спою песенку. (Мяукает.) Видишь, как запрыгал упрямец прямо к нам. Но у стены он заупрямится вновь, а ты поговори с погонщиками его. Вот и они.

За стеной — голова осла, который останавливается в облаке пыли. Пять погонщиков кричат на него. Генрих бежит через площадь.

Генрих (погонщикам). Что вы здесь делаете?

Двое погонщиков (хором). Везем товар на рынок, ваша честь.

Генрих. Какой?

Двое погонщиков. Ковры, ваша честь.

Генрих. Проезжайте, проезжайте. У дворца нельзя задерживаться!

Двое погонщиков. Осел заупрямился, ваша честь.

Голос дракона. Мальчик!

Генрих. Проезжайте, проезжайте! (Бежит бегом во дворец.)

Двое погонщиков (хором). Здравствуйте, господин Ланцелот. Мы — друзья ваши, господин Ланцелот. (Откашливаются разом.) Кха-кха. Вы не обижайтесь, что мы говорим разом, — мы с малых лет работаем вместе и так сработались, что и думаем, и говорим, как

один человек. Мы даже влюбились в один день и один миг и женились на родных сестрах-близнецах. Мы соткали множество ковров, но самый лучший приготовили мы за нынешнюю ночь, для вас. (*Снимают со спины ола ковер и расстилают его на земле.*)

Ланцелот. Какой красивый ковер!

Двое погонщиков. Да. Ковер лучшего сорта, двойной, шерсть с шелком, краски приготовлены по особому нашему секретному способу. Но секрет ковра не в шерсти, не в шелке, не в красках. (*Негромко.*) Это — ковер-самолет.

Ланцелот. Прелестно! Говорите скорее, как им управлять.

Двое погонщиков. Очень просто, господин Ланцелот. Это — угол высоты, на нем выткано солнце. Это — угол глубины, на нем выткана земля. Это — угол узорных полетов, на нем вытканы ласточки. А это — драконов угол. Подымешь его — и летишь круто вниз, прямо врагу на башку. Здесь выткан кубок с вином и чудесная закуска. Побеждай и пируй. Нет, нет. Не говори нам спасибо. Наши прадеды все поглядывали на дорогу, ждали тебя. Наши деды ждали. А мы вот — дождались.

Уходят быстро, и тотчас же к Ланцелоту подбегает третий погонщик с картонным футляром в руках.

3-й погонщик. Здравствуйте, сударь! Простите. Поверните голову так. А теперь этак. Отлично. Сударь, я шапочных и шляпочных дел мастер. Я делаю лучшие шляпы и шапки в мире. Я очень знаменит в этом городе. Меня тут каждая собака знает.

Кот. И кошка тоже.

3-й погонщик. Вот видите! Без всякой примерки, бросив один взгляд на заказчика, я делаю вещи, которые удивительно украшают людей, и в этом моя радость. Одну даму, например, муж любит, только пока она в шляпе моей работы. Она даже спит в шляпе и признается всюду, что мне она обязана счастьем всей своей жизни. Сегодня я всю ночь работал на вас, сударь, и плакал, как ребенок, с горя.

Ланцелот. Почему?

3-й погонщик. Это такой трагический, особенный фасон. Это шапка-невидимка.

Ланцелот. Прелестно!

3-й погонщик. Как только вы ее наденете, так и исчезнете, и бедный мастер вовеки не узнает, идет она вам или нет. Берите, только не примеряйте при мне. Я этого не перенесу! Нет, не перенесу!

Убегает. Тотчас же к Ланцелоту подходит четвертый погонщик — бородатый, угрюмый человек со свертком на плече. Развертывает сверток. Там меч и копье.

4-й погонщик. На. Всю ночь ковали. Ни пуха тебе, ни пера.

Уходит. К Ланцелоту подбегает пятый погонщик — маленький седой человечек со струнным музыкальным инструментом в руках.

5-й погонщик. Я — музыкальных дел мастер, господин Ланцелот. Еще мой прапрапрадед начал строить этот маленький инструмент. Из поколения в поколение работали мы над ним, и в человеческих руках он стал совсем человеком. Он будет вашим верным спутником в бою. Руки ваши будут заняты копьем и мечом, но он сам позаботится о себе. Он сам даст ля — и настроится. Сам переменит лопнувшую струну, сам заиграет. Когда следует, он будет бисировать, а когда нужно. — молчать. Верно я говорю?

Музыкальный инструмент отвечает музыкальной фразой.

Видите? Мы слышали, мы все слышали, как вы, одинокий, бродили по городу, и спешили, спешили вооружить вас с головы до ног. Мы ждали, сотни лет ждали, дракон сделал нас тихими, и мы ждали тихо-тихо. И вот дождалось. Убейте его и отпустите нас на свободу. Верно я говорю?

Музыкальный инструмент отвечает музыкальной фразой. Пятый погонщик уходит с поклонами.

Кот. Когда начнется бой, мы — я и ослик — укроемся в амбаре позади дворца, чтобы пламя случайно не упало на мою шкурку. Если понадобится, кликни нас.

Здесь в поклаже на спине ослика укрепляющие напитки, пирожки с вишнями, точило для меча, запасные наколечники для копья, иголки и нитки.

Ланцелот. Спасибо. *(Становится на ковер. Берет оружие, кладет у ног музыкальный инструмент. Достает шапку-невидимку, надевает ее и исчезает.)*

Кот. Аккуратная работа. Прекрасные мастера. Ты еще тут, дорогой Ланцелот?

Голос Ланцелота. Нет. Я подымаюсь потихоньку. До свиданья, друзья.

Кот. До свиданья, дорогой мой. Ах, сколько треволений, сколько забот. Нет, быть в отчаянии — это гораздо приятнее. Дремлешь и ничего не ждешь. Верно я говорю, ослик?

Осел шевелит ушами.

Ушами я разговаривать не умею. Давай поговорим, ослик, словами. Мы знакомы мало, но раз уж работаем вместе, то можно и помяукать дружески. Мучение — ждать молча. Помяукаем.

Осел. Мяукать не согласен.

Кот. Ну тогда хоть поговорим. Дракон думает, что Ланцелот здесь, а его и след простыл. Смешно, верно?

Осел *(мрачно)*. Потеха!

Кот. Отчего же ты не смеешься?

Осел. Побьют. Как только я засмеюсь громко, люди говорят: опять этот проклятый осел кричит. И дерутся.

Кот. Ах вот как! Это, значит, у тебя смех такой пронзительный?

Осел. Ага.

Кот. А над чем ты смеешься?

Осел. Как когда... Думаю, думаю, да и вспомню смешное. Лошади меня смешат.

Кот. Чем?

Осел. Так... Дуры.

Кот. Прости, пожалуйста, за нескромность. Я тебя давно вот о чем хотел спросить...

Осел. Ну?

Кот. Как можешь ты есть колючки?

Осел. А что?

Кот. В траве попадаются, правда, съедобные стебельки. А колючки... сухие такие!

Осел. Ничего. Люблю острое.

Кот. А мясо?

Осел. Что мясо?

Кот. Не пробовал есть?

Осел. Мясо — это не еда. Мясо — это поклажа. Его в тележку кладут, дурачок.

Кот. А молоко?

Осел. Вот это в детстве я пил.

Кот. Ну, слава богу, можно будет поболтать о приятных, утешительных предметах.

Осел. Верно. Это приятно вспомнить. Утешительно. Мать добрая. Молоко теплое. Сосешь, сосешь. Рай! Вкусно.

Кот. Молоко и лакать приятно.

Осел. Лакать не согласен.

Кот (*вскакивает*). Слышишь?

Осел. Стучит копытами, гад.

Тройной вопль Дракона.

Дракон. Ланцелот!

Пауза.

Ланцелот!

Осел. Ку-ку. (*Разражается ослиным хохотом.*) И-а! И-а! И-а!

Дворцовые двери распахиваются. В дыму и пламени смутно виднеются то три гигантские башки, то огромные лапы, то сверкающие глаза.

Дракон. Ланцелот! Полюбуйся на меня перед боем. Где же ты?

Генрих выбегает на площадь. Мечется, ищет Ланцелота, заглядывает в колодезь.

Где же он?

Генрих. Он спрятался, ваше превосходительство.

Дракон. Эй, Ланцелот! Где ты?

Звон меча.

Кто посмел ударить меня?!

Голос Ланцелота. Я, Ланцелот!

Полная тьма. Угрожающий рев. Вспыхивает свет. Генрих мчится в ратушу. Шум боя.

Кот. Бежим в укрытие.
Осел. Пора.

Убегают. Площадь наполняется народом. Народ необычайно тих. Все перешептываются, глядя на небо.

1-й горожанин. Как мучительно затягивается бой.

2-й горожанин. Да! Уже две минуты — и никаких результатов.

1-й горожанин. Я надеюсь, что сразу все будет кончено.

2-й горожанин. Ах, мы жили так спокойно... А сейчас время завтракать — и не хочется есть. Ужас! Здравствуйте, господин садовник. Почему вы так грустны?

Садовник. У меня сегодня распустились чайные розы, хлебные розы и винные розы. Посмотришь на них — и ты сыт и пьян. Господин дракон обещал зайти взглянуть и дать денег на дальнейшие опыты. А теперь он воюет. Из-за этого ужаса могут погибнуть плоды многолетних трудов.

Разносчик (*бойким шепотом*). А вот кому закопченные стекла? Посмотришь — и увидишь господина дракона копченым.

Все тихо смеются.

1-й горожанин. Какое безобразие. Ха-ха-ха!

2-й горожанин. Увидишь его копченым, как же!

Покупают стекла.

Мальчик. Мама, от кого дракон удирает по всему небу?

Все. Тссс!

1-й горожанин. Он не удирает, мальчик, он маневрирует.

Мальчик. А почему он поджал хвост?

Все. Тссс!

1-й горожанин. Хвост поджат по заранее обдуманному плану, мальчик.

1-я горожанка. Подумать только! Война идет уже целых шесть минут, а конца ей еще не видно. Все так взволнованы, даже простые торговки подняли цены на молоко втрое.

2-я горожанка. Ах, что там торговки. По дороге сюда мы увидели зрелище, ледящее душу. Сахар и сливочное масло, бледные как смерть, неслись из магазинов на склады. Ужасно нервные продукты. Как услышат шум боя — так и прячутся.

Крики ужаса. Толпа шарахается в сторону. Появляется Шарлемань.

Шарлемань. Здравствуйте, господа!

Молчание.

Вы не узнаете меня?

1-й горожанин. Конечно, нет. Со вчерашнего вечера вы стали совершенно неузнаваемым.

Шарлемань. Почему?

Садовник. Ужасные люди. Принимают чужих. Портят настроение дракону. Это хуже, чем по газону ходить. Да еще спрашивает — почему.

2-й горожанин. Я лично совершенно не узнаю вас после того, как ваш дом окружила стража.

Шарлемань. Да, это ужасно. Не правда ли? Эта глупая стража не пускает меня к родной моей дочери. Говорит, что дракон никого не велел пускать к Эльзе.

1-й горожанин. Ну что ж. Со своей точки зрения они совершенно правы.

Шарлемань. Эльза там одна. Правда, она очень весело кивала мне в окно, но это, наверное, только для того, чтобы успокоить меня. Ах, я не нахожу себе места!

2-й горожанин. Как, не находите места? Значит, вас уволили с должности архивариуса?

Шарлемань. Нет.

2-й горожанин. Тогда о каком месте вы говорите?

Шарлемань. Неужели вы не понимаете меня?

1-й горожанин. Нет. После того как вы подружились с этим чужаком, мы с вами говорим на разных языках.

Шум боя, удары меча.

Мальчик (*указывает на небо*). Мама, мама! Он перевернулся вверх ногами. Кто-то бьет его так, что искры летят!

Все. Тссс!

Гремят трубы. Выходят Генрих и бургомистр.

Бургомистр. Слушайте приказ. Во избежание эпидемии глазных болезней, и только поэтому, на небо смотреть воспрещается. Что происходит на небе, вы узнаете из коммюнике, которое по мере надобности будет выпускать личный секретарь господина дракона.

1-й горожанин. Вот это правильно.

2-й горожанин. Давно пора.

Мальчик. Мама, а почему вредно смотреть, как его бьют?

Все. Тссс!

Появляются подруги Эльзы.

1-я подруга. Десять минут идет война! Зачем этот Ланцелот не сдается?

2-я подруга. Знает ведь, что дракона победить нельзя.

3-я подруга. Он просто нарочно мучает нас.

1-я подруга. Я забыла у Эльзы свои перчатки. Но мне все равно теперь. Я так устала от этой войны, что мне ничего не жалко.

2-я подруга. Я тоже стала совершенно бесчувственная. Эльза хотела подарить мне на память свои новые туфли, но я и не вспоминаю о них.

3-я подруга. Подумать только! Если бы не этот приезжий, дракон давно бы уже увел Эльзу к себе. И мы сидели бы спокойно дома и плакали бы.

Разносчик (*бойко, шепотом*). А вот кому интересный научный инструмент, так называемое зеркальце,— смотришь вниз, а видишь небо? Каждый за недогую цену может увидеть дракона у своих ног.

Все тихо смеются.

1-й горожанин. Какое безобразие! Ха-ха-ха!

2-й горожанин. Увидишь его у своих ног!
Дождись!

Зеркала раскупают. Все смотрят в них, разбившись на группы.
Шум боя все ожесточеннее.

1-я горожанка. Но это ужасно!

2-я горожанка. Бедный дракон!

1-я горожанка. Он перестал выдыхать пламя.

2-я горожанка. Он только дымит.

1-й горожанин. Какие сложные маневры.

2-й горожанин. По-моему... Нет, я ничего не скажу!

1-й горожанин. Ничего не понимаю.

Генрих. Слушайте коммюнике городского самоуправления. Бой близится к концу. Противник потерял меч. Копье его сломано. В ковче-самолете обнаружена моль, которая с невиданной быстротой уничтожает летные силы врага. Оторвавшись от своих баз, противник не может добыть нафталина и ловит моль, хлопая ладонями, что лишает его необходимой маневренности. Господин дракон не уничтожает врага только из любви к войне. Он еще не насытился подвигами и не налюбовался чудесами собственной храбрости.

1-й горожанин. Вот теперь я все понимаю.

Мальчик. Ну, мамочка, ну смотри, ну честное слово, его кто-то лупит по шее.

1-й горожанин. У него три шеи, мальчик.

Мальчик. Ну вот, видите, а теперь его гонят в три шеи.

1-й горожанин. Это обман зрения, мальчик!

Мальчик. Вот я и говорю, что обман. Я сам часто дерусь и понимаю, кого бьют. Ой! Что это?!

1-й горожанин. Уберите ребенка.

2-й горожанин. Я не верю, не верю глазам своим! Врача, глазного врача мне!

1-й горожанин. Она падает сюда. Я этого не перенесу! Не заслоняйте! Дайте взглянуть!..

Голова Дракона с грохотом валится на площадь.

Бургомистр. Коммюнике! Полжизни за коммюнике!

Генрих. Слушайте коммюнике городского самоуправления. Обессиленный Ланцелот потерял все и частично захвачен в плен.

Мальчик. Как частично?

Генрих. А так. Это — военная тайна. Остальные его части беспорядочно сопротивляются. Между прочим, господин дракон освободил от военной службы по болезни одну свою голову, с зачислением ее в резерв первой очереди.

Мальчик. А все-таки я не понимаю...

1-й горожанин. Ну чего тут не понимать? Зубы у тебя падали?

Мальчик. Падали.

1-й горожанин. Ну вот. А ты живешь себе.

Мальчик. Но голова у меня никогда не падала.

1-й горожанин. Мало ли что!

Генрих. Слушайте обзор происходящих событий. Заглавие: почему два, в сущности, больше, чем три? Две головы сидят на двух шеях. Получается четыре. Так. А кроме того, сидят они несокрушимо.

Вторая голова Дракона с грохотом валится на площадь.

Обзор откладывается по техническим причинам. Слушайте коммюнике. Боевые действия развиваются согласно плану, составленным господином драконом.

Мальчик. И все?

Генрих. Пока все.

1-й горожанин. Я потерял уважение к дракону на две трети. Господин Шарлемань! Дорогой друг! Почему вы там стоите в одиночестве?

2-й горожанин. Идите к нам, к нам.

1-й горожанин. Неужели стража не впускает вас к единственной дочери? Какое безобразие!

2-й горожанин. Почему вы молчите?

1-й горожанин. Неужели вы обиделись на нас?

Шарлемань. Нет, но я растерялся. Сначала вы не узнавали меня без всякого притворства. Я знаю вас. А теперь так же непритворно вы радуетесь мне.

Садовник. Ах, господин Шарлемань. Не надо размышлять. Это слишком страшно. Страшно подумать, сколько времени я потерял, бегая лизать лапу этому

одноголовому чудовищу. Сколько цветов мог вырастить!

Генрих. Прослушайте обзор событий!

Садовник. Отстаньте! Надоели!

Генрих. Мало ли что! Время военное. Надо терпеть. Итак, я начинаю. Един бог, едино солнце, единая луна, единая голова на плечах у нашего повелителя. Иметь всего одну голову — это человечно, это гуманно в высшем смысле этого слова. Кроме того, это крайне удобно и в чисто военном отношении. Это сильно сокращает фронт. Оборонять одну голову втрое легче, чем три.

Третья голова Дракона с грохотом валится на площадь. Взрыв криков. Теперь все говорят очень громко.

1-й горожанин. Долой дракона!

2-й горожанин. Нас обманывали с детства!

1-я горожанка. Как хорошо! Некого слушаться?!

2-я горожанка. Я как пьяная! Честное слово.

Мальчик. Мама, теперь, наверное, не будет занятий в школе! Ура!

Разносчик. А вот кому игрушка? Дракошка-картошка! Раз — и нет головы!

Все хохочут во всю глотку.

Садовник. Очень остроумно. Как? Дракон-корнеплод? Сидеть в парке! Всю жизнь! Безвыходно! Ура!

Все. Ура! Долой его! Дракошка-картошка! Бей кого попало!

Генрих. Прослушайте коммюнике!

Все. Не прослушаем! Как хотим, так и кричим! Как желаем, так и лаем! Какое счастье! Бей!

Бургомистр. Эй, стража!

Стража выбегает на площадь.

(Генриху.) Говори. Начни помягче, а потом стукни. Смирно!

Все затихают.

Генрих (очень мягко). Прослушайте, пожалуйста, коммюнике. На фронтах ну буквально, буквально-таки ничего интересного не произошло. Все обстоит вполне благополученько. Объявляется осадное положеньеце.

За распространение слухов (*грозно*) будем рубить головы без замены штрафом. Поняли? Все по домам! Стража, очистить площадь!

Площадь пустеет.

Ну? Как тебе понравилось это зрелище?

Бургомистр. Помолчи, сынок.

Генрих. Почему ты улыбаешься?

Бургомистр. Помолчи, сынок.

Глухой, тяжелый удар, от которого содрогается земля.

Это тело дракона рухнуло на землю за мельницей.

1-я голова Дракона. Мальчик!

Генрих. Почему ты потираешь руки, папа?

Бургомистр. Ах, сынок! В руки мне сама собою свалилась власть.

2-я голова. Бургомистр, подойди ко мне! Дай воды! Бургомистр!

Бургомистр. Все идет великолепно, Генрих. Покойник воспитал их так, что они повезут любого, кто возьмет вожжи.

Генрих. Однако сейчас на площади...

Бургомистр. Ах, это пустяки. Каждая собака прыгает, как безумная, когда ее спустишь с цепи, а потом сама бежит в конуру.

3-я голова. Мальчик! Подойди-ка ко мне! Я умираю.

Генрих. А Ланцелота ты не боишься, папа?

Бургомистр. Нет, сынок. Неужели ты думаешь, что дракона было так легко убить? Вернее всего, господин Ланцелот лежит обессиленный на ковре-самолете и ветер уносит его прочь от нашего города.

Генрих. А если вдруг он спустится...

Бургомистр. То мы с ним легко справимся. Он обессилен, уверяю тебя. Наш дорогой покойник все-таки умел драться. Идем. Напишем первые приказы. Главное — держаться как ни в чем не бывало.

1-я голова. Мальчик! Бургомистр!

Бургомистр. Идем, идем, некогда!

Уходят.

1-я голова. Зачем, зачем я ударил его второй левой лапой? Второй правой надо было.

2-я голова. Эй, кто-нибудь! Ты, Миллер! Ты мне хвост целовал при встрече. Эй, Фридрихсен! Ты подарил мне трубку с тремя мундштуками и надписью: «Твой навеки». Где ты, Анна-Мария-Фредерика Вебер? Ты говорила, что влюблена в меня, и носила на груди кусочки моего когтя в бархатном мешочке. Мы издревле научились понимать друг друга. Где же вы все? Дайте воды. Ведь вот он, колодец, рядом. Глоток! Полглотка! Ну хоть губы смочить.

1-я голова. Дайте, дайте мне начать сначала! Я вас всех передаваю!

2-я голова. Одну капельку, кто-нибудь.

3-я голова. Надо было скроить хоть одну верную душу. Не поддавался материал.

2-я голова. Тише! Я чувю, рядом кто-то живой. Подойди. Дай воды.

Голос Ланцелота. Не могу!

И на площади появляется Ланцелот. Он стоит на ковресамолете, опираясь на погнутый меч. В руках его шапка-невидимка. У ног музыкальный инструмент.

1-я голова. Ты победил случайно! Если бы я ударил второй правой...

2-я голова. А впрочем, прощай!

3-я голова. Меня утешает, что я оставляю тебе прожженные души, дырявые души, мертвые души... А впрочем, прощай!

2-я голова. Один человек возле, тот, кто убил меня! Вот как кончилась жизнь!

Все три головы (хором). Кончилась жизнь. Прощай! (Умирают.)

Ланцелот. Они-то умерли, но и мне что-то нехорошо. Не слушаются руки. Вижу плохо. И слышу все время, как зовет меня кто-то по имени: «Ланцелот, Ланцелот». Знакомый голос. Унылый голос. Не хочется идти. Но, кажется, придется на этот раз. Как ты думаешь — я умираю?

Музыкальный инструмент отвечает.

Да, как тебя послушаешь, это выходит и возвышенно, и благородно. Но мне ужасно нездоровится. Я смертельно ранен. Погоди-ка, погоди... Но дракон-то убит, вот и

легче мне стало дышать. Эльза! Я его победил! Правда, никогда больше не увидеть мне тебя, Эльза! Не улыбнешься ты мне, не поцелуешь, не спросишь: «Ланцелот, что с тобой? Почему ты такой невеселый? Почему у тебя так кружится голова? Почему болят плечи? Кто зовет тебя так упрямо — Ланцелот, Ланцелот?» Это смерть меня зовет, Эльза. Я умираю. Это очень грустно, верно?

Музыкальный инструмент отвечает.

Это очень обидно. Все они спрятались. Как будто победа — это несчастье какое-нибудь. Да погоди же ты, смерть. Ты меня знаешь. Я не раз смотрел тебе в глаза и никогда не прятался. Не уйду! Слышу. Дай мне подумать еще минуту. Все они спрятались. Так. Но сейчас дома они потихоньку-потихоньку приходят в себя. Души у них распрямляются. Зачем, шепчут они, зачем кормили и холили мы это чудовище? Из-за нас умирает теперь на площади человек, один-одинешенек. Ну, уж теперь мы будем умнее! Вон какой бой разыгрался в небе из-за нас. Вон как больно дышать бедному Ланцелоту. Нет уж, довольно, довольно! Из-за слабости нашей гибли самые сильные, самые добрые, самые нетерпеливые. Камни и те поумнели бы. А мы все-таки люди. Вот что шепчут сейчас в каждом доме, в каждой комнатке. Слышишь?

Музыкальный инструмент отвечает.

Да, да, именно так. Значит, я умираю не даром. Прощай, Эльза. Я знал, что буду любить тебя всю жизнь... Только не верил, что кончится жизнь так скоро. Прощай, город, прощай, утро, день, вечер. Вот и ночь пришла! Эй, вы! Смерть зовет, торопит... Мысли мешаются... Что-то... что-то я не договорил... Эй, вы! Не бойтесь. Это можно — не обижать вдов и сирот. Жалеть друг друга тоже можно. Не бойтесь! Жалейте друг друга. Жалейте — и вы будете счастливы! Честное слово, это правда, чистая правда, самая чистая правда, какая есть на земле. Вот и все. А я уйду. Прощайте.

Музыкальный инструмент отвечает.

Занавес

Рожкошно обставленный зал во дворце бургомистра. На заднем плане, по обе стороны двери, полукруглые столы, накрытые к ужину. Перед ними, в центре, небольшой стол, на котором лежит толстая книга в золотом переплете. При поднятии занавеса гремит оркестр. Группа горожан кричит, глядя на дверь.

Горожане (тихо). Раз, два, три. (Громко.) Да здравствует победитель дракона! (Тихо.) Раз, два, три. (Громко.) Да здравствует наш повелитель! (Тихо.) Раз, два, три. (Громко.) До чего же мы довольны — это уму непостижимо! (Тихо.) Раз, два, три. (Громко.) Мы слышим его шаги!

Входит Генрих.

(Громко, но стройно.) Ура! Ура! Ура!

1-й горожанин. О славный наш освободитель! Ровно год назад окаянный, антипатичный, нечуткий, противный сукин сын дракон был уничтожен вами.

Горожане. Ура, ура, ура!

1-й горожанин. С тех пор мы живем очень хорошо. Мы...

Генрих. Стойте, стойте, любезные. Сделайте ударение на «очень».

1-й горожанин. Слушаю-с. С тех пор мы живем о-очень хорошо.

Генрих. Нет, нет, любезный. Не так. Не надо нажимать на «о». Получается какой-то двусмысленный завыв: «Оучень». Поднапряте-ка на «ч».

1-й горожанин. С тех пор мы живем оччень хорошо.

Генрих. Во-во! Утверждаю этот вариант. Ведь вы знаете победителя дракона. Это простой до наивности человек. Он любит искренность, задушевность. Дальше.

1-й горожанин. Мы просто не знаем, куда деваться от счастья.

Генрих. Отлично! Стойте. Вставим здесь что-нибудь этакое... гуманное, добродетельное... Победитель дракона это любит. (*Щелкает пальцами.*) Стойте, стойте, стойте! Сейчас, сейчас, сейчас! Вот! Нашел! Даже пташки чирикают весело. Зло ушло — добро пришло! Чик-чирик! Чирик-ура! Повторим.

1-й горожанин. Даже пташки чирикают весело. Зло ушло — добро пришло, чик-чирик, чирик-ура!

Генрих. Уныло чирикаете, любезный! Смотрите, как бы вам самому не было за это чирик-чирик.

1-й горожанин (*весело*). Чирик-чирик! Чирик-ура!

Генрих. Так-то лучше. Ну-с, хорошо. Остальные куски мы репетировали уже?

Горожане. Так точно, господин бургомистр.

Генрих. Ладно. Сейчас победитель дракона, президент вольного города выйдет к вам. Запомните — говорить надо стройно и вместе с тем задушевно, гуманно, демократично. Это дракон разводил церемонии, а мы...
Часовой (*из средней двери*). Смирно! Равнение на двери! Его превосходительство господин президент вольного города идут по коридору. (*Деревянно. Басом.*) Ах ты душечка! Ах ты благодетель! Дракона убил! Вы подумайте!

Гремит музыка. Входит бургомистр.

Генрих. Ваше превосходительство господин президент вольного города! За время моего дежурства никаких происшествий не случилось! Налицо десять человек. Из них безумно счастливы все... В околотке...

Бургомистр. Вольно, вольно, господа. Здравствуйте, бургомистр. (*Пожимает руку Генриху.*) О! А это кто? А, бургомистр?

Генрих. Сограждане наши помнят, что ровно год назад вы убили дракона. Прибежали поздравить.

Бургомистр. Да что ты? Вот приятный сюрприз! Ну-ну валяйте.

Горожане (тихо). Раз, два, три. (Громко.) Да здравствует победитель дракона! (Тихо.) Раз, два, три. (Громко.) Да здравствует наш повелитель...

Входит тюремщик.

Бургомистр. Стойте, стойте! Здравствуй, тюремщик.

Тюремщик. Здравствуйте, ваше превосходительство.

Бургомистр (горожанам). Спасибо, господа. Я и так знаю все, что вы хотите сказать. Черт, непрощеная слеза. (Смахивает слезу.) Но тут, понимаете, у нас в доме свадьба, а у меня остались еще кое-какие делишки. Ступайте, а потом приходите на свадьбу. Повеселимся. Кошмар окончился, и мы теперь живем! Верно? Горожане. Ура! Ура! Ура.

Бургомистр. Во-во, именно. Рабство отошло в область преданий, и мы переродились. вспомните, кем я был при проклятом драконе? Больным, сумасшедшим. А теперь? Здоров как огурчик. О вас я уж и не говорю. Вы у меня всегда веселы и счастливы, как пташки. Ну и летите себе. Живо! Генрих, проводи!

Горожане уходят.

Бургомистр. Ну что там у тебя в гюрьме?

Тюремщик. Сидят.

Бургомистр. Ну а мой бывший помощник как?

Тюремщик. Мучается.

Бургомистр. Ха-ха! Врешь небось?

Тюремщик. Ей-право, мучается.

Бургомистр. Ну а как все-таки?

Тюремщик. На стену лезет.

Бургомистр. Ха-ха! Так ему и надо! Отвратительная личность. Бывало, рассказываешь анекдот, все смеются, а он бороду показывает. Это, мол, анекдот старый, с бородой. Ну вот и сиди теперь. Мой портрет ему показывал?

Тюремщик. А как же!

Бургомистр. Какой? На котором я радостно улыбаюсь?

Тюремщик. Этот самый.

Бургомистр. Ну и что он?
Тюремщик. Плачет.
Бургомистр. Врешь небось?
Тюремщик. Ей-право, плачет.
Бургомистр. Ха-ха! Приятно. Ну а ткачи, снабдившие этого... ковром-самолетом?
Тюремщик. Надоели, проклятые. Сидят в разных этажах, а держатся как один. Что один скажет, то и другой.
Бургомистр. Но, однако же, они похудели?
Тюремщик. У меня похудеешь!
Бургомистр. А кузнец?
Тюремщик. Опять решетку перепилил. Пришлось вставить в окно его камеры алмазную.
Бургомистр. Хорошо, хорошо, не жалей расходов. Ну и что он?
Тюремщик. Озадачен.
Бургомистр. Ха-ха! Приятно!
Тюремщик. Шапочник сшил такие шапочки мышам, что коты их не трогают.
Бургомистр. Ну да? Почему?
Тюремщик. Любуются. А музыкант поет, тоску наводит. Я, как захожу к нему, затыкаю уши воском.
Бургомистр. Ладно. Что в городе?
Тюремщик. Тихо. Однако пишут.
Бургомистр. Что?
Тюремщик. Буквы «Л» на стенах. Это значит — Ланцелот.
Бургомистр. Ерунда. Буква «Л» обозначает — любим президента.
Тюремщик. Ага. Значит, не сажать, которые пишут?
Бургомистр. Нет, отчего же. Сажай. Еще чего пишут?
Тюремщик. Стыдно сказать. Президент — скотина. Его сын — мошенник... Президент (хихикает басом)... не смею повторить, как они выражаются. Однако больше всего пишут букву «Л».
Бургомистр. Вот чудачки. Дался им этот Ланцелот. А о нем так и нет сведений?
Тюремщик. Пропал.

Бургомистр. Птиц допрашивал?

Тюремщик. Ага.

Бургомистр. Всех?

Тюремщик. Ага. Вот орел мне какую отметину поставил. Клынул в ухо.

Бургомистр. Ну и что они говорят?

Тюремщик. Говорят, не видали Ланцелота. Один попугай соглашается. Ты ему: видал? И он тебе: видал. Ты ему: Ланцелота? И он тебе: Ланцелота. Ну попугай известно что за птица.

Бургомистр. А змен?

Тюремщик. Эти сами бы приползли, если бы что узнали. Это свои. Да еще родственники покойнику. Однако не ползут.

Бургомистр. А рыбы?

Тюремщик. Молчат.

Бургомистр. Может, знают что-нибудь?

Тюремщик. Нет. Ученые рыбоводы смотрели им в глаза — подтверждают: ничего, мол, им не известно. Одним словом, Ланцелот, он же Георгий, он же Персей-проходимец, в каждой стране именуемый по-своему, до сих пор не обнаружен.

Бургомистр. Ну и шут с ним.

Входит Генрих.

Генрих. Пришел отец счастливой невесты, господин архивариус Шарлемань.

Бургомистр. Ага! Ага! Его-то мне и надо. Приси.

Входит Шарлемань.

Ну, ступайте, тюремщик. Продолжайте работать. Я вами доволен.

Тюремщик. Мы стараемся.

Бургомистр. Старайтесь. Шарлемань, вы знакомы с тюремщиком?

Шарлемань. Очень мало, господин президент.

Бургомистр. Ну-ну. Ничего. Может быть, еще познакомьтесь поближе.

Тюремщик. Взять?

Бургомистр. Ну вот, уже сразу и взять. Иди, иди пока. До свиданья.

Тюремщик уходит.

Ну-с, Шарлемань, вы догадываетесь, конечно, зачем мы вас позвали? Всякие государственные заботы, хлопоты, то-се помешали мне забежать к вам лично. Но вы и Эльза знаете из приказов, расклеенных по городу, что сегодня ее свадьба.

Шарлемань. Да, мы это знаем, господин президент.

Бургомистр. Нам, государственным людям, некогда делать предложения с цветами, вздохами и так далее. Мы не предлагаем, а приказываем как ни в чем не бывало. Ха-ха! Это крайне удобно. Эльза счастлива?

Шарлемань. Нет.

Бургомистр. Ну вот еще... Конечно, счастлива. А вы?

Шарлемань. Я в отчаянии, господин президент...

Бургомистр. Какая неблагодарность! Я убил дракона...

Шарлемань. Простите меня, господин президент, но я не могу в это поверить.

Бургомистр. Можете!

Шарлемань. Честное слово, не могу.

Бургомистр. Можете, можете. Если даже я верю в это, то вы и подавно можете.

Шарлемань. Нет.

Генрих. Он просто не хочет.

Бургомистр. Но почему?

Генрих. Набивает цену.

Бургомистр. Ладно. Предлагаю вам должность первого моего помощника.

Шарлемань. Я не хочу.

Бургомистр. Глупости. Хотите.

Шарлемань. Нет.

Бургомистр. Не торгуйтесь, нам некогда. Казенная квартира возле парка, недалеко от рынка, в сто пятьдесят три комнаты, причем все окна выходят на юг. Сказочное жалованье. И кроме того, каждый раз, как вы идете на службу, вам выдаются подъемные,

а когда идете домой,— отпускные. Соберетесь в гости — вам даются командировочные, а сидите дома — вам платятся квартирные. Вы будете почти так же богаты, как я. Все. Вы согласны.

Шарлемань. Нет.

Бургомистр. Чего же вы хотите?

Шарлемань. Мы одного хотим — не трогайте нас, господин президент.

Бургомистр. Вот славно — не трогайте! А раз мне хочется? И кроме того, с государственной точки зрения — это очень солидно. Победитель дракона женится на спасенной им девушке. Это так убедительно. Как вы не хотите понять?

Шарлемань. Зачем вы мучаете нас? Я научился думать, господин президент, это само по себе мучительно, а тут еще эта свадьба. Так ведь можно и с ума сойти.

Бургомистр. Нельзя, нельзя! Все эти психические заболевания — ерунда. Выдумки.

Шарлемань. Ах, боже мой! Как мы беспомощны! То, что город наш совсем-совсем такой же тихий и послушный, как прежде, — это так страшно.

Бургомистр. Что за бред? Почему это страшно? Вы что — решили бунтовать со своей дочкой?

Шарлемань. Нет. Мы гуляли с ней сегодня в лесу и обо всем так хорошо, так подробно переговорили. Завтра, как только ее не станет, я тоже умру.

Бургомистр. Как это не станет? Что за глупости!

Шарлемань. Неужели вы думаете, что она переживет эту свадьбу?

Бургомистр. Конечно. Это будет славный, веселый праздник. Другой бы радовался, что выдает дочку за богатого.

Генрих. Да и он тоже радуется.

Шарлемань. Нет. Я пожилой, вежливый человек, мне трудно сказать вам это прямо в глаза. Но я все-таки скажу. Эта свадьба — большое несчастье для нас.

Генрих. Какой утомительный способ торговаться.

Бургомистр. Слушайте вы, любезный! Больше, чем предложено, не получите! Вы, очевидно, хотите пай

в наших предприятиях? Не выйдет! То, что нагло забирал дракон, теперь в руках лучших людей города. Проще говоря, в моих, и отчасти — Генриха. Это совершенно законно. Не дам из этих денег ни гроша!

Шарлемань. Разрешите мне уйти, господин президент.

Бургомистр. Можете. Запомните только следующее. Первое: на свадьбе извольте быть веселы, жизнерадостны и остроумны. Второе: никаких смертей! Постарайтесь жить столько, сколько мне будет угодно. Передайте это вашей дочери. Третье: в дальнейшем называйте меня «ваше превосходительство». Видите этот список? Тут пятьдесят фамилий. Все ваши лучшие друзья. Если вы будете бунтовать, все пятьдесят заложников пропадут без вести. Ступайте. Стойте. Сейчас за вами будет послан экипаж. Вы привезете дочку — и чтобы ни-ни! Поняли? Идите!

Шарлемань уходит.

Ну, все идет как по маслу.

Генрих. Что докладывал тюремщик?

Бургомистр. На небе ни облачка.

Генрих. А буква «Л»?

Бургомистр. Ах, мало ли букв писали они на стенках при драконе? Пусть пишут. Это им все-таки утешительно, а нам не вредит. Посмотри-ка, свободно это кресло?

Генрих. Ах, папа! (*Ощупывает кресло.*) Никого тут нет. Садись.

Бургомистр. Пожалуйста, не улыбайся. В своей шапке-невидимке он может пробраться всюду.

Генрих. Папа, ты не знаешь этого человека. Он до самого темени набит предрассудками. Из рыцарской вежливости, перед тем как войти в дом, он снимет свою шапку — и стража схватит его.

Бургомистр. За год характер у него мог испортиться. (*Садится.*) Ну, сыночек, ну, мой крошечный, а теперь поговорим о наших делишках. За тобой должок, мое солнышко!

Генрих. Какой, папочка?

Бургомистр. Ты подкупил трех моих лакеев, чтобы они следили за мной, читали мои бумаги и так далее. Верно?

Генрих. Ну что ты, папочка!

Бургомистр. Погоди, сынок, не перебивай. Я прибавил им пятьсот талеров из личных своих средств, чтобы они передавали тебе только то, что я разрешу. Следовательно, ты должен мне пятьсот талеров, мальчугашка.

Генрих. Нет, папа. Узнав об этом, я прибавил им шестьсот.

Бургомистр. А я, догадавшись, тысячу, поросеночек! Следовательно, сальдо получается в мою пользу. И не прибавляй им, голубчик, больше. Они на таких складах развелись, развратились, одичали. Того и гляди, начнут на своих бросаться. Дальше. Необходимо будет распутать личного моего секретаря. Беднягу пришлось отправить в психиатрическую лечебницу.

Генрих. Неужели? Почему?

Бургомистр. Да мы с тобой подкупали и перекупали его столько раз в день, что он теперь никак не может сообразить, кому служит. Доносит мне на меня же. Интригует сам против себя, чтобы захватить собственное свое место. Парень честный, старательный, жалко смотреть, как он мучается. Зайдем к нему завтра в лечебницу и установим, на кого он работает, в конце концов. Ах ты мой сыночек! Ах ты мой славенький! На папино место ему захотелось.

Генрих. Ну что ты, папа!

Бургомистр. Ничего, мой малюсенький! Ничего. Дело житейское. Знаешь, что я хочу тебе предложить? Давай следить друг за другом попросту, по-родственному, как отец с сыном, безо всяких там посторонних. Денег сэкономим сколько!

Генрих. Ах, папа, ну что такое деньги!

Бургомистр. И в самом деле. Умрешь, с собой не возьмешь. . .

Стук копыт и звон колокольчиков.

(Бросается к окну.) Приехала! Приехала наша красавица! Карета какая! Чудо! Украшена драконовой че-

шуй! А сама Эльза! Чудо из чудес. Вся в бархате. Нет, все-таки власть — вещь ничего себе... (Шелотом.) Допроси ее!

Генрих. Кого?

Бургомистр. Эльзу. Она так молчалива в последние дни. Не знает ли она, где этот... (оглядывается) Ланцелот. Допроси осторожно. А я послушаю тут за портьерой. (Скрывается.)

Входят Эльза и Шарлемань.

Генрих. Эльза, приветствую тебя. Ты хорошеешь с каждым днем, — это очень мило с твоей стороны. Президент переодевается. Он попросил принести свои извинения. Садись в это кресло, Эльза. (Усаживает ее спиной к портьере, за которой скрывается бургомистр.) А вы подождите в прихожей, Шарлемань.

Шарлемань уходит с поклоном.

Эльза, я рад, что президент натягивает на себя свои парадные украшения. Мне давно хочется поговорить с тобой наедине, по-дружески, с открытой душой. Почему ты все молчишь? А? Ты не хочешь отвечать? Я ведь по-своему привязан к тебе. Поговори со мной.

Эльза. О чем?

Генрих. О чем хочешь.

Эльза. Я не знаю... Я ничего не хочу.

Генрих. Не может быть. Ведь сегодня твоя свадьба... Ах, Эльза... Опять мне приходится уступать тебя. Но победитель дракона есть победитель. Я щиник, я насмешник, но перед ним и я преклоняюсь. Ты не слушаешь меня?

Эльза. Нет.

Генрих. Ах, Эльза... Неужели я стал совсем чужим тебе? А ведь мы так дружили в детстве. Помнишь, как ты болела корью, а я бегал к тебе под окна, пока не заболел сам. И ты навещала меня и плакала, что я такой тихий и кроткий. Помнишь?

Эльза. Да.

Генрих. Неужели дети, которые так дружили, вдруг умерли? Неужели в тебе и во мне ничего от них не осталось? Давай поговорим, как в былые времена, как брат с сестрой.

Эльза. Ну хорошо, давай поговорим.

Бургомистр выглядывает из-за портьера и бесшумно аплодирует Генриху.

Ты хочешь знать, почему я все время молчу?

Бургомистр кивает головой.

Потому что я боюсь.

Генрих. Кого?

Эльза. Людей.

Генрих. Вот как? Укажи, каких именно людей ты боишься. Мы их заточим в темницу, и тебе сразу станет легче.

Бургомистр достает записную книжку.

Ну, называй имена.

Эльза. Нет, Генрих, это не поможет.

Генрих. Поможет, уверяю тебя. Я это испытал на опыте. И сон делается лучше, и аппетит, и настроение.

Эльза. Видишь ли... Я не знаю, как тебе объяснить... Я боюсь всех людей.

Генрих. Ах, вот что... Понимаю. Очень хорошо понимаю. Все люди, и я в том числе, кажутся тебе жестокими. Верно? Ты, может быть, не поверишь мне, но... но я сам их боюсь. Я боюсь отца.

Бургомистр недоумевающе разводит руками.

Боюсь верных наших слуг. И я притворяюсь жестоким, чтобы они боялись меня. Ах, все мы запутались в своей собственной паутине. Говори, говори еще, я слушаю.

Бургомистр понимающе кивает.

Эльза. Ну что же я еще могу сказать тебе... Сначала я сердилась, потом горевала, потом все мне стало безразлично. Я теперь так послушна, как никогда не была. Со мною можно делать все что угодно.

Бургомистр хихикает громко. Испуганно прячется за портьера.
Эльза оглядывается.

Кто это?

Генрих. Не обращай внимания. Там готовятся к свадебному пиршеству. Бедная моя, дорогая сестренка.

Как жалко, что исчез, бесследно исчез Ланцелот. Я только теперь понял его. Это удивительный человек. Мы все виноваты перед ним. Неужели нет надежды, что он вернется?

Бургомистр опять вылез из-за портьера. Он — весь внимание.

Эльза. Он... Он не вернется.

Генрих. Не надо так думать. Мне почему-то кажется, что мы еще увидим его.

Эльза. Нет.

Генрих. Поверь мне!

Эльза. Мне приятно, когда ты говоришь это, но... Нас никто не слышит?

Бургомистр приседает за спинкой кресла.

Генрих. Конечно, никто, дорогая. Сегодня праздник. Все шпионы отдыхают.

Эльза. Видишь ли... Я знаю, что с Ланцелотом.

Генрих. Не надо, не говори, если тебе это мучительно.

Бургомистр грозит ему кулаком.

Эльза. Нет, я так долго молчала, что сейчас мне хочется рассказать тебе все. Мне казалось, что никто, кроме меня, не поймет, как это грустно, — уж в таком городе я родилась. Но ты так внимательно слушаешь меня сегодня... Словом... Ровно год назад, когда кончался бой, кот побежал на дворцовую площадь. И он увидел: белый-белый как смерть Ланцелот стоит возле мертвых голов дракона. Он опирался на меч и улыбался, чтобы не огорчить кота. Кот бросился ко мне позвать меня на помощь. Но стража так старательно охраняла меня, что муха не могла пролететь в дом. Они прогнали кота.

Генрих. Грубые солдаты!

Эльза. Тогда он позвал знакомого своего осла. Уложив раненого ему на спину, он вывел осла глухими закоулками прочь из нашего города.

Генрих. Но почему?

Эльза. Ах, Ланцелот был так слаб, что люди могли бы убить его. И вот они отправились по тропинке

в горы. Кот сидел возле раненого и слушал, бьется ли его сердце.

Генрих. Оно билось, надеюсь?

Эльза. Да, но только все глуше и глуше. И вот кот крикнул: «Стой!» И осел остановился. Уже наступила ночь. Они взобрались высоко-высоко в горы, и вокруг было так тихо, так холодно. «Поворачивай домой!» — сказал кот. — Теперь люди уже не обидят его. Пусть Эльза простится с ним, а потом мы его похороним».

Генрих. Он умер, бедный!

Эльза. Умер, Генрих. Упрямый ослик сказал: поворачивать не согласен. И пошел дальше. А кот вернулся — ведь он так привязан к дому. Он вернулся, рассказал мне все, и теперь я никого не жду. Все кончено.

Бургомистр. Ура! Все кончено! (*Пляшет, носится по комнате.*) Все кончено! Я — полный владыка над всеми! Теперь уж совсем некого бояться. Спасибо. Эльза! Вот это праздник! Кто осмелится сказать теперь, что это не я убил дракона? Ну, кто?

Эльза. Он подслушивал?

Генрих. Конечно.

Эльза. И ты знал это?

Генрих. Ах, Эльза, не изображай наивную девочку. Ты сегодня, слава богу, замуж выходишь!

Эльза. Папа! Папа!

Вбегает Шарлемань.

Шарлемань. Что с тобою, моя маленькая? (*Хочет обнять ее.*)

Бургомистр. Руки по швам! Стойте навывтяжку перед моей невестой!

Шарлемань (*вытянувшись*). Не надо, успокойся. Не плачь. Что ж поделаешь? Тут уж ничего не поделаешь. Что ж тут поделаешь?

Гремит музыка.

Бургомистр (*подбегает к окну*). Как славно! Как уютно! Гости приехали на свадьбу. Лошади в лентах! На оглоблях фонарики! Как прекрасно жить на

свете и знать, что никакой дурак не может помешать этому. Улыбайся же, Эльза. Секунда в секунду, в назначенный срок, сам президент вольного города заключит тебя в свои объятия.

Двери широко распахиваются.

Добро пожаловать, добро пожаловать, дорогие гости.

Входят гости. Проходят парами мимо Эльзы и бургомистра. Говорят чинно, почти шепотом.

1-й горожанин. Поздравляем жениха и невесту. Все так радуются.

2-й горожанин. Дома украшены фонариками.

1-й горожанин. На улице светло как днем!

2-й горожанин. Все винные погреба полны народом.

Мальчик. Все дерутся и ругаются.

Гости. Тссс!

Садовник. Позвольте поднести вам колокольчики. Правда, они звенят немного печально, но это ничего. Утром они завянут и успокоятся.

1-я подруга Эльзы. Эльза, милая, постарайся быть веселой. А то я заплачу и испорчу ресницы, которые так удалась мне сегодня.

2-я подруга. Ведь он все-таки лучше, чем дракон... У него есть руки, ноги, а чешуи нету. Ведь все-таки он хоть и президент, а человек. Завтра ты нам все расскажешь. Это будет так интересно!

3-я подруга. Ты сможешь делать людям так много добра! Вот, например, ты можешь попросить жениха, чтобы он уволил начальника моего папы. Тогда папа займет его место, будет получать вдвое больше жалованья, и мы будем так счастливы.

Бургомистр (считает вполголоса гостей). Раз, два, три, четыре. (Потом приборы.) Раз, два, три... Так... Один гость как будто лишний... Ах, да это мальчик... Ну-ну, не реви. Ты будешь есть из одной тарелки с мамой. Все в сборе. Господа, прошу за стол. Мы быстро и скромно совершим обряд бракосочетания, а потом приступим к свадебному пиру. Я достал рыбу, которая создана для того, чтобы ее ели. Она смеется от радости, когда ее варят, и сама сообщает повару, ког-

да готова. А вот индюшка, начиненная собственными индюшатами. Это так уютно, так семейственно. А вот поросята, которые не только откармливались, но и воспитывались специально для нашего стола. Они умеют служить и подавать лапку, несмотря на то что они жарены. Не визжи, мальчик, это совсем не страшно, а потешно. А вот вина, такие старые, что впали в детство и прыгают, как маленькие, в своих бутылках. А вот водка, очищенная до того, что графин кажется пустым. Позвольте, да он и в самом деле пустой. Это подлецы лакеи очистили его. Но это ничего, в буфете еще много графинов. Как приятно быть богатым, господа! Все уселись? Отлично. Постойте-постойте, не надо есть, сейчас мы обвенчаемся. Одну минутку! Эльза! Дай лапку!

Эльза протягивает руку бургомистру.

Плутовка! Шалунья! Какая теплая лапка! Мордочку выше! Улыбайся! Все готово, Генрих?

Генрих. Так точно, господин президент.

Бургомистр. Делай.

Генрих. Я плохой оратор, господа, и боюсь, что буду говорить несколько сумбурно. Год назад самоуверенный проходимец вызвал на бой проклятого дракона. Специальная комиссия, созданная городским самоуправлением, установила следующее: покойный наглец только раздражил покойное чудовище, неопасно ранив его. Тогда бывший наш бургомистр, а ныне президент вольного города, героически бросился на дракона и убил его, уже окончательно, совершив различные чудеса храбрости.

Аплодисменты.

Чертополох гнусного рабства был с корнем вырван из почвы нашей общественной нивы.

Аплодисменты.

Благодарный город постановил следующее: если мы проклятому чудовищу отдавали лучших наших девушек, то неужели мы откажем в этом простом и естественном праве нашему дорогом избавителю!

Аплодисменты.

Итак, чтобы подчеркнуть величие президента, с одной стороны, и послушание и преданность города, с другой стороны, я, как бургомистр, совершу сейчас обряд бракосочетания. Орган, свадебный гимн!

Гремит орган.

Писцы! Откройте книгу записей счастливых событий.

Входят писцы с огромными автоматическими перьями в руках.

Четыреста лет в эту книгу записывали имена бедных девушек, обреченных дракону. Четыреста страниц заполнены. И впервые на четыреста первой мы впишем имя счастливцы, которую возьмет в жены храбрец, уничтоживший чудовище.

Аплодисменты.

Жених, отвечай мне по чистой совести. Согласен ли ты взять в жены эту девушку?

Бургомистр. Для блага родного города я способен на все.

Аплодисменты.

Генрих. Записывайте, писцы! Осторожнее! Поставишь кляксу — заставлю слизать языком! Так! Ну вот и все. Ах, виноват! Осталась еще одна пустая формальность. Невеста! Ты, конечно, согласна стать женою господина президента вольного города?

Пауза.

Ну, отвечай-ка, девушка, согласна ли ты. . .

Эльза. Нет.

Генрих. Ну вот и хорошо. Пишите, писцы, — она согласна.

Эльза. Не смейте писать!

Писцы отшатываются.

Генрих. Эльза, не мешай нам работать.

Бургомистр. Но, дорогой мой, она вовсе и не мешает. Если девушка говорит «нет», это значит «да». Пишите, писцы!

Эльза. Нет! Я вырву этот лист из книги и растопчу его!

Бургомистр. Прелестные девичьи колебания, слезы, грезы, то-се. Каждая девушка плачет на свой лад перед свадьбой, а потом бывает вполне удовлетворена. Мы сейчас подержим ее за ручки и сделаем все, что надо. Писцы...

Эльза. Дайте мне сказать хоть одно слово! Пожалуйста!

Генрих. Эльза!

Бургомистр. Не кричи, сынок. Все идет как полагается. Невеста просит слова. Дадим ей слово и на этом закончим официальную часть. Ничего, ничего, пусть — здесь все свои.

Эльза. Друзья мои, друзья! Зачем вы убиваете меня? Это страшно, как во сне. Когда разбойник занес над тобою нож, ты еще можешь спастись. Разбойника убьют, или ты ускользнешь от него... Ну а если нож разбойника вдруг сам бросится на тебя? И веревка его поползет к тебе, как змея, чтобы связать по рукам и по ногам? Если даже занавеска с окна его, тихая занавесочка, вдруг тоже бросится на тебя, чтобы заткнуть тебе рот? Что вы все скажете тогда? Я думала, что все вы только послушны дракону, как нож послушен разбойнику. А вы, друзья мои, тоже, оказывается, разбойники! Я не виню вас, вы сами этого не замечаете, но я умоляю вас — опомнитесь! Неужели дракон не умер, а, как это бывало с ним часто, обратился в человека? Только превратился он на этот раз во множество людей, и вот они убивают меня. Не убивайте меня! Очнитесь! Боже мой, какая тоска... Разорвите паутину, в которой вы все запутались. Неужели никто не вступится за меня?

Мальчик. Я бы вступился, но мама держит меня за руки.

Бургомистр. Ну вот и все. Невеста закончила свое выступление. Жизнь идет по-прежнему, как ни в чем не бывало.

Мальчик. Мама!

Бургомистр. Молчи, мой маленький. Будем вести себя как ни в чем не бывало. Довольно этой канце-

лярщины, Генрих. Напишите там: «Брак считается совершенным» — и давайте кушать. Ужасно кушать хочется.

Генрих. Пишите, писцы: брак считается совершенным. Ну, живее! Задумались?

Писцы берутся за перья. Громкий стук в дверь. Писцы отшатываются.

Бургомистр. Кто там?

Молчание.

Эй, вы там! Кто бы вы ни были, завтра, завтра, в приемные часы, через секретаря. Мне некогда! Я тут жеманюсь!

Снова стук.

Не открывать дверей! Пишите, писцы!

Дверь распахивается сама собой. За дверью — никого.

Генрих, ко мне! Что это значит?

Генрих. Ах, папа, обычная история. Невинные жалобы нашей девицы растревожили всех этих наивных обитателей рек, лесов, озер. Домовой прибежал с чердака, водяной вылез из колодца... Ну и пусть себе... Что они нам могут сделать. Они так же невидимы и бессильны, как так называемая совесть и тому подобное. Ну приснится нам два-три страшных сна — и все тут.

Бургомистр. Нет, это он!

Генрих. Кто?

Бургомистр. Ланцелот. Он в шапке-невидимке. Он стоит возле. Он слушает, что мы говорим. И его меч висит над моей головой.

Генрих. Дорогой папаша! Если вы не придете в себя, то я возьму власть в свои руки.

Бургомистр. Музыка! Играй! Дорогие гости! Простите эту невольную заминку, но я так боюсь сквозняков. Сквозняк открыл двери — и все тут. Эльза, успокойся, крошка! Я объявляю брак состоявшимся с последующим утверждением. Что это? Кто там бежит?

Вбегает перепуганный лакей.

Лакей. Берите обратно! Берите обратно!

Бургомистр. Что брать обратно?

Лакей. Берите обратно ваши проклятые деньги!
Я больше не служу у вас!

Бургомистр. Почему?

Лакей. Он убьет меня за все мои подлости. *(Убегает.)*

Бургомистр. Кто убьет его? А? Генрих?

Вбегает второй лакей.

2-й лакей. Он уже идет по коридору! Я поклонился ему в пояс, а он мне не ответил! Он теперь и не глядит на людей. Ох, будет нам за все! Ох, будет! *(Убегает.)*

Бургомистр. Генрих!

Генрих. Держитесь как ни в чем не бывало. Что бы ни случилось. Это спасет нас.

Появляется третий лакей, пятась задом. Кричит в пространство.

3-й лакей. Я докажу! Моя жена может подтвердить! Я всегда осуждал ихнее поведение! Я брал с них деньги только на нервной почве. Я свидетельство принесу! *(Исчезает.)*

Бургомистр. Смотри!

Генрих. Как ни в чем не бывало! Ради бога, как ни в чем не бывало!

Входит Ланцелот.

Бургомистр. А, здравствуйте, вот кого не ждали. Но тем не менее — добро пожаловать. Приборов не хватает... но ничего. Вы будете есть из глубокой тарелки, а я из мелкой. Я бы приказал принести, но лакеи, дурочки, разбежались... А мы тут венчаемся, так сказать, хе-хе-хе, дело, так сказать, наше личное, интимное. Так уютно... Знакомьтесь, пожалуйста. Где же гости? Ах, они уронили что-то и ищут это под столом. Вот сын мой, Генрих. Вы, кажется, встречались. Он такой молодой, а уже бургомистр. Сильно выдвинулся после того, как я... после того, как мы... Ну, словом, после того, как дракон был убит. Что же вы? Входите, пожалуйста.

Генрих. Почему вы молчите?

Бургомистр. И в самом деле, что же вы? Как доехали? Что слышно? Не хотите ли отдохнуть с дороги? Стража вас проводит.

Ланцелот. Здравствуй, Эльза!

Эльза. Ланцелот! *(Подбегает к нему.)* Сядь, пожалуйста, сядь. Войди. Это в самом деле ты?

Ланцелот. Да, Эльза.

Эльза. И руки у тебя теплы. И волосы чуть подросли, пока мы не виделись. Или мне это кажется? А плащ все тот же. Ланцелот! *(Усаживает его за маленький стол, стоящий в центре.)* Выпей вина. Или нет, ничего не бери у них. Ты отдохни, и мы уйдем. Папа! Он пришел, папа! Совсем как в тот вечер. Как раз тогда, когда мы с тобой опять думали, что нам только одно и осталось — взять да умереть тихонько. Ланцелот!

Ланцелот. Значит, ты меня любишь по-прежнему?

Эльза. Папа, слышишь? Мы столько раз мечтали, что он войдет и спросит: Эльза, ты меня любишь по-прежнему? А я отвечу: да, Ланцелот! А потом спрошу: где ты был так долго?

Ланцелот. Далеко-далеко, в Черных горах.

Эльза. Ты сильно болел?

Ланцелот. Да, Эльза. Ведь быть смертельно раненым — это очень, очень опасно.

Эльза. Кто ухаживал за тобой?

Ланцелот. Жена одного дровосека. Добрая, милая женщина. Только она обижалась, что я в бреду все время называл ее — Эльза.

Эльза. Значит, и ты без меня тосковал?

Ланцелот. Тосковал.

Эльза. А я как убивалась! Меня мучили тут.

Бургомистр. Кто? Не может быть! Почему же вы не пожаловались нам! Мы приняли бы меры!

Ланцелот. Я знаю все, Эльза.

Эльза. Знаешь?

Ланцелот. Да.

Эльза. Откуда?

Ланцелот. В Черных горах, недалеко от хижины дровосека, есть огромная пещера. И в пещере этой ле-

жит книга, жалобная книга, исписанная почти до конца. К ней никто не прикасается, но страница за страницей прибавляется к написанным прежним, прибавляется каждый день. Кто пишет? Мир! Записаны, записаны все преступления преступников, все несчастья страдающих напрасно.

Генрих и бургомистр на цыпочках направляются к двери.

Эльза. И ты прочел там о нас?

Ланцелот. Да, Эльза. Эй, вы там! Убийцы! Ни с места!

Бургомистр. Ну почему же так резко?

Ланцелот. Потому что я не тот, что год назад. Я освободил вас, а вы что сделали?

Бургомистр. Ах, боже мой! Если мною недовольны, я уйду в отставку.

Ланцелот. Никуда вы не уйдете!

Генрих. Совершенно правильно. Как он тут без вас вел себя — это уму непостижимо. Я могу вам представить полный список его преступлений, которые еще не попали в жалобную книгу, а только намечены к исполнению.

Ланцелот. Замолчи!

Генрих. Но позвольте! Если глубоко рассмотреть, то я лично ни в чем не виноват. Меня так учили.

Ланцелот. Всех учили. Но зачем ты оказался первым учеником, скотина такая?

Генрих. Уйдем, папа. Он ругается.

Ланцелот. Нет, ты не уйдешь. Я уже месяц как вернулся, Эльза.

Эльза. И не зашел ко мне!

Ланцелот. Зашел, но в шапке-невидимке, рано утром. Я тихо поцеловал тебя, так, чтобы ты не проснулась. И пошел бродить по городу. Страшную жизнь увидел я. Читать было тяжело, а своими глазами увидеть — еще хуже. Эй вы, Миллер!

Первый горожанин поднимается из-под стола.

Я видел, как вы плакали от восторга, когда кричали бургомистру: «Слава тебе, победитель дракона!»

1-й горожанин. Это верно. Плакал. Но я не притворялся, господин Ланцелот.

Ланцелот. Но ведь вы знали, что дракона убил не он.

1-й горожанин. Дома знал... а на параде...
(Разводит руками.)

Ланцелот. Садовник!

Садовник поднимается из-под стола.

Вы учили львиный зев кричать: «Ура президенту!»?

Садовник. Учил.

Ланцелот. И научили?

Садовник. Да. Только, покричав, львиный зев каждый раз показывал мне язык. Я думал, что добуду деньги на новые опыты... но...

Ланцелот. Фридрихсен!

Второй горожанин вылезает из-под стола.

Бургомистр, рассердившись на вас, посадил вашего единственного сына в подземелье?

2-й горожанин. Да. Мальчик и так все кашляет, а в подземелье сырость!

Ланцелот. И вы подарили после того бургомистру трубку с надписью: «Твой навеки»?

2-й горожанин. А как еще я мог смягчить его сердце?

Ланцелот. Что мне делать с вами?

Бургомистр. Плюнуть на них. Эта работа не для вас. Мы с Генрихом прекрасно управимся с ними. Это будет лучшее наказание для этих людишек. Берите под руку Эльзу и оставьте нас жить по-своему. Это будет так гуманно, так демократично.

Ланцелот. Не могу. Войдите, друзья!

Входят ткачи, кузнец, шляпочных и шапочных дел мастер, музыкальных дел мастер.

И вы меня очень огорчили. Я думал, что вы справитесь с ними без меня. Почему вы послушались и пошли в тюрьму? Ведь вас так много!

Ткачи. Они не дали нам опомниться.

Ланцелот. Возьмите этих людей. Бургомистра и президента.

Ткачи (*берут бургомистра и президента.*) Идем!

Кузнец. Я сам проверил решетки. Крепкие. Идем!

Шапочных дел мастер. Вот вам дурацкие колпаки! Я делал прекрасные шляпы, но вы в тюрьме ожесточили меня. Идем!

Музыкальных дел мастер. Я в своей камере вылепил скрипку из черного хлеба и сплел из паутинки струны. Невесело играет моя скрипка и тихо, но вы сами в этом виноваты. Идите под нашу музыку туда, откуда нет возврата.

Генрих. Но это ерунда, это неправильно, так не бывает. Бродяга, нищий, непрактичный человек — и вдруг...

Ткачи. Идем!

Бургомистр. Я протестую, это негуманно!

Ткачи. Идем!

Мрачная, простая, едва слышная музыка. Генриха и бургомистра уводят.

Ланцелот. Эльза, я не тот, что был прежде. Видишь?

Эльза. Да. Но я люблю тебя еще больше.

Ланцелот. Нам нельзя будет уйти...

Эльза. Ничего. Ведь и дома бывает очень весело.

Ланцелот. Работа предстоит мелкая. Хуже вышивания. В каждом из них придется убить дракона.

Мальчик. А нам будет больно?

Ланцелот. Тебе нет.

1-й горожанин. А нам?

Ланцелот. С вами придется повозиться.

Садовник. Но будьте терпеливы, господин Ланцелот. Умоляю вас — будьте терпеливы. Прививайте. Разводите костры — тепло помогает росту. Сорную траву удаляйте осторожно, чтобы не повредить здоровые корни. Ведь если вдуматься, то люди, в сущности, тоже, может быть, пожалуй, со всеми оговорками, заслуживают тщательного ухода.

1-я подруга. И пусть сегодня свадьба все-таки состоится.

2-я подруга. Потому что от радости люди тоже хорошеют.

Л а н ц е л о т. Верно! Эй, музыка!

Гремит музыка.

Эльза, дай руку. Я люблю всех вас, друзья мои. Иначе чего бы ради я стал возиться с вами. А если уж люблю, то все будет прелестно. И все мы после долгих забот и мучений будем счастливы, очень счастливы наконец!

З а н а в е с

1943

Glossary and Notes

Гольй король

Акт I, стр. 20

готентогепотентатергантеатентер: A parody of a German swear-word.

The Governess's speech is based on a parody of German syntax—the verb (or any other unexpected part of speech such as a preposition) goes to the end of the sentence, regardless of actual German usage; there are unexpected inversions, weird conglomerations of infinitives. The Governess also has difficulty with Russian reflexives and the verb “to be”. In addition, Shvarts peppers her speech with real German words and German-sounding noises, used in and out of context and, evidently because of her associations with children, occasionally throws in lines from a child's “counting-out” game in the style of “Eeny-Meeny-Miny-Mo”. Marshak also uses the counting game to represent a child's idea of a foreign language (in the puppet play *Petrushka Inostranets*).

Одер: German *oder* = lit. or. The Kammerherr addresses the Governess in his own idea of “Pidgin-Russian” or “Kitchen German”. He, too, uses odd syntax and any foreign words that happen to come into his head, irrespective of meaning.

Ентведер: German *entweder* = lit. either.

стр. 21

Анкор: French *Encore*.

У-лю-лю!: A hunting cry on sighting game. Roughly corresponding to Tally-ho!

Ату еро!: A hunting cry to encourage pack in pursuit of game.

Али, бани, три конторы!: From a child's "counting-out" game: cf. Note to готентотенпотентатертантеатентер.

стр. 24

Ентведер-одер, абер: German *Entweder-oder, aber?* = lit. Either-or, but?

стр. 25

Хурда-мурда: A term of abuse derived from the cry of the rag-and-bone-man: Хурды-мурды.

Шнапс триккен: German *Schnapps trinken*, to drink Schnapps.

Гумпти-Думпти доberman-боберман: Nonsense reminiscent of English nursery literature—"Humpty-Dumpty" and a German breed of dog: the Doberman-Pincher.

Уна, дуна, рес: Another counting game.

Квинтер, баба, жес: A continuation of the same counting game.

стр. 30

пролоб... пробар... пробаргаешься: The drunken Minister, here as throughout this conversation, is trying (unsuccessfully) for the verb проболтаться, пробалтываться meaning to talk indiscreetly, to let the cat out of the bag, to blab.

стр. 31

Гоголь-моголь: Yolk of egg beaten up with sugar.

ауф: German *auf* meaning off.

Ундер-мундер: German-sounding made-up word.

Акт II, стр. 35

Реветь белугой: To howl frenziedly.

Красная рыба: Красная here means valuable. Sturgeon (осетрина), white sturgeon (белуга) and salmon (лосось) are all known as красная рыба. Here, of course, there is a political pun on the more usual meaning of the adjective красный, i.e. red.

стр. 36

По-переднему: As the first man in the line.

стр. 44

Альонкт Брокгауз и приват-доцент Ефрон: Brokgauz and Efron are the compilers of the famous Russian Encyclopaedia which bears their name.

стр. 53

фон: German *von* = from.

воспитабль: The Kammerherr gives a foreign-sounding ending to the Russian word воспитание.

уна: Again from the counting-game, here obviously meaning "one".

айн, цвай, драй: German *ein, zwei, drei* = one, two, three.

дизе: German *diese* = this.

стр. 54

Лоби-тоби: Nonsense words.

Я сметаю себя авек король: Presumably я сметаюсь за королем, i.e. "I'll clear off and fetch the king"; авек = French *avec*.

Унд: German *und* = and.

стр. 55

Па-де-труа!: French *pas-de-trois*.

бите-дритте: German nonsense. Lit. *bitte* = please, *dritte* = the third.

вас ис дас: German *was ist das*, a familiar expression for educated Russians as it means not only "what is that?" but also the small ventilating pane which in Russian is known as форточка. Here, of course, a complete non-sequitur.

стр. 62

Э, была не была!: Idiom, Come what may.

Впервой ли!: Vulg. For the first time. Here in the sense of "Not as if it were for the first time!"

Тень

Акт I, стр. 83

книксен: German *Knicksen* = a bob.

Акт II, стр. 107

Отвра: As the Majordomo has just informed his assistant, the ministers понимают друг друга с полуслова. Shvarts takes this idiom literally and throughout the conversation the two speak in "half-words"

Отвра = отвратно, отвратительно = disgusting.

плю: плохо = bad.

Конкуре: конкуренция = competition.

докла: докладывали = reported.

стр. 108

нря: нравится = to please.

или ку, или у: или купить, или убить = either buy or kill.

проню: пронюхали = got wind of.

стр. 110

ска: скажете = will say.

Подходя: подходяще = suitable.

це: цена. Заломить цену = ask an exorbitant price.

стр. 111

оформить: To register, to go through the formalities.

стр. 123

давайте сначала перейдем на «ты»: In Anderson's story the Shadow's hostility to the Scholar becomes evident on his rejection of the familiar form of address proposed by his erstwhile substance. Shvarts's Shadow is more cunning.

Акт III, стр. 134

мой сосед: Apart from the usual meaning of "neighbour" the word has come to have the connotation of someone with whom one shares a communal flat.

стр. 151

...у тебя перебивают работу: Someone steps into your shoes, pinches your job.

Дракон

Акт I, стр. 160

Пшел, пшел вон! Пошел, пошел вон! = Scat! Get out! Shvarts makes the actual words a continuation of the cat's angry spitting Фрр!... Ф-ф-ф!

стр. 165

жалобная книга: A book of complaints, available in every Soviet shop, restaurant, hairdressers, etc. The word жалобный also means pitiful and here we have a play of words which suggests at once something profoundly pathetic and the righteous, lawful, democratic complaints of the ordinary people of the world, the "consumers", as it were.

стр. 175

у меня зашел ум за разум: Lit. I am at my wits' end.

Акт II, стр. 176

дра-дра, дракоша: Henrich's "pet-names" for the Dragon.

стр. 188

легавые or **лягавые:** originally a type of dog (pointer or setter), but, in underworld jargon, used much as the English underworld uses the word "blood-hound" to describe all-too assiduous servants of law and order, policemen, informers and stool-pigeons.

стр. 201

его гонят в три шен: The boy is playing upon the idiom гонять в шею = to throw out, to put to rout.